
ПИОНЕР 7
ИЮЛЬ ● 1971 г. ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Что такое мелиорация, — рассказывает министр мелиорации



Дружба между душанбинскими пионерами и Евгением Евгеньевичем Алексеевским завязалась давно, еще три года назад, когда «красные следопыты» решили пойти по следам 17-й кавалерийской Краснознаменной дивизии. Эта воинская часть была сформирована в 1941 году в городе Душанбе. Отсюда отправилась она в Москву, и ее с ходу вывели на боевые позиции.

Бессменным комиссаром дивизии, прошедшим вместе с ней весь путь от Москвы до Берлина, был Евгений Евгеньевич Алексеевский.

— В тяжелый первый год войны, когда фашисты стояли под Москвой, мы поклялись напоить наших коней водой Эльбы и напоили их! — сказал Евгений Евгеньевич, вспоминая прошлое.

Сейчас товарищ Алексеевский министр, член правительства, человек, руководящий важнейшей отраслью народного хозяйства. И, конечно, ребятам было интересно узнать как можно больше о его теперешней мирной работе, о труде мелиораторов, о том, какое значение этот труд имеет сегодня для нашей страны.

Внимательно слушают Галю Мирзабекову ребята и сотрудники министерства, собравшиеся в Зале коллегии. Слева — Евгений Евгеньевич Алексеевский.



ВОТ ЧТО РАССКАЗАЛ МИНИСТР

— Вода для засушливых районов — жизнь.

Вода для мест заболоченных — зло.

В первом случае земле надо дать воду, напоить ее досыта, чтобы покрылась она зеленым ковром.

Во втором случае землю надо избавить от лишней влаги, осушить болота и разбить на освобожденной почве поля, сады и огороды.

Не правда ли, две совершенно различные задачи, а решаются они одним способом — при помощи мелиорации.

Это она дает сельскому хозяйству новые земли. Это она отвоевывает их у пустынь, у безводных степей, у болот — комариного царства, у огромных пустырей, до горизонта заросших диким кустарником.

Задачи, которые решает мелиорация, совсем не школьные, и решения у них очень сложные. Чтобы обводнить землю, надо провести каналы, устроить водохранилища (иногда это целые моря!), покрыть поля мощной оросительной системой.

В нашей стране мелиорация ведется такими темпами, каких не знает ни одна страна в мире. Только за последние пять лет получили новую жизнь около шести миллионов гектаров орошенных и осушенных площадей.

А то, что мы, мелиораторы, должны сделать в наступившей пятилетке, не идет ни в какое сравнение с тем, что мы уже сделали.

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.
Фото С. КАРАСЕВА.



земли, орошенные до 1971 года.

земли, которые будут орошены в 1971—1985 годах.

земли, осушенные до 1971 года.

земли, которые будут осушены в 1971—1985 годах.

Вот сколько новых земель прибавит мелиорация сельскому хозяйству Украинской ССР.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.



Новые земли — новые сады.

Вот вам, к примеру, сухие цифры.

По Директивам XXIV съезда КПСС в новой пятилетке мы должны дать сельскому хозяйству еще три миллиона гектаров новых орошаемых земель и обводнить больше сорока миллионов гектаров пастбищ.

Осушение заболоченных земель — работа, пожалуй, не менее трудная и сложная: с огромной площади надо отвести миллиарды кубометров воды и сбросить их или в реку, или в специальные бассейны. Как это сделать? Построить сложную систему подземных каналов — дренажей.

Мы должны осушить в эту пятилетку пять миллионов гектаров. Для этого протянуть под землей 1,5 миллиона километров каналов. Это четыре дороги на Луну и обратно!

Как видите, немалая территория прибавится за пять лет к нашим сельским угодьям. Такое государство, как Дания, свободно разместилось бы на будущих новых землях.

ЧТО ОЗНАЧАЮТ ЭТИ ЦИФРЫ ДЛЯ НАС?

Они означают, что страна получит новые миллионы тонн пшеницы, риса, овощей, фруктов, льна, подсолнуха, тонковолокнистого хлопка. Наши пастбища станут обширней, и еще больше скота будет пастись на них.

Почему партия так много внимания уделяет мелиорации?

Потому что земли, отвоеванные мелиораторами, дают урожаи в два, а то и в три раза больше.

И эти урожаи не зависят от природных условий. Ни засуха им не страшна, ни избыточные дожди. Специальные мелиоративные системы напоят поля, когда будет недостаток воды, и отведут ее, когда будет излишек.

Преобразовывать землю мелиораторам помогает техника. Тысячи и тысячи мощных бульдозеров, скреперов, экскаваторов, многотонных грузовиков помогают строить каналы, создавать водохранилища, возводить плотины. Мелиораторы создают мощные насосные станции, поднимающие воду на сотни метров и перегоняющие ее за многие километры на отдаленные поля, дождевальные установки, поливальные машины.

Мелиорация изменяет не только землю, она изменяет и отношение человека к земле. Земля теперь потребует от него еще более внимательного, более бережного и более разумного отношения к себе. На такой земле людям без хорошего образования, без знаний нечего будет делать.

— Мы тоже хотим стать мелиораторами,— сказали ребята,— у нас уже даже есть кое-какой опыт.

Ребята рассказали, как прошлым летом они учились на пятимесячных курсах юных мелиораторов, а потом на практике проверяли свои знания.

В тот год в Душанбе было трудно с водой. Только самая жесткая экономия могла спасти пригородные поля, сады, огороды, виноградники и бахчи. Все, чем так богата таджикская земля, могло погибнуть от засухи.

Надо было проследить, чтобы ни одна капля драгоценной влаги не пропала без пользы.

Для юга это означает, например, что поливку можно производить только вечером, когда вода испаряется не так сильно, как днем. Вот за этим и следили ребята.

Не все поначалу шло гладко. Некоторые отмахивались от ребят в красных галстуках. Но пионеры не зря окончили курсы.

Они могли даже взрослым доказать, как лучше использовать воду.

Каждую среду ребята работали на заводе. Завод не простой, он принадлежал Министерству водного хозяйства и мелиорации. И пионеры научились работать на некоторых машинах.

В Москву они приехали на заработанные деньги.

Прощаясь с министром, ребята пообещали, что в этом году у них не будет ни одного отстающего.

— А кого вы считаете отстающими? — неожиданно спросил Евгений Евгеньевич.

— Двоечников! — хором ответили ребята.

— Не согласен с вами,— сказал министр.— На наших стройках работают сложнейшие машины, ими не овладеешь без глубоких знаний. Человеку с образованием на «троечку» вряд ли найдется место в таких сложных системах орошения, как, например, Каховская, крупнейшая в Европе.

— Но «троечка», как говорят, государственная отметка,— пошутили ребята.

— Была,— серьезно ответил Евгений Евгеньевич.— Сейчас государственной отметкой должны стать оценки «хорошо» и «отлично». Иначе вы не сможете ухаживать за землей так, чтобы она давала только высокие урожаи.

— Евгений Евгеньевич, а чем мы, пионеры, можем помочь взрослым?

— Мелиорация — это наука. И уже со школьной скамьи надо относиться к ней, как к науке. Можно организовать кружки молодых мелиораторов. Особенно это полезно тем, кто живет на новых обводненных или осушенных землях. Мы с удовольствием поможем школам, где возникнут такие кружки.

И самое главное, ребята должны следить за сохранностью всех мелиорационных сооружений. Самые уязвимые места — это каналы, арыки, те бесчисленные нити, которые проводят воду на поля или, наоборот, отводят ее. Берите, ребята, шефство над такими сооружениями, следите за откосами, за дамбами...

А когда вы вырастете, работы для вас в нашей системе найдется сколько угодно. «В мелиорации будущее нашего сельского хозяйства»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.



И эта земля даст богатый урожай, если ее напоят водой.

Здесь будет новое море.



Н. МАКСИМЕНКО

НОВЫЕ ЗЕМЛИ Александра Кубова

ПОВЕСТЬ

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

Мое появление на свет стоило жизни моей матери, и меня воспитывала бабушка. Отец записал меня именем бабушки Саши — Александр. То ли это случайно получилось — просто ему нравилось имя Саня, то ли потому, что он знал, что бабушке придется воспитывать меня.

Получилось так, что бабушке пришлось возиться со мной еще больше, чем мог думать отец и чем вообще кто-нибудь мог думать.

Когда началась война и отец ушел на фронт, мне было семь лет, у нас не было ни одной рабочей карточки, только детская и иждивенческая, хотя смешно даже сказать, какая же бабушка иждивенка, кто хочешь иждивенец, только не бабушка. Но уйти на работу и оставить мальца (это меня) одного дома она не могла, поэтому мы прожили войну без рабочей карточки. И когда вернулся наконец с фронта отец, то бабушка ему крепко-накрепко сказала, что ребенок вырос без масла и без витаминов и надо думать. Пока отец думал, тут как раз ему написал один фронтовой товарищ, дядя Николай, звал к себе: он жил в городе на море и работал на судоремонтном заводе. Отец очень сомневался, что же будет с московской квартирой, но бабушка сказала ему: «Что тебе дороже — квартира или ребенок?» — и еще она ему сказала, что настоящий корабельщик должен ходить по палубе корабля, а не по конторским коридорам. И тут он решился. Нам дали товарный вагон, мы в него погрузили все свои вещи и поехали.

В обычном, нормальном пассажирском поезде надо ехать туда два дня, но мы ехали почти целый месяц; на остановках отец бегал получать по карточкам хлеб, а бабушка — за водой и потом покупала лук и картошку, которые выносили продавать к поездам. Меня же не выпускали из вагона. Дело в том, что мы никогда не знали,

сколько простоит наш состав, — в нем люди не ехали, в нем везли оборудование, мы были только одни люди во всем составе. И нас даже один раз заперли на засов, когда мы спали, и мы целый день стучали-стучали, и никто нас не открывал, а потом наш стук услыхали мальчишки, которых было очень много по всему пути, и сказали дорожникам, и нас открыли... Бабушка пригласила мальчишек в вагон и усадила вокруг печки (у нас в вагоне была своя печка-«буржуйка»), поставила перед ними кастрюлю с икрой из тушеного лука и дала каждому по куску хлеба и по ложке, а сама стояла, подперев щеку рукой, и смотрела на них, пока они скребли чуть не до дыр кастрюлю.

Когда они поели и ушли, бабушка вздохнула и сказала мне:

— Видишь, тезка, хорошо, что я у тебя есть, а то у отца свои важные дела, и ты бы тоже вот так же шастал.

— Конечно, Буля, — сказал я (дело в том, что «бабушка» — это название официальное, я ее никогда не называл бабушкой, а Булей. И она меня всегда называла «тезка», а при отце — «ребенок»), — конечно, Буля, — сказал я, — и хорошо, что я у тебя есть, хорошо, что мы друг у друга есть. Мы вдвоем никогда не пропадем.

Это было Булино выражение, она любила его повторять. И действительно, с Булей трудно было пропасть: она умела все на свете и никогда не унывала. И все равно мы чуть не пропали.

Дело в том, что Буля первый раз в жизни (по крайней мере в моей) растерялась. А все произошло оттого, что она представляла себе жизнь на море совсем другой, чем она была на самом деле.

Буля как посмотрела на этот город, так, как говорится, и ахнула. Прямо напротив вокзала через площадь стояли скелеты домов, единственно, что в них целого осталось, — так это лестницы. Они все насквозь были видны, и по ним мальчишки носились, в войну, конечно, играли. До нас через площадь доносилось: бах-ба-бах!

И Буля сразу стала такая скучная. А мимо шел как раз какой-то морской офицер. Он остановился около Були и говорит:

— Что, гражданочка, смотрите? Да, это следы войны, с моря прямым попаданием.

Буля ничего не сказала, а я спросил его:

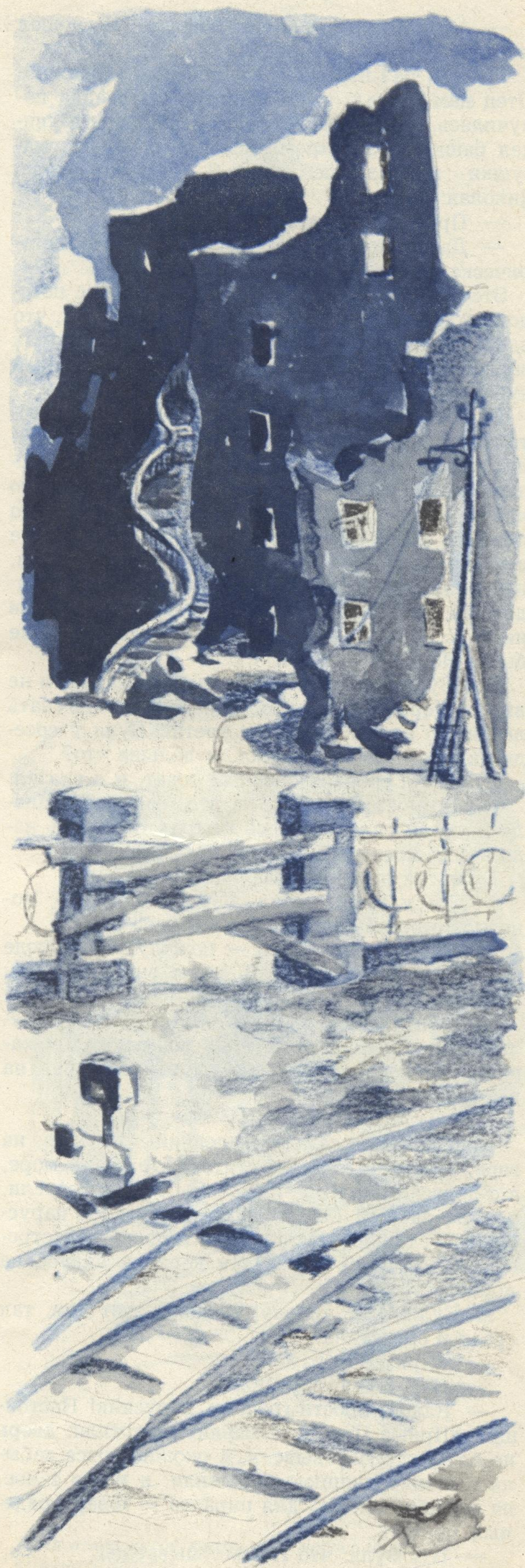
— А до моря далеко?

— Да вот же оно, за вашими спинами.

Мы обернулись, и я увидел, что за путями, за товарными вагонами торчат какие-то черные палки, и не понял, где же море. Я только подумал, а не спросил, а моряк мне ответил:

— Это мачты потонувших кораблей. Война, кругом война...

И в этот момент у нас под самым ухом грохнула веселая музыка «Путь далекий до Типерери!»... Моряк засмеялся и сказал:



Прямо напротив вокзала через площадь стояли скелеты домов.

— А вот это уже не война. — И пошел дальше.

Тут как раз подошли отец и дядя Николай. Отец нам сказал, что с машиной загвоздка получилась, но тут недалеко. Мы пошли, и я увидел башню вроде кремлевской, только без макушки и разрушенную. Я спросил дядю Николая:

— Прямым попаданием?

— Да это ж старинная, можно сказать, историческая, ее еще генуэзцы строили.

Этот самый южный город встретил нас погодой — хуже не бывает. И кто это придумал, что здесь зимы нет? Ветрище ледяной, а дождь как зарядит — уж лучше снег. Вот тебе и южный курорт!

В Москве-то хоть хорошо отоваривали карточки, и Буля меняла. То водку на масло, то папиросы на сахар. А здесь по карточкам ничегошеньки не давали, кроме тяжелого, мокрого хлеба, которого четыреста граммов и не видно даже, а все местные жили с огородов, да еще столько было всякого приезжего народа — они, наверное, так же, как и Буля, тешили себя надеждой, что на море и рыба, и фрукты, и дров не надо. Дров-то еще как надо было! А их не было. Не было, и все.

Вот Буля и скисла. Я ее такой, пожалуй, и не видел. Первый день мы без супа и без чаю спать легли, во второй тоже, на третий Буля у соседей кипяточком разжилась, а дальше что?

Тут Буля собрала военный совет, и я сказал:

— По-моему, Буля, все, что мы с тобой знали и умели раньше, здесь не годится. Здесь надо все по-новому, будто мы Робинзоны.

Буля так и подскочила:

— Ты у меня, тезка, просто Цицерон. Конечно, огород! Вот наше спасение!

— Да, — сказал отец, — пожалуй, в городе нам не прожить, пожалуй, надо снять комнату и огород где-нибудь за городом.

Но снимать не пришлось. Завод нам дал целый дом с участком. Там до войны жил механик с корабельного завода, потом он ушел на войну и не вернулся...

*

Наш дом был самый последний в поселке, на горе, а если с горы спуститься, то сразу море, а с другой стороны — горы. Вы бы посмотрели, что это за дом! Мне он сразу показался парусником — такой вытянутый, а терраса недостроенная — ну точь-в-точь как верхняя палуба на корабле.

А Буля, как только увидала этот дом, так сразу и окрестила:

— «Приют Пиратов».

— Нет, Буля, парусник.

— Какой, прости господи, парусник! Настоящий «Приют Пиратов», спьяну сколотили: дверь не на ту сторону вывели, а окошко вовсе забыли и стенку лишнюю поставили, и место такое, на отшибе, как раз для пиратов — товар краденый прятать.

— Ну, Буля, что ты выдумываешь!

Тут и отец обиделся:

— На вас, Александра Васильевна, не угодишь: отдельный дом дали бесплатно — попробуйте получите! — и участок, можно огород разводить...

— А кто тебе сказал, что я недовольна «Приютом Пиратов»? Очень довольна!

Так с легкой Булиной руки наш дом стал называться «Приют Пиратов». Буле так понравилось это название, что она взяла кусок картонки и написала на нем: «Приют Пиратов» — и нарисовала страшного пирата с завязанным глазом, а сверху и по бокам украсила вывеску гирляндами цветов и прицепила над дверью. По поводу этой вывески у нас с Булей произошли разногласия. Я ни за что не соглашался на цветы.

— Сюда надо череп со скрещенными костями, а сюда — кривой нож.

— Еще чего! — не соглашалась Буля. — Хватит с меня этой страшной пиратской рожи, чтоб я портила себе нервы, еще любуясь на череп с костями! Лучше мой глаз будет отдыхать на цветах.

— Ну, Буля, при чем же здесь цветы? Скажи на милость, зачем пиратам цветы?

— Пиратам, может, они и не нужны, зато мне нужны, — проговорила Буля тоном, не терпящим возражений, и я вынужден был согласиться, так как сам рисовать не умел.

Буля же, я забыл это сказать, рисовала очень хорошо и даже в войну прирабатывала тем, что делала вышивки по своим рисункам. Только «передвижники» не взяли бы ее в свою компанию, потому что она никак не могла понять, сколько я ей ни объяснял, что нельзя на одном рисунке, например, рисовать букет георгинов и корову, да еще георгин у нее получался с корову, или нарисует корзину с цветами, а рядом дом такого же размера.

— Буля, а где же у тебя перспектива?

— А плевать я хотела на твою перспективу! Вот захотелось мне нарисовать домик — как приятно было бы жить в таком домике!

Или вот пираты и цветы!

Между прочим, пиратская вывеска дорого нам с Булей стоила.

Вечером приехал с работы отец — на наше несчастье, темнеть стало поздно — и увидел на доме этот самый «Приют Пиратов». Что тут началось! Кофе, и какао, и детский визг на лужайке! Досталось и мне и Буле!

Я оболтус и стоеросовая дубина. Вместо того чтобы учиться... И тут нам нечем было крыть, потому что мы уж неделю как переехали, а я еще не пошел в новую школу. На Булю он, конечно, не говорил «оболтус» или «стоеросовая дубина», он вообще Булю очень уважал и, кроме того, никогда не забывал, что она ему «вы́ходила ребенка», но он здорово рассердился.

— Я просто удивляюсь вам, Александра Васильевна, вы такая умная женщина и поддаетесь всеобщей эпидемии бабушек: балуете внука. Вы же видите, что я работаю день и ночь, мне некогда следить за сыном. Почему вы не проследили, чтоб он сразу записался в школу,

а вместо этого занимаетесь с ним всякой чепухой? Что это за идиотский «Приют Пиратов»?! Что скажут соседи! Чему вы учите ребенка? В конце концов это знаете, чем пахнет?

Тут взорвалась Буля. Пока разговор шел о школе, она молчала, она была справедливая, и тут мы с ней явно дали маху, но с «Приютом Пиратов» она не стерпела.

— Ну, Леонтий, ты превращаешься в старую бабу! Да какое тебе дело, что скажут люди и чем это пахнет! Ну скажи мне, чем это пахнет? А я могу тебе сказать! Если бы мы с Александром не умели многое оборачивать в шутку, то мы бы не выжили в войну и у тебя бы не было сейчас ребенка.

Тут замолчал отец, и Булин гнев тоже сразу прекратился: видно, она увидела, что задела больную струну (когда говорили что-нибудь такое, отец сразу вспоминал о матери). Отец встал и начал заводить будильник, а Буля тоже встала и стала заваривать чай — видно, ей хотелось успокоиться.

Так или иначе, мне было ясно, что завтра я иду в школу. Я тоже встал и без энтузиазма достал свой портфель, вытряхнул все, что в нем лежало, на кровать и стал перебирать каждую вещичку — марки, и значки, и тетрадки. Новых тетрадей не оказалось, я выбрал тетради, где были исписаны только один-два первых листа, и выдрал их: мне хотелось в новой школе начать новую жизнь.

На следующее утро Буля разбудила меня чуть свет, и у нее уже была готова жареная картошка, самая моя любимая еда, ужасная редкость в этих краях: здесь картошка плохо растет. И где это Буля припасла пару картошечек? Или вчера вечером выпросила у соседки? И с собой она мне наворотила целый сверток. Я отказывался:

— Не надо, Буля, я приду, буду обедать.

— Бери, бери, — сказала Буля. — Все на большой перемене будут завтракать, а ты будешь в рот смотреть!

Отец уже уехал с рабочим автобусом. Я вышел из дому. Еще семи не было. Слева над морем, как раз напротив нашего дома, вставало солнце, но оно было все закрыто белым туманом и выглядело, как желток в яичнице-глазунье. Я уж говорил, что наш дом стоял почти на самом обрыве, а под ним море. Я подошел к самому краю обрыва — подо мной был сплошной белый туман, море как будто заложено белой ватой, и из-за этого казалось, что оно далеко-далеко внизу, а поселок тоже был не виден из-за тумана и даже наш дом, и мне уже не казалось, что это вата, мне казалось, что я стою на вершине мира, а подо мной небо, а под ним море и поселок, и море как будто там, далеко внизу. Это было здорово.

Но было уже пора идти в школу, и я пошел по дороге, повернувшись спиной к морю.

И вот я уже сижу в 6-м классе, ни «А», ни «Б», а просто в 6-м, потому что здесь всего один шестой класс, не то что в Москве, и учимся мы вместе с девчонками, потому что не толь-



Буля взяла кусок картонки и написала на нем: «Приют Пиратов».

ко один шестой, но вообще одна школа в поселке.

День прошел ничего себе. На перемене все ели такие же завтраки, как и я, — хлеб с яблоками (как только Буля угадала?). А после большой перемены была физика, и химичка Аннушка (она у нас физику вела) спросила, кто я и что, и откуда приехал, и кто у меня родители, и потом сказала, что сейчас у многих ребят только по одному родителю.

А Надька Кочкина, с которой меня посадили, стала мне на ухо шептать песенку, которую они сочинили про химичку Аннушку, и я прыснул со смеху, а химичка так странно посмотрела на меня и пробурчала под нос: «Что он нашел здесь смешного?» Да она ведь не слышала, что Надька Кочкина мне напевала частушку:

А химичка в кабинете
Кушает кислоты,
А у Нинки-старосты
Новенькие боты.

Последний урок был история. Историк опоздал на урок. Вошел он, сильно хромая на одну ногу, и шел очень быстро; от этого получалось, как будто он пританцовывал, но никто не хихикал. Пал Палыч потерял ногу на фронте, и у него был протез.

Пал Палыч мне понравился, да, видно, и ребята его любили: он рассказывал о всяких исторических личностях как о своих знакомых — к одним он хорошо относился, других презирал, а были такие, которых ненавидел.

После школы я вспомнил, как хорошо было утром на море, и решил сделать небольшой крюк, чтоб пройти к дому берегом моря. Действительно, здорово было сегодня на море! Что-то я и не замечал, какое оно синее и выпуклое, а может быть, потому, что сегодня первый такой жаркий день, и утренний туман совсем исчез, и солнце печет будь здоров. Я снял пальто, хотелось снять ботинки и пройтись босиком по песочку, да тащить в руках не хотелось.

Так я шел себе, как вдруг меня догоняет одна девчонка из нашего класса — она сидит на задней парте, я ее заметил еще в классе, — непохожая на других: молчаливая, длинная, худая-прехудая, а глаза синие, как сегодняшнее море.

— Ну, как тебе Гай Гракх?

— Это что еще за Гай Гракх?

— Да наш историк.

— Он же Пал Палыч...

— Пал Палыч, но мы еще и Гаем Гракхом зовем с прошлого года, когда древний мир проходили. Правда, мировой?

— Еще какой! А ты здесь тоже живешь?

— Я совсем не здесь. Я в горах. Наша деревня самая последняя, а там уже начинается заповедник.

— А что ж ты здесь ходишь?

— А я камни собираю на море. И в горах — тоже, но на море лучше, гладенькие, они горят больше.

И она достала из кармана фартука (она была уже по-летнему одета — в одной форме, а я, как дурак, пальто тащил) горсть камушков и протянула на ладони. Камушки были круглые, гладкие, как будто отточенные, совершенно прозрачные и горели голубоватым огнем.

— Ну уж, ну уж! Нашла! Так я и поверил. У матери, небось, бусы утянула.

Она презрительно фыркнула и убрала камушки обратно в карман.

— Понимал бы что-нибудь! Да если хочешь знать, это самые плохие, и их здесь полно, — глаза бы имел на лбу, а не на макушке.

Она остановилась, и я остановился тоже, и она словно впилась глазами в подбегающую к нам волну. И мы так стояли и смотрели, как дураки. И я уж хотел плюнуть и уйти — я думал, что она меня разыгрывает, — как вдруг увидел в воде ослепительное голубое сияние. Я заорал благим матом и бросился как есть, в ботинках и не засучив брюк, в воду и, как коршун цыпленка, схватил в кулак это голубое сияние.

— Эх, что там твои камни, вот у меня — это да!

— Никогда не смотри над волной, а то, если уронишь, море второй раз не отдаст.

И она потянула меня за рукав дальше на песок, и я с замиранием сердца разжал онемевшие пальцы и увидел у себя на ладони большой мутноватый желто-белый камень. Я чуть не заплакал от обиды, бросился к воде, но она меня остановила.

— Нет, это тот самый, просто он в воде так сиял; это халцедон. Вот я собираю маленькие, они прозрачнее, и поэтому в них голубой свет не только в воде. Но ты не бросай его... Смотри, как надо...

Она осторожно разжала мои пальцы, взяла камень и потерла его о свою щеку, и камень заблестел почти так же, как в воде.

— Что ты с ним сделала, — закричал я, — ты колдунья, что ли?

Она засмеялась и закружилась по песку, размахивая портфелем.

Мы уже дошли до того места, где мне надо было подниматься к себе домой, и я, небрежно кивнув ей: «Гуд бай!» — полез по тропинке на обрыв, как вдруг остановился и закричал:

— Эй! Как тебя зовут?

— Меня?

Она сделала шага два назад и сказала:

— Джоанна.

— Джоанна? Такого и имени-то нет, ты что?!

— Нет?! Ты что же, не читал «Джека Соломинку»?

— Ну, знаешь, я уже вышел из того возраста, — это про уголек и соломинку, что ли?

— Эх ты, а еще москвич! Придумал! «Уголек и соломинка»! Сразу видно, что ты не открывал историю дальше заданного. Слыхал про восстание Уота Тайлера? Джек Соломинка был один из его помощников, а Джоанна была его невеста. Хочешь, принесу книжку?

— Тащи. Давай завтра в школу.

И я полез на обрыв и долез уже до самого верха, а потом снова оглянулся и закричал что есть мочи:

— Эге-ге-гей! Джоанна! Салют, камарадос!

Только я взлетел на гору, как носом к носу столкнулся с Булей. Она стояла на нашем обрыве с ведром и чайником, и я схватил из Булиных рук ведро и чайник, отдал ей портфель и побежал к почте, около которой находился единственный в поселке колодец.

— Буля, пошамать есть? Давай к боевой готовности!

Я притащил воду. Буля уже накрывала на стол, а я, в нетерпении принюхиваясь к запахам, спросил:

— Что на обед сегодня?

— Что-что! Суп из манных круп, на второе толченый рябчик! Что дадут, то и будешь есть.

Буля поставила на стол кастрюлю. На обед был суп из кукурузы, заправленный жареным луком.

— Буля, а чай с чем?

— С та́ком.

— Ну, Буля, что-нибудь сладенькое?

— Еще не выросло. Вот посадим с тобой, вырастет — осенью будет сладенькое.

Потом дотемна я ходил к колодцу и обратно — таскал воду, а Буля копала грядки, вытаскивала корни и рыхлила землю, и только уже поздно вечером я сел за уроки. Буля зажгла фитилек на моем любимом подсолнечном масле, и я первым делом пролистал «Средние века» и прочел про восстание Уотта Тайлера. Про Джоанну там не было сказано ни слова.

На следующий день я только и думал, как напомнить Джоанне про книгу, да не решался при всем классе подойти к ней. Но это и не понадобилось. Джоанна, пробираясь со своей «камчатки», положила мне на парту потрепанную книжку, завернутую в газету. Любопытная Надька Кочкина тут же выставила ушки на макушку — что еще за книжка? — и цап своей ручищей за книжку, а я цап сверху.

— Свои ручки держите при себе, мисс, если они дороги вам как память!..

И я слегка сжал ей запястье.

На следующем же уроке я начал читать так, что учительница даже и ухом не повела; у нас в Москве эта система разработана железно: книга под партой, и в щелочку между откидной доской и партой прекрасно видна одна строчка — прочтешь, и поехали дальше. Этот метод был нов не только для здешних учителей, но и для ребят, и когда Надька Кочкина раскусила наконец, она растрезвонила всему классу. И на следующем уроке (как раз был английский) весь класс поголовно упражнялся в новом методе, причем некоторые за неимением художественной литературы читали учебник.

— Нет, вы сегодня определенно какие-то не такие, — сказала нам англичанка, когда пятый или шестой спрашиваемый попросил повторить вопрос.

*

Вся эта весна для нас с Булей прошла однообразно: я, как заведенный, ходил от дома к почте, от почты опять к дому, таскал воду уже не в ведре и в чайнике, а в двух ведрах, а Буля ползала по-пластунски по огороду, то разрыхляя, то поливая. Но у меня было такое впечатление, что все это зря — я только не хотел огорчать Булю, — потому что на нашей горке вода тут же ползла вниз и земля высыхала прямо на глазах.

— Знаешь, Буля, пожалуй, я последую примеру Фархада и продолблю в горах канал прямо к нашему огороду. А есть другой способ — сделать огород террасами по примеру японцев.

— Есть еще и третья возможность, — сказала Буля, — попридержать язычок и работать.

Изредка я выкраивал полчасика, чтобы спуститься с обрыва и побродить вдоль моря. Иногда я встречал Джоанну, и мы ходили вместе и искали камни. За это время я многое узнал о камнях — узнал, что так поразившие меня прозрачные халцедоны — лишь бледные братья царственных сердоликов. И я научился видеть камни не тогда, когда они блестят в воде ослепительным блеском, а когда они на берегу среди других камней, и покрыты пылью, и сияние их спрятано, только угадываешь его чуть-чуть.

Один раз шли мы с Джоанной, почти не разговаривая, шли себе и шли. Джоанна время от времени наклонялась и поднимала камешек и вытирала его сначала об рукав, а потом об щеку и показывала мне. Я не собирал камней, у меня было какое-то странное настроение: казалось, что вот-вот сейчас я найду что-то такое необычайное, такое невиданное и неслыханное, и даже внутри как будто звучал какой-то марш, точь-в-точь как бывает в кино, когда что-то должно случиться и по музыке ясно, что вот-вот должно случиться, а что — неизвестно. И несколько раз у меня екало сердце, казалось — вот это не виданный никем камень; но это оказывался мокрый булыжник, в котором мне почудилось внутреннее сияние, или кусок обкатанного стекла. А когда я наконец увидал его — этот невиданный камень, я так спокойно наклонился за ним, как будто поднимаю какую-нибудь плоскую гальку, чтобы пустить блин. Я поднял его, и зажал в ладони, и немного подождал, когда сердце водворится на место, а то оно совсем очутилось в горле, и молча разжал кулак перед лицом Джоанны.

Да, это был невиданный камень — сердолик, побольше, чем пятак, и был он формы сердца, но только не одного цвета: сверху он был нежно-розовый, а потом как загустелая кровь, и в нем как будто внутри горел свет. А Джоанна только посмотрела на меня, помолчала, а потом сказала:

— Ты какой-то не такой. Почему ты молчишь? Я бы кричала, и бегала по всему берегу, и прыгала на одной ноге, а ты молчишь.

— А знаешь, почему я молчу?

— Ну?

— Я знал, что найду сегодня что-нибудь такое.

И Джоанна не удивилась, она сказала:

— Я это знаю. И вообще верю в то, что находишь такое, когда ждешь этого, а если не



Джоанна остановилась. Я разжал онемевшие пальцы

ждешь, то и не найдешь. А знаешь, я думаю: когда очень ждешь, глаз становится другим, к нему, наверно, витамины приливают. Знаешь, если очень хочется, можно увидеть сквозь.

Тогда я не задумался над словами Джоанны, а потом вспомнил про них. Мне надо было возвращаться домой, к нашему с Булей огороду, а Джоанна побежала к своим кроликам.

*

Вскоре на нашем огороде стало появляться кое-что: вылезли кругленькие первые листочки редиски, — но я это приписывал не столько нашему труду, сколько тому, что у Були зеленая рука. Это уже известно: все, что она ни ткнет в землю, у нее начинает расти и цвести, когда у другого, хоть ты лопни, ничего не получится. Буля и в Москве во время войны умудрялась не только целый сад на подоконнике развести, но и опытный участок. Мы его называли «уголок юного мичуринца». Один раз во время бомбежки нас так тряхнуло, что вылетели стекла и испортили наш мичуринский уголок. Но лучше об этом не вспоминать.

Факт тот, что мы с Булей все-таки убедились, что солнце здесь южное: не успели мы оглянуться, как наша редисочка стала с ноготь большого пальца, и мы устроили пир. Это до того вкусно, что и не знаю! Красная, сочная!

Буля не разрешала мне дергать, хоть у меня руки и чесались. Она, как профессор, заложив руки за спину и нацепив на нос очки, наклонялась над грядкой, высматривая наиболее толстенькие редисочки, наклонялась — и рраз, как зубной врач зуб, но только зубчики эти были что надо.

В тот день вечером — как раз мы с Булей кончили поливать — смотрим, идет отец, но только не один. Я сразу узнал эту женщину: я видел ее на папином заводе, — только сейчас она была не в комбинезоне, а в синем костюме, и косынки на ней не было, у нее были черные косы, выстроенные на голове короной.

— Вот это здорово! — закричал я. — Буля, к нам гости!

Отец говорит:

— Александр, как ты себя ведешь, ты же уже взрослый. Александра Васильевна, познакомьтесь, это Ксения Ивановна.

— А я вас сразу узнал, только вы были в комбинезоне...

Ксения Ивановна рассмеялась и подала мне руку, как взрослому, никаких там потрепываний по разным частям головы, и это мне понравилось.

Буля позвала всех ужинать, а я сказал:

— Буля, ну скажи честно, ты знала, что у нас сегодня будут гости?

— Нет, не знала, чтоб мне лопнуть, — шепнула мне на ходу Буля.

На столе красовалась наша старая селедочница с розочками, а на ней лучше всяких роз — так красиво были разложены в середине стрелки зеленого лука, а по бокам горки редисок. Я смотрел на отца, прямо впился в него взглядом и видел, что он чуть не ахнул, когда увидел редиску. Подумал, наверно: «Откуда такая роскошь, ведь первая редиска стоит бешеные деньги?» — но ничего не сказал, как будто у нас всегда, каждый день к ужину первая редиска. И мы с Булей тоже ничего не сказали — вытерпели, а потом, когда поели, торжественно вышли из комнаты и повели отца и Ксению Ивановну в наш огород и показали им редиску, и лук, и несколько грядок картошки.

Картошка — это была наша особенная гордость, потому что посажена она была нашармачка: мы сажали не по целой картошке, как положено, а Буля разрезала каждую картошку на столько, сколько в ней глазков, и мы всё гадали: взойдет или не взойдет? А она взошла, да такие толстые и густые стебли — ну как будто мы кило картошки в каждую лунку посадили. Буля рассказала, как мы картошку сажали, а я сказал Ксении Ивановне:



и увидел у себя на ладони камень...

— Вы знаете, ведь у бабушки зеленая рука: у нее все растет.

И Ксения Ивановна проговорила певучим голосом:

— У вас, Александра Васильевна, просто руки золотые.

— Да вы действительно молодчина, — сказал отец, — свежие витамины... Я надеюсь, Александр принимал в этом участие? Трудовое воспитание...

Но Буля перебила его — она не любила, когда отца заносило, как она говорила, — и сказала ему:

— Знаешь, Леонтий, сколько сюда вылито воды? Цицерон сбился бы со счета. Ясно, что я не могла таскать.

И отец опустил свою руку мне на голову и шершавыми пальцами стал перебирать мои волосы, а потом взял и прижал мою голову так, что мне всерьез стало больно, но я не пискнул.

На следующий день было воскресенье, но отец все равно работал, и Буля попросилась взять ее на рабочий автобус — у нее были какие-то дела в городе, — а мне велела пуще глаза стеречь наш огород и, конечно, полить его. С поливкой я управлюсь быстро — у меня уже было натаскано порядочно воды, — а остальное время я мечтал провести в свое удовольствие. Мне давно уже надо было провернуть одно дельце. Правда, я это откладывал на после экзаменов, но почему бы не сделать предварительную разведку, если выдался свободный денек?

Я не побежал, не поскакал, а, наоборот, как бы между прочим, пошел вразвалочку, захватив с собой лопату, бабушкин сантиметр, бечевку. А отправился я вот куда.

Как-то еще давно у нас был с Джоанной интересный разговор, и она мне рассказала, что осенью, когда меня еще не было в их классе, наш историк Пал Палыч, или по-другому Гай Гракх, водил весь класс к морю и рассказывал о том, что здесь было когда-то. На территории нашего теперешнего Крыма были и древние греки, и потом генуэзцы, и много еще кто, и вполне даже вероятно, что именно наш поселок был когда-нибудь довольно значительным портовым центром, и верно: ведь лучше нашей бухты трудно сыскать. Она закрыта выдающимися в море горами от штормов, и, может быть, здесь когда-то стояли парусники с высоко задранными носами, на которых были золоченые скульптуры всяких там богинь или птиц.

Ведь подумать только: точно, вот точно на этом месте, на котором я сейчас стою, стоял какой-нибудь генуэзский воин, и ведь стоял-то он не в пустыне — кругом были дома, люди жили, и не могло это как ветром сдунуть, растаять все не могло, уж конечно, что-нибудь да осталось — надо только поискать как следует.

Так вот я долго прикидывал, где мне начать свои раскопки, и все обозревал наш поселок и так и эдак — и с горы и с дороги, как полководец местность перед боем. И однажды меня осенило: как раз недалеко от нашего дома проходит глубокий овраг, он идет полукругом, так, что почти весь поселок окружает, и вот я подумал, что если полазить по оврагу, да не по дну, а так с метр от верха, то как раз и откроется мне та земля, по которой генуэзец ходил, только разрезанная и, может, кончик какой-нибудь из нее и выглянет.

Вот ползу я по стенке оврага, как фокусник в цирке, а надо сказать, земля здесь какая-то непрочная, пыль да мелкие камешки, того и гляди вниз кувырком полетишь. Впиваюсь в землю, аж глазам больно, а все потому, что Джоанна мне сказала, что если сильно смотреть, можно и сквозь землю увидеть. Смотрю, смотрю — ничего не высмотрел, вот уже почти полпоселка обогнул, как раз за магазином ползу, ну, думаю, тут, конечно, ничего нет: может, старый ящик найдешь на дрова — из магазина бросили, и на том спасибо. И как раз

когда я это подумал, смотрю, из земли торчит что-то такое кирпичного цвета, похожее на цветочный горшок. Наверное, думаю, так и есть: осколок от горшка гераниевого кто-нибудь бросил, он и закопался. И я пальцем расковырял немного землю вокруг этого горшочка. Ну, думаю, если это и горшочек, то из великаньей утвари, не иначе, а скорее всего в нем клад лежит генуэзца, а может, даже какой-нибудь морской пират свои сокровища спрятал. Ну, думаю, тут мне одному не потянуть. Тут надо что-то сообразить, а пока что лучше не раскапывать, чтоб место не выдать.

Я вылез из оврага, почистил брюки и вернулся домой. И как раз в самое время — отец сегодня приехал пораньше, и Буля приехала, и я их встретил полным порядком: огород полит, а я сижу за геометрией.

Я молчал, молчал, но меня так распирало, и я сказал за обедом:

— А я кувшин с кладом нашел.

— Опять клады... — вздохнул отец. — Когда ты повзрослеешь, Александр?..

Но Буля поняла, что у меня что-то серьезное, хоть и вернулась из города расстроенная и злая. И она ни слова мне не сказала, только посмотрела, и я все выложил: про генуэзцев, про овраг и про великаний горшочек.

— Вряд ли это клад, — сказал отец, — хотя, может быть, что-нибудь интересное. Может, в войну туда население прятало продукты для партизан, а они ночью приходили и забирали — очень удобно пройти по оврагу незаметно. Сообщи своему пионервожатому. Это все хорошо. Но меня вот что волнует. Тебе, Александр, уже тринадцать почти, а еще не выявилось никаких интересов — математику ты не любишь да и литературу от сих до сих... Пора подумать: что за человек из тебя будет, какую профессию изберешь?

Буля посмотрела так печально, будто они с отцом увидели у меня признаки какой-нибудь страшной болезни.

— Человеком-то он будет, — как-то растянуто начала Буля, — но меня волнует то, что способности свои он никак к жизни не приклеит. Ну, хоть бы рисовать умел — не в меня... — вздохнула Буля. — А мать так пела хорошо и на гитаре играла, и ведь никто не учил, слух был замечательный... Отец — человек деловой, собранный, а ты что, как твоим талантом хлеб заработаешь? В кладоискатели идти?

— Да это все придурь, обычная у всех мальчишек, только у Александра с запозданием, — сказал отец.

Буля покачала головой:

— Нет, не придурь, одержимый он.

А отец сказал:

— Главная беда твоя, Александр, в том, что ты разбрасываешься. Увлекался марками. Ну хорошо, познавательное занятие — бросил, начал минералогическую коллекцию собирать — организовал бы в школе кружок, учитель вам бы помог, вот было бы дело.

— Еще чего, какой интерес собирать камни, если все табуном будут ходить, из-под ног у тебя хватать? Нет уж, спасибочки.

— Ну, Александр, как тебе не стыдно, что за кулацкие наклонности! Минералогию, впрочем, ты тоже оставил. Теперь увлекаешься какими-то кладами. По-моему, ты идешь назад, в детство. Как-то это несерьезно...

Я молчал, мне нечем было крыть.

*

И наступил один такой прекрасный денечек, когда Буля приехала из города и открылся секрет ее поездок. Буля привезла в хозяйственной сумке маленького баранчика — представьте, настоящего, живого баранчика. Буля осторожно вынула его из сумки и поставила на ножки, а ножки не держали его, беднягу укачало в автобусе, и он так смешно качался. Я провел рукой по его густым завиткам и сказал:

— Тебе нечего здесь бояться, Борька, здесь тебя будут любить.

Так у нас в доме появился Борька. Ах, до чего же он был хорошенький, когда был маленький, мой Борька, и до чего ласковый и умный! А еще говорят: «Глупый, как баран...» Но Борька не был глупый, он был понятливый и преданный.

Экзамены окончились, я перешел в седьмой класс, но ничего особенного в моей жизни от этого не случилось. Мы с Джоанной часто стали ходить вместе: она рвала траву своим кроликам, а я — Борьке. Внизу у моря трава уже стала высыхать, она была выше и свежее в горах, но нам не хотелось забираться высоко, потому что мы нет-нет да и вырывали какой-нибудь часок, чтобы сбегать в Соленую бухту камни искать. А скоро я стал брать с собой Борьку. И он ходил вместе с нами и так здорово прыгал по горам и лазил по узеньким тропиночкам высоко над морем, а когда мы спускались в бухту, Борька бродил прямо по воде и ел водоросли. Не знаю, едят ли другие бараны водоросли, но Борька считал это лакомством. И скоро до того Борька привык ходить со мной, что стал ходить везде: я в магазин — и Борька в магазин, я за водой — и он тоже, а если я вздумаю, например, почитать, Борька не мог это долго выдержать — подойдет и носом меня в бок тычет: хватит, мол, дурака валять, пойдем. Джоанна иногда, чтоб позлить меня, пела песенку:

У нашего Сани был баран,
Собаки он верней:
Куда бы Саня ни пошел,
Борис идет за ним.

А я не злился. Чем, скажите пожалуйста, мой Борька хуже собаки? Да и Джоанна его любила. Эх, Борька, Борька! Если б я знал тогда!

Буля тоже очень любила Борьку, но старалась этого не показывать, она говорила: «Животное должно знать свое место», — но на самом деле ей явно не хотелось, чтобы Борька шел на свое место. Она иногда делала вид, что не видит, как Борька лежит у моих ног, когда я делаю уроки, а иногда даже, когда мы пили

чай, Борьке перепадало то сушеное яблоко, то сушеный абрикос, которые он обожал.

Отец тогда недовольно ворчал на Булю:

— Вы умудряетесь даже животных избаловать...

И вот, помню, сидим мы вечером за столом, и Борька вертится под ногами, а мы чай пьем, но только у меня он что-то не пьется, в рот наберу, а дальше не идет, как будто поперек горла крышку положили, да еще с острыми краями, режет, как ножом, когда глотну. Буля мне и говорит:

— Ты что это, тезка, уж не заболел ли?

— Да горло чего-то...

А отец говорит:

— Перекупался, целые дни, наверно, в море торчишь. Нет чтобы хоть книжку в руки взять, вам ведь задали что-нибудь на лето?

Ночью у меня ужасно болело горло, но я молчал, потому что действительно вчера перекупался, и чувствовал, что горло болит всерьез.

Буля подошла ко мне ночью, лоб пощупала, а я глаза скорей закрыл, как будто сплю. А рано утром Буля опять подошла ко мне. Я опять глаза закрыл, но она громко сказала:

— Боже мой! Скарлатина! Встань, Леонтий!

Отец соскочил босиком на пол, спросонок понять ничего не может, смотрит, как ошарашенный, а мне даже смешно стало, и я сказал:

— Да вы что, в самом деле!

— Так ты не спишь, тезка? Поставь-ка вот градусник. Леонтий, надо бы врача вызвать, а пожалуй что и «Скорую помощь». — И Буля стала показывать отцу на мое лицо. — Видишь красный треугольник вокруг носа — это точно скарлатина.

Отец засуетился, никак штаны не мог надеть и все на меня смотрит.

— Как же это ты, Александр, а я-то думал, ангина, еще ругал тебя вчера, ты уж на меня, брат, не обижайся.

Мне даже как-то не по себе стало, такой отец чудной, что это с ним — прощения у меня просит...

Отец ушел, а Буля стала мои шмотки на кровать класть, а сама говорит:

— Тебя, тезка, в больницу возьмут, видишь ли, это обязательно: при скарлатине в больницу берут. Подумать только, маленький был — никаких скарлатин, а все же вот не проскочили мимо, но ты, тезка, не печалься, дня три-четыре только неважно будет, а потом карантин будешь отбывать, я к тебе ходить буду. Молочка попьешь тепленького? Ну, выпей!

— Нет, Буля, не могу глотать. — Я и говорил-то с трудом, какие-то дурацкие пленки в горле, прямо давишься, да еще режет. — Ладно, давай сюда молоко, — прохрипел я, а то Буля совсем прямо расстроилась.

Пришел отец, а вернее бы сказать, прибежал и сказал, что он позвонил из поссовета и что приедет «Скорая помощь». А Буля ему сказала, чтоб он не нервничал, что это обычное дело — детские болезни, что все дети, какие есть, все ими болеют, и что она сейчас даст ему завтрак, и чтобы он ехал на работу, а она отвезет меня в больницу.

Отец сказал, что ни за что и что сам повезет меня в больницу, а Буля ему сказала, что в этом нет никакого смысла, потому что «Скорая помощь», хоть она и называется «Скорая», совсем даже неизвестно, когда приедет, может, только к вечеру, и что все мужчины — паникеры.

И, конечно, все-таки Буля взяла верх, и отец позавтракал и уехал на работу, а «Скорая помощь» пришла хоть и не вечером, но все-таки после обеда, и, конечно, врач сказал, что у меня скарлатина, и меня, как раненого, положили на носилки. А Буля тоже села в машину, и мы поехали в больницу.



Няня привела меня в палату и показала на свободную застеленную кровать.

— Вот, сыночек, тебе самое уютное местечко, и смотри, не обижай наших — они у нас ослабленные.

Как же, как же, обидишь их! Держи карман шире! Не успела няня ретироваться, как восемь или девять «ослабленных» людоедов — я и глазом не успел моргнуть — вскочили в своих кроватях, как обезьяны, перелезли через сетки и повисли на мне, как груши на дереве.

— Эй ты, новенький! В каком классе? Чего принес пожевать? Принес книжечку?

Я стряхнул с себя мелюзгу и сказал:

— В очередь становитесь вопросы задавать. И только в письменной форме.

Я подошел к своей кровати. На первый взгляд будто место ничего: и в уголочке и тумбочка своя есть, но я сразу разобрался, что к чему, и завистливым взглядом оглядел две кровати у окна. Палата наша была на первом этаже, да и вообще-то вся больница была одноэтажная, и наши окна выходили в садик, как раз через который надо идти с улицы в больницу.

Ну, что делать! Не безногий, подойду к окошку, если Буля принесет передачу.

Я заметил, что тапочки были у меня одного: все «ослабленные» стояли на полу прямо босиком, — и подумал, что, наверно, это бы не очень понравилось нянечке, если бы она сейчас вошла. Я сложил свое имущество в тумбочку, а имущество-то все мое было: зубная щетка, порошок, яблоки и старый календарь, еще довоенный, — ведь отсюда книжки не возвращают обратно. Сюда пожалуйста, хоть целую библиотеку принеси, а обратно ни одной книжечки не получишь. Так кто же принесет сюда книжки?! Ясное дело! И тут вдруг я услышал Булин голос, да так, как будто она рядом говорит, в этой же комнате. Я оглянулся и увидел Булю у окна; она меня тоже узнала, и улыбалась, и прижала к окошку нос, и делала мне рожи, так что все «ослабленные» надрывали животики. Я подскочил к окошку, а тут — рраз! — меня кто-то сзади за плечи схватил; я думал, кто-то из ребят, чуть в ухо не двинул, а это, оказывается, сестра.

— А ну-ка, новенький, марш на койку!

— Я только на минуточку...

— Никаких минуточек! А вы, мамаша,— сказала она Буле,— пожалуйста, не нервируйте больного ребенка. Им вставать не положено. Передачу — в окошечко приемника, о состоянии узнаете в справочном бюро.

Сестра ожесточенно стряхивала градусники и раздавала «ослабленным». Сунув мне градусник, сестра взяла со спинки кровати халат и наклонилась за тапочками.

— Тапочки-то хоть оставьте, как же я вставать буду!

— А вставать тебе не положено.

— А в уборную босиком, что ли, ходить?

— А ты не будешь ходить в уборную, захочешь — вызовешь няню, она горшок принесет.

Я оторопело смотрел на сестру, а «ослабленные» забавлялись. Мой халат и тапочки выплыли из палаты вместе с сестрой. Я бросил взгляд в окно — Були уже не было: пока мы с сестрой препирались, я и не заметил, как она ушла.

Ну раз так, раз меня лишили средств передвижения, попробую узнать насчет места у окна.

— Эй, парень, тебе там не дует, у окна? Не поменяешься со мной? Самое уютное местечко.

У окна лежал толстый-толстый парень с хитрой рожей.

— А мне, знаешь ли, приятно — свежий воздух. Уф-уф! — И он замахал перед носом своей пухлой ручкой.— Уф! Как приятно! Такой свежий воздух. Знаешь, малец, у меня правило есть железное — ничего не подарю, даром тоже не даю. «Подари́шь» уехал в Париж, остался один «Купи́шь». Котелок варит? Будешь отдавать мне все передачи, которые тебе таскают. Кто у тебя, бабка? Не жадюга она? Жрать будет носить? А мать-то будет ходить?

Меня тошнило разговаривать с толстяком Гришкой; я молча встал, собрал свои манатки, свое одеяло и подушку и, зажав под мышкой градусник, двинулся к Гришкиной кровати.

— На́ вот, лопни,— и кинул ему пакет с яблоками.

А Гришка, нисколько даже не обратив внимания на мой тон, подозрительно проворчал:

— Ничего там не зажал, ну-ка, что у тебя там?

— Ты, может, зубной порошок кушаешь?

Ну и тип был этот Гришка! Такого поискать. Потом я узнал от ребят, что он не только меня ободрал — это хоть была мена, оказывается, все ребята платили ему дань за право подходить к окну. А если кто пытался протестовать и не отдавал свою передачу, Гришка сообщал сестре, что не уплативший дань разговаривал через окно с матерью. А узнал я это таким манером: один дошкольник стал мне совать два большущих персика после того, как почирикал у окошечка со своей матерью. Оказывается, это он мне теперь по привычке платил — я же лежал на Гришкином месте.

Но это все было потом. А сейчас пришла сестра и, увидев перемену, окинула нас таким взглядом! И уже раскрыла рот — ну, думаю, сейчас будет Ниагара,— как вдруг она рот закрыла, подошла ко мне и как-то странно на меня уставилась.

— А ну-ка,— говорит,— давай сюда градусник: допрыгался, молодчик, 41 и 8.— И сестра быстро вышла из палаты.

«Ослабленные» все притихли, и только толстый Гришка пробубнил из своего угла:

— Чур, уговор в силе, передачи мне. Какое мне дело, если ты не сможешь пользоваться моим окном, сам виноват, допрыгался.

Скоро послышался топот ног, и в палату почти вбежала сестра, а за ней целая свита, и все устремились ко мне. Что они, в самом деле, всерьез, что ли! На мою кровать присел такой симпатичный молодой парень, а из-под халата у него вылезала гимнастерка — это и был мой доктор. И, взяв меня за руку, спросил меня так серьезно:

— Ты что же, дружище, нас всех заставил в панику вдариться? Нельзя, брат, дисциплину нарушать. Лежать, пока не скомандую «вольно», договорились?

И хоть доктор, как и сестра, тоже мне приказывал лежать, но почему-то его мне хотелось слушаться, и даже было приятно слушаться, и я ему кивнул, а он слушал меня трубкой, и выстукивал, и смотрел горло, а потом, осторожно покрыв меня одеялом, как будто я стеклянный, сказал:

— Ну, я думаю, на тебя можно положиться, ты ведь, кажется, старший в этом подразделении. Ну, дружище, до завтра, а если ночью что будет не так, зови сестру, только не вставай — вот тебе звонок.

И он взял с тумбочки стакан с чайной ложкой и постучал ложкой о стенку стакана.

— Вот, видал?

Доктор встал и сказал сестре Тамаре:

— Завтра к самому открытию идите в горздрав и требуйте пенициллин. Если откажут, бегите за мной.

И еще чего-то они говорили, но я уже не слушал, у меня вдруг ужасно заломило голову, как будто я трахнулся с лестницы, и заболели глаза. И доктор, и сестра Тамара, и нянечка, и все «ослабленные» как будто плавали в тумане, и я, кажется, заснул. Ночью я то спал, то не спал. Помню, что заходила сестра Тамара и зажигала в палате свет, а у меня голова проваливалась все время вниз, а большие пальцы на руках стали большими и толстыми, и больше ничего не помню. Да помню еще, что мне приходили делать уколы, а я удивлялся: только что был день, а сейчас уже ночь, и так, оказывается, прошло несколько дней, но больше я о них ничего не помню.

В один прекрасный денечек — да, это был распрекрасный денечек — лежал я с закрытыми глазами, но вдруг почувствовал, что это я так просто лежу с закрытыми глазами, но не сплю и чувствую, что все у меня на месте: и голова не валится и пальцы нормальные. Только я хотел открыть глаза, как вдруг слышу голос Були, и вроде прямо перед собой:

— Он еще спит.



Все ринулись к окошку, засвистели, закричали «Ура!».

А я думаю, что это: или Буля мне приснилась, или, наоборот, приснилось, что я болел и в больнице? Я с опаской открыл один глаз, и — что же вы думаете! — увидел у окошка Булю и Джоанну. Они обе смотрели на меня и сразу заметили, что я открыл один глаз. Я открыл другой, а Буля закричала:

— Смотри, смотри, Аня, он, хитрюга, притворяется, он же совершенно здоров, как бык!

Но Джоанна уже видела сама, смотрела на меня и улыбалась, как будто получила пять с плюсом по геометрии. Она сделала какой-то непонятный жест рукой, и вдруг исчезла — это она присела на землю, — и тут же снова поднялась, и поставила на подоконник коробку из-под ботинок, и стала развязывать шнурок. Вся палата смотрела; ребята думали, наверное, что мне купили новые ботинки... Джоанна открыла крышку и вытащила из коробки кролика. Ну что это за кролик! Белый, с серыми пятнышками, а глаза не какие-нибудь красные, как у белой мыши, а фиолетовые.

— Это Морис, он умеет стоять на задних лапках и барабанить. Это твой, Саня.

Вся палата обалдела, все ринулись к окошку, засвистели, закричали «Ура!», так что я вынужден был вмешаться:

— А ну, ослабленные! Что, захотели, чтоб Тамара явилась?

А Джоанна поставила кролика на задние лапы, а передними он уперся в стекло, и дергал носом, и шевелил ушами. Вот это да! Мой Морис!

— Подожди, Джоанна!

Я слез с кровати на пол, залез в тумбочку и достал коробочку, которую запрятал в глубине и никому не показывал, и кинул ее в форточку, а Буля стала стучать мне в окошко, чтоб я скорей ложился. Но я и не собирался разгуливать: мне, слава богу, этого не требовалось — ведь моя кровать стояла вплотную к подоконнику, и я сказал Джоанне:

— Не открывай коробку, дома посмотришь.

А Джоанна покраснела, наверное, от удовольствия; как она, скажите, догадалась, что в коробке т о т с а м ы й сердолик. Буля взяла у Джоанны коробку, я испугался: что это с Булей? Но, оказывается, она испугалась, что Джоанна заразится от меня, и сказала Джоанне:

— Коробочку придется сжечь, а то, что там, вымоем дома одеколоном.

Ну, Буля, дорогая Буля, она никогда не сделает того, чего не надо! И я впал в телячий восторг и стал прыгать на кровати и молотить подушку, пока не вошла сестра, и всем попало.

Кролика водворили обратно в коробку, и Буля с Джоанной быстро-быстро ретировались, а мне было море по колено, и я закричал:

— Буля, завтра принеси побольше поесть!

Ну и аппетитик прорезался у меня, я вам доложу, с тех пор как я стал поправляться. Я даже вспомнил толстого Гришку (он выписался в те дни, когда у меня была температура) уже с некоторым пониманием. Я только что дань не собирал с «ослабленных» за право подходить к окну, а так аппетит у меня стал такой же, как у Гришки.

И Буля приходила и завтра и послезавтра и приносила мне жареную картошку с котлетами (доктор сказал, что сейчас меня надо питать) и даже пирожки с мясом. Подумать только, пирожки с мясом! И я стал толстеть не по дням, а по часам, так что когда я утром умывался, я не узнавал себя в зеркале. Ну и портрет!

Настал наконец день, когда мы с Булей возвращались домой. Я еле-еле дотащился до автобуса, и даже пришлось отдать узелок со шмотками Буле. Меня качало и бросало, как на палубе парусника в девять баллов.

Вот мы и в нашем «Приюте Пиратов». Мне казалось, что я по крайней мере год не был дома, и я первым делом бросился к сарайчику, где мы запирали Борьку. Но я увидел, что дверца сарайчика открыта, и в ту же секунду услыхал какой-то странный, сдавленный звук, оглянулся — и увидел, что Буля держится рукой за калитку, а другой — за левый бок, а мой узелок со шмотками валяется на земле.

Я подскочил к Буле и увидал только, что у нее какие-то странные глаза, я таких у нее никогда не видел, и я положил ее руку себе на плечи, а сам схватил Булю покрепче, и так мы дошли кое-как до двери, а там еще долго возились с ключом, и, наконец, я Булю довел до ее кровати и накапал капель, которые она велела. Эти капли была новость в нашем доме. Я, конечно, сразу понял, что Борьки нет, что Борьку зарезали, и с ужасом вспомнил котлеты и пирожки с мясом, которые встречались бурей восторга всей компанией «ослабленных». И я ел эти пирожки, и ничто не шевельнулось во мне!

Но Буля, как она могла? Она ведь так любила Борьку! Тут я вспомнил и другое. Вспомнил непривычно грустный и усталый Булин вид, когда она стояла у окна; вспомнил, как она шла сегодня к автобусу; вспомнил ее глаза, когда она закричала. И я вдруг все увидел по-другому: мне показалось, что все, что случилось в последнее время, заново, быстро-быстро прокрутили перед моими глазами. И я видел заново, как один раз Буля пришла и долго не могла отдышаться: оказалось, что она шла половину дороги, 10 километров, пешком, потому что автобус испортился, а «попутки» не взяли ее, но тогда я на это не обратил внимания — Буля принесла целую сумку пирожков, мы все накинулись на них, и я просил Булю завтра опять приехать и привезти яблочко.

Я все это вспоминал и глотал слезы: как я мог упрекнуть Булю, она же из-за меня, из-за меня это сделала! Из-за того, что доктор сказал, что меня надо питать. И я сказал ей:

— Буля, я все знаю, только больше не готовь мне ни пирожков, ни котлет, пусть отец ест, он мужчина, а мы будем как раньше.

И Буля заплакала, а я так растерялся — я никогда не видел, чтоб Буля плакала, — и молчал.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

В. ЛЕВИН

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Я говорю:
— Сезам, откройся!
А он отвечает:
— Не хочу.

Я ушам своим не поверил. Второй раз попросил, третий, двухсотый. Сезам отвечает:

— Не могу.

Ну, «не могу» — это другое дело.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

которая, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к первой



— Куда спешат родители
и Петины
и Витины?
Друзья, не объясните ли?
— Открытие,
ОТКРЫТИЕ.



ОБ ОТКРЫТИЯХ ВООБЩЕ

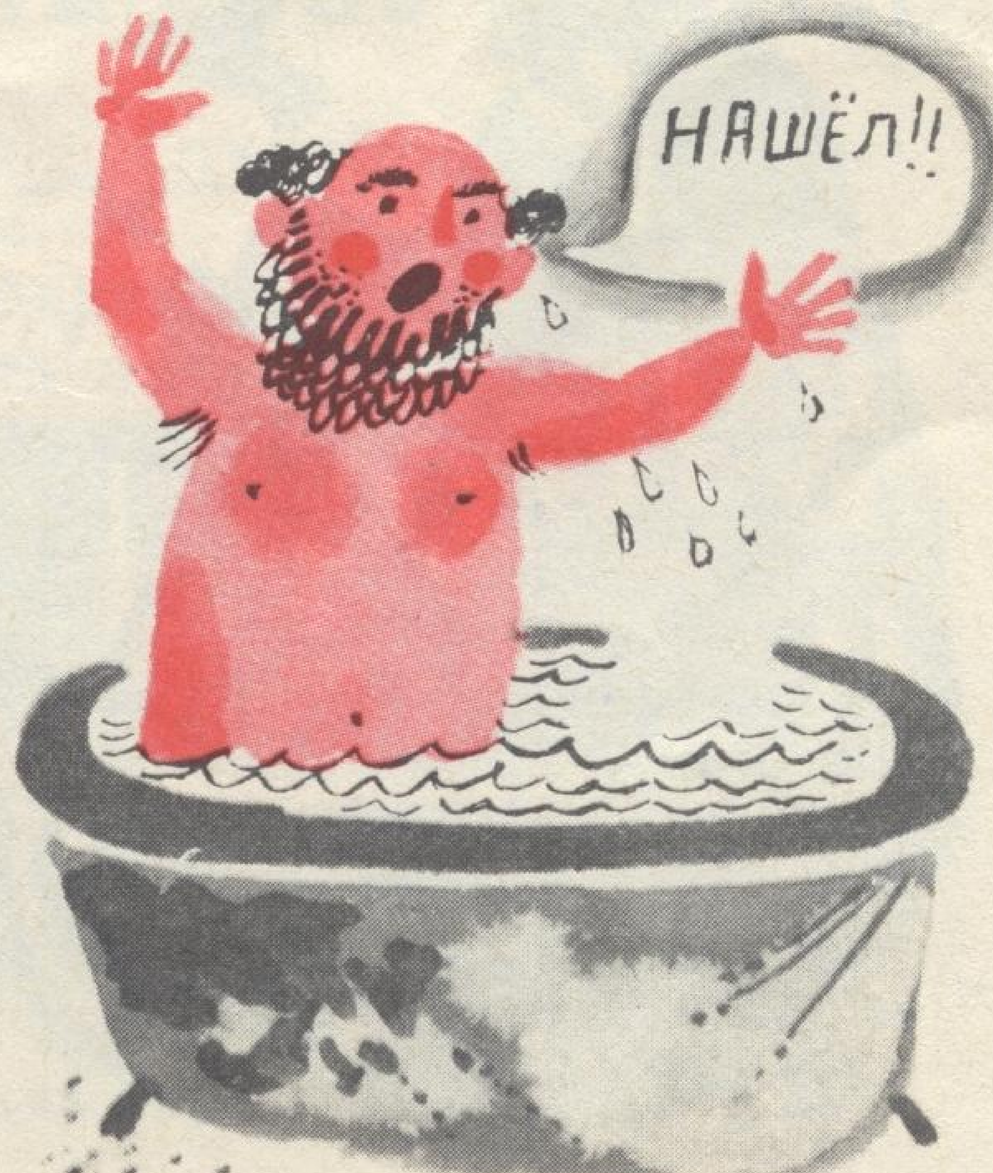
Вы знаете, что в нашей стране существует специальный Комитет при Совете Министров СССР по делам открытий и изобретений?

Члены этого комитета изучают все новое, что открывают ученые, и решают, открытие это или нет. Сделать ОТКРЫТИЕ нелегко.

Один пятиклассник сказал: «Конечно, открытия людям нужны, но мне неохота голову ломать, займусь чем-нибудь попроще».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРХИМЕДЕ

Стояла жгучая жара —
Философ в воду влез с утра,
Он погрузился до ушей;
Вода покрыла плечи,
И стало легче на душе,
И тело стало легче.
И вдруг —
Прилив духовных сил —
И Архимед сообразил:
«На тело, погруженное в воду,
действует выталкивающая сила,



Равная весу воды
в объеме
погруженной части тела!»
Он закричал:
«Нашел!
Нашел!»
И, как сидел в воде,
По Сиракузам
Нагишом
Помчался,
Обалдев.
А мне
Не удивительно:
Он совершил ОТКРЫТИЕ!

Рисунки А. БОРИСОВА.

жаль мне того пятикласника

который не хочет «голову ломать» над открытиями: он никогда не узнает неописуемой радости, которую испытал Архимед.

«Так не всем же быть Архимедами!» — может быть, скажет этот пятиклассник. И ошибется. Он не знает, что все зависит от него.

Больше того, ребята. Нет такого человека, который не делал бы ОТКРЫТИЙ каждый год, каждую неделю, каждый день. Правда, открытия бывают разные: есть открытия для всех (те, которыми занимается Комитет по делам открытий), есть открытия для некоторых (это когда, например, учитель рассказывает вам то, чего вы раньше не знали), есть открытия для себя (когда вы открываете что-то сами, но никому не говорите). **Но любое ОТКРЫТИЕ бывает сначала ОТКРЫТИЕМ для себя!!!** Закон, который ученый позже откроет человечеству, он открыл сначала для себя! И любое открытие приносит с собой ту самую радость, из-за которой Архимед бежал, как безумный, по Сиракузам.

продолжение второй истории

Но где и что открыто?
Пора сказать открыто.
Не парусник под флагами
Готовится к отплытию —
Сегодня праздник
в лагере,
Сегодня здесь открытие.
Открытие —
Отплытие
В края больших
ОТКРЫТИЙ.

КАК ДЕЛАТЬ ОТКРЫТИЯ?

Каждый раз, когда я бываю на открытии лагерной смены, мне очень хочется, чтобы эта смена стала путешествием в ОТКРЫТИЯ. Я разговаривал об этом с ребятами, но не всегда мы понимали друг друга.

Сергей Липкань (Винница): В лагере? Открытия? Я в лагере собрал коллекцию пчел и стал сочинять стихи.

Наташа Жданова: Я четыре лета провела в пионерлагере. Мне очень там понравилось. Но я ничего не открыла.

Неужели это возможно — прожить двадцать шесть дней и ничего не открыть для себя в этом мире? Только самые-самые ленивые могут так жить. А вы ошибаетесь, Сережа и Наташа. Вы делали ОТКРЫТИЯ для себя, но не замечали этого сами. И не только для себя. Да разве тем, кто сейчас читает «Пионер», Сережа не открыл, что бывают коллекции не только марок или значков, но и пчел? Ведь это удивительно интересно!

Мир, который один вокруг нас, все мы видим поразному.

ОТКРЫТИЕ МОРЯ

«Мне десять лет. Я живу в шахтерском поселке Хрустальный. Я все думал, какое это море? И когда я впервые приехал в Тетюхе, *то увидел, какое это море.* Оно огромное и шумное, оно не умолкает ни днем, ни ночью, там над водой летают бакланы, там ходят катера».

Так открыл для себя море **Вова Козлов.**

А вот море, открытое харьковчанкой **Наташей Пархровник:**

То ли оно голубое,
То ли салатное вдруг...
Море
Такое большое —
Заняло полностью юг.

И еще одно открытое море. Его открыла **Нина Гришина** из Винницы.

Когда я в первый раз приехала в пионерский лагерь, вечером мы пошли на море Мы сели на камни и опустили ноги в воду. Вода была голубая и как будто качалась волнами. Мы смотрели на закат солнца. Небо стало розовым и придавало морю розоватый оттенок. Когда зашло солнце, кругом стало темней, только наши тени качались на воде. Старшая вожатая встала на большой камень и стоя читала стихи. А на воде была видна ее тень и развевающийся галстук. Она читала тихо и медленно, и можно было вдуматься в каждое слово.



пускай СЕЗАМ откроется
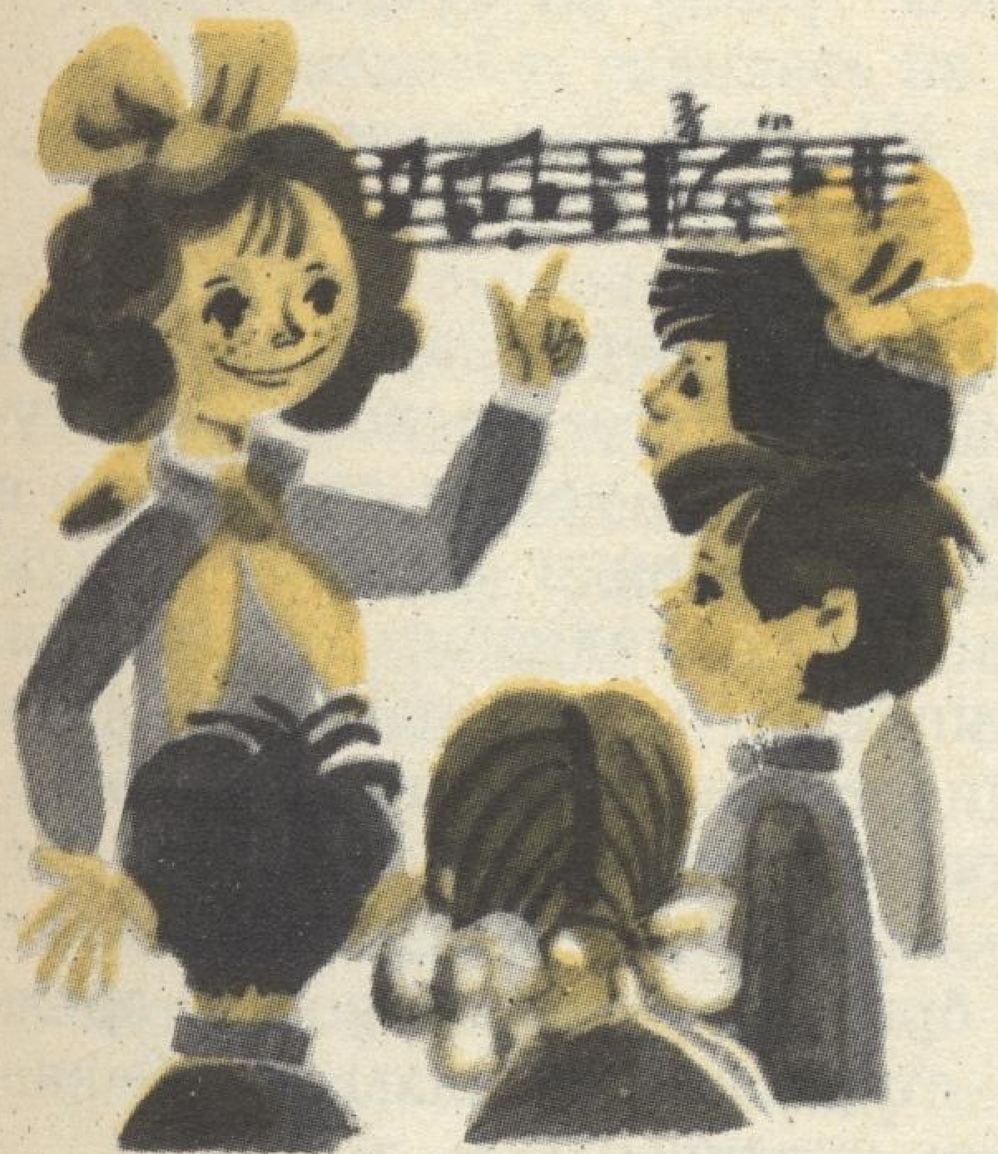
— Неохота мне, Маша, шефствовать над малышами. Глупые они.

— Неправда, знаешь, какие они наблюдательные. Ты еще у них поучишься.

И вот к концу смены Зина говорит с удивлением и даже восторгом: *«Да ведь они все разные!»* Это — ОТКРЫТИЕ. Все мы разные. Как Зине удалось сделать это открытие?

Ей просто повезло: Сезам открылся.

Не всегда нам удается сделать открытие и открыться самим. Давайте поможем друг другу. Прочтите эти письма.



на острове БУЯНЕ

Пишу вам из села Брохово, Магаданской области. Летом я была в пионерском лагере. Однажды мы поехали на остров Буян, который стоит посреди лимана. Раньше я никогда не была на островах, и все мне было удивительно, кругом была зелень, росли цветы, пахло стлаником. Потом пошел дождь, а за нами все не приезжали. Тогда мы пошли в юрту к рыбакам. Рыбаки накормили нас, и мы стали укладываться спать. Но тут за нами приехал вездеход и увез нас домой. Я побывала на острове, на который редко кому удается попасть даже зимой.

Так сделала свое первое ОТКРЫТИЕ ученица 3-го класса **Лена Зюбровская.**

тихая ВЕРА

В лагере с нами была тихая девочка Вера. Мы прыгали с качелей, а она нет. Мы переходили речку по тонкой дощечке, она шла в обход. Все думали, что она трусиха, а себя мы считали героями. Но однажды малыши играли и нечаянно столкнули в воду маленького мальчика. Он не умел плавать. Он кричал, звал на помощь. И совсем неожиданно для нас Вера бросилась в воду (хотя плохо плавала) и вытащила мальчика. И мы поняли, что все наши поступки — это просто хвастовство, ненужное геройство. *Я поняла, что не всегда можно судить о человеке с первого взгляда.* Надо внимательнее приглядываться к людям.

Это — ОТКРЫТИЕ **Оли Алешиной,** ученицы 7-го класса 214-й московской школы.

А вот как рассказывает о своем ОТКРЫТИИ **Валя Корнейчук** из рождественской средней школы, Куйбышевской области.

элеутерококк колючий

Всем звеном мы ходили на птицеферму, дежурили у индюшат. Жаль нам самых маленьких индюшат, особенно инкубаторных,— они болеют, и половина их погибает. Нам сказали: «Попробуйте, дайте им элеутерококк колючий» (это такой препарат).

Мы давали понемногу, всего две десятых миллиграмма в день. *И что же?* Индюшата перестали болеть, аппетит повысился у них. Растут они быстрее, и перышки у них пушистее. Через сорок дней наши индюшата стали намного больше и здоровее тех, которым элеутерококка не давали. Вот какое мы сделали ОТКРЫТИЕ, и теперь всех индюшат в колхозе будут так подкармливать.

Чем человек человеку интересен?

Тем, что он делает в этом мире. А это зависит от того, каким он видит этот мир. Один говорит обо всем весело и над собой подшучивает. И мы видим его глазами веселый и забавный мир. Другой увидит, как взлетают искры над костром, и скажет: «Смотрите, как красиво! Похоже на салют». Каждый видит свое.

Не таите в себе открытия! Откройте себя людям.

Давайте попробуем сделать это все вместе. Приглашаем всех рассказать о своих летних открытиях.

Что вы открыли для себя в природе (в поле, в лесу, у моря, у реки)?

Кто, кроме людей, живет в пионерском лагере? Что интересного вы увидели, наблюдая за этими «соседями»?

Что ты открыл для себя в труде, в спорте, в поэзии, в искусстве?

Чем интересны тебе твои товарищи?

Если ты сумеешь так рассказать о том, что увидел, чтобы это увидели все,— *ты поможешь людям сделать открытия и раскроешься им сам.*

Попробуй! Пускай это лето будет летом ОТКРЫТИЙ! Сезам, откройся! ★

СКАЗКА о черноокой принцессе

Анна МАСС

РАССКАЗ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Какой у нас был пионервожатый! Бывший моряк! Студент педагогического института! Во время каникул решил поработать в пионерском лагере. Девчонки ловили каждую Яшину фразу и потом подробно обсуждали. Малыши так и липли к Яше. Мальчишки, даже самые старшие, перенимали у него все: походку, манеру говорить и встряхивать головой, откидывая волосы. Ходил он в тельняшке и светлых спортивных брюках и в этой простой одежде казался нам, старшим девочкам, необыкновенно стройным и красивым.

Речка наша, Пахра, в том месте, где мы купались, была узкая и мелкая — в самом глубоком месте по шейку. Но мы нашу речку любили, потому что отдыхали рядом с ней не первый год и привыкли к нашему пляжу, к песчаному мыску, окруженному густым кустарником, плакучей иве, по толстому стволу которой можно было ходить, как по мостику; к крошечным серебристым малькам, пасущимся в прозрачной прибрежной воде.

Конечно, Яша был пловец не чета нам, он привык в море плавать, ему наша речка должна была казаться жалким ручейком. Он мог бы нам откровенно сказать, что ему скучно плавать в нашей речушке, — ему мы бы это простили. Но он ни разу ничего плохого про нашу речку не сказал. А плавал он здорово, только ему развернуться было негде.

По вечерам Яша иногда пел, а пионервожатая Люба подыгрывала ему на аккордеоне.

Яша со всеми был одинаково весел и доброжелателен. Но нам этого казалось мало. Мы жадно искали проявлений хоть крошечного внимания к каждой из нас в отдельности. Если какая-нибудь девочка говорила:

— Ох, мне от Яши сегодня влетело!

Или:

— Яша просил меня волейбольную площадку подмести, — то этой девочке начинали завидовать, потому что Яша именно ее отметил особым вниманием.

Мальчишки дразнили нас, что мы все в Яшу перевлюблялись, но этого не было! Этот вопрос в женских палатах обсуждался, и мы пришли к единодушному решению: мы в Яшу не влюблены, а просто уважаем его как человека.

Конечно, не обошлось без исключений: Лидуша из двенадцатой палаты дошла до того, что осколком стекла выцарапала на руке «Яша». Но Лидуша вообще была ненормальная. Это она сама попросила называть ее не Лидой, а Лидушей, потому что, видите ли, папа с мамой ее так называют. Пожалуйста, Лидуша так Лидуша, нам это было безразлично. Но она и во всем остальном была не такая, как все. Она всего боялась. Грозы боялась — в двенадцать-то лет! Визжала при виде червяка или лягушки. Даже воды она боялась, хотя ей очень нравилось ходить на речку. Она забиралась в воду по щиколотку, садилась на корточки и потихоньку обрызгивала себя. На лице у нее при этом отражалось такое блаженство, что поневоле становилось смешно. Однажды кто-то из подруг незаметно подкрался сзади к Лидуше да как толкнет ее в спину. Та шлепнулась лицом вперед, наглоталась от неожиданности взбаламученной воды, выскочила на берег и долго кашляла и дрожала всем телом, и в черных глазах ее был такой испуг, словно в самом деле что-то ужасное случилось. Мы постоянно толкали и топили друг друга — это было самое обычное дело, и поэтому за Лидушу никто и не подумал заступиться.

А сколько было смеху с Лидушиной рыбкой! Лида поймала в речке крошечную рыбешку, пустила в банку и принесла в палату. Поставила банку на тумбочку у своей постели, бросила туда травинки и крошки хлеба и мечтала, как она отвезет рыбку домой. А ее соседки на следующий день прибежали с прогулки пораньше, рыбку выбросили, а в банку посадили лягушку. Когда Лида вошла в палату и увидела, в кого превратилась ее рыбка, она завизжала на весь дом, бросилась на кровать вниз лицом, крепко зажмурилась, зажала уши пальцами и пролежала так до самого полдника, даже обедать не ходила. У нее это был такой способ: когда ее особенно доводили, она сжималась в комок, зажав уши и зажмурив глаза. Поступок Лидушиных соседок многие осудили. Очень уж безобидная была Лидуша, никогда не жаловалась, и, если хоть на день ее оставляли в покое, она веселела, из черных глаз ее исчезал страх, и она рассказывала даже какую-нибудь сказку — она их сама умела сочинять.

Наша шестнадцатая палата над Лидой никогда не издевалась, хотя и мы к ней, конечно, всерьез не относились. Но для Лидушиных соседок по палате шутки над ней стали чем-то вроде зарядки для ума. Они изощрялись друг перед другом, как могли.

Может, веди себя Лида как-нибудь иначе, умей она хоть немного постоять за себя, девчонки не посмели бы так себя вести. Но она умела только сжиматься в комочек и зажимать глаза и уши.

В родительский день к Лиде приехала мама, старая, мы даже сперва решили, что это не мама, а бабушка. Едва успела она сойти со ступеньки автобуса, как Лида бросилась к ней с криком:

— Мама, возьми меня отсюда!

— Лидуша, единственная моя! — отвечала мама, прижимая к себе дочь. — Неужели тебе тут не нравится? Ты посмотри, как тут хорошо! Воздух какой, птицы поют, а сколько игр! Ведь это же счастье — жить в таком замечательном лагере! Ты окрепнешь после болезни, поправишься...

Маме и в голову не могло прийти, что ее ненаглядную дочку тут считают придурочной и изводят всякими шутками. А Лидуша даже маме своей не нажаловалась: может, боялась, что ее переселят в другую палату, а там ей еще солонее придется? Лидины соседки немножко все-таки опасались расплаты, но им даже не влетело. Воспитатели так и не узнали об их проделках. После родительского дня все пошло по-старому. Соседки, правда, выдохлись, выдумки стали повторяться, но впечатлительная Лида на любую мелочь реагировала все с тем же искренним отчаянием.

Вот тогда-то она и выцарапала у себя на руке имя нашего пионервожатого. И по смешной своей манере придумала о Яше целую сказку. Это была сказка о благородном рыцаре, защитнике слабых, который сразу видит всякую несправедливость, и борется с ней, и наказывает обидчиков. Про то, как этот рыцарь спас принцессу, которую злая колдунья превратила в некрасивую девочку, и расколдовал ее, и она снова стала прекрасной черноокой принцессой.

Мы, конечно, сразу поняли, кого изобразила Лида под видом черноокой принцессы, и очень хохотали над ее сказкой. А что стоило одно только начало! Девчонки из Лидушиной комнаты пересказывали его нам, давясь от смеха:

«В одной обыкновенной семье родился необыкновенный мальчик с белокурыми волосами и белоснежными зубами...»

Это надо же! Новорожденный — с зубами!

— Бывают же на свете такие дуры! — изумлялись мы.

— Вот бы Яша услышал эту историю!

— Девчонки! Девчонки! Идея! — воскликнула Оксана. — Давайте скажем Лидуше, что Яша ею интересуется! Что он про нее все время спрашивает! Она, дура, поверит, увидите!

Доверчивая Лида поверила сразу. Она вспыхнула, когда Оксана как бы между прочим сказала ей:

— И что это Яша в тебе нашел? Спрашивает все время.

— А я слышала, он Любе сказал, мол, Лидуша — самая красивая девочка во всем лагере, — добавила Тоня и отвернулась, чтобы Лида не видела ее сморщившегося от смеха лица.

А вскоре у нас созрел великолепный план. Оксана отвела Лиду в сторону и сообщила:

— Яша просил передать, чтобы ты ровно в семь вечера ждала его на мосту.

Черные глаза Лиды засияли.

— Я надену красное платье, — сказала она. — И красные туфли.

— И бант красный повяжи, — посоветовала Оксана.

— У меня нету!

— Я тебе свой дам, — сказала Оксана.

— Спасибо! Я его тебе потом отглажу и отдам! — благодарила ненормальная Лида.

Яше сказали, что в семь часов его будет ждать на мосту кто-то, чтобы сообщить что-то важное. Яша предположил, что это ярцевские пионеры хотят договориться насчет футбольной встречи, и сказал, что обязательно придет.

Лида в красном платье, с красным бантом в черных волосах стояла на мосту и ждала. Мост был очень старый. Много поколений назначали на нем свидания. На серых деревянных поручнях было вырезано столько имен и фамилий, что они уже не помещались и новые надписи шли поверх старых. Когда-то этим мостом был перекрыт пруд с карасями, но пруд давно уже высох, остался только овраг, по дну которого протекал хилый ручеек. Сейчас под мостом притаилась чуть ли не половина лагеря. Лида не могла видеть, как мы, сжавшись на дне овражка, зажимаем руками рты, чтобы не расхохотаться, грозим друг другу кулаками, чтобы не шевелились, чтобы не пропал эффект.

Мост заскрипел под Яшиными шагами.

— Лидуша? — удивился Яша. — Так это ты меня тут ждешь?

— Я... — еле слышно донеслось до нас.

— Ну? — спросил Яша.

Лида молчала.

— Что ты мне хотела сказать?

Ни звука.

— Так и будем молчать? — весело осведомился Яша.

— Я... — начала Лида. — Я думала... Мне сказали...

И опять молчание.

Первым не выдержал Юрка Ефремов. Он вылез из-под моста. За ним на четвереньках Оксана. За Оксаной вся Лидушина палата. Потом наша, шестнадцатая. Лида прижала руки к щекам и глазами, полными ужаса, смотрела, как из-под моста лезут все новые и новые ее мучители.

Лиду окружили плотным кольцом. Теперь можно было не сдерживаться. Мы хохотали до слез, приседали от смеха, показывали на Лиду пальцами, хлопали себя по коленям.

— Бант твой? — спросил Ефремов.

— Нет...

— Снимай!

Лида протянула Ефремову бант. Волосы упали ей на лицо. Растерянная, похожая на тощего, побитого котенка, она взглянула на Яшу, который стоял в сторонке и, ничего еще не понимая, улыбался. Лида вдруг прорвала плотное хохочущее кольцо и побежала. Сбежав с моста, она кинулась в сторону от дороги, перепрыгнула через канаву и бросилась в густые заросли крапивы. Она упала в эту крапиву и свернулась в комочек. Сквозь зелень просвечивало ее красное платье.

Яша перестал улыбаться. Под его гневным взглядом мы притихли. Стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— Марш в лагерь, — приказал Яша и тихо добавил: — Звери...

И мы поплелись в лагерь. Оборачиваясь, мы видели, как Яша вывел Лиду из крапивы, как он вытирал ей лицо и руки носовым платком.

После ужина пионервожатая устроилась на скамейке с аккордеоном. Рядом с ней сел Яша. Тут же их окружили. Каждому хотелось пристроиться рядом с Яшей. Оксана, отпихнув подруг, шлепнулась с видом победительницы на скамейку.

— Где Лида? — спросил Яша.

— Она в палате.

— Сбегай за ней, — приказал Яша Оксане. — Без нее не возвращайся.

И пришлось Оксане идти за Лидой и теперь уже всерьез передавать ей Яшину просьбу. Вернулась она одна.

— Не хочет идти, — объяснила она. — Говорит, что я вру.

Тогда Яша встал и сам пошел за Лидой. До самого отбоя Яша пел морские песни, а Лида сидела рядом с ним, все девочки смотрели на нее с завистью.

С этого дня все переменилось. Яша посылал Лиду с поручениями на подсобное хозяйство. Ее он брал с собой в Ярцевский лагерь договариваться насчет самодеятельности, хотя она ни петь, ни танцевать не умела.

Попробовал бы теперь кто-нибудь не то чтобы подшутить над Лидой — пренебрежительно заговорить с ней! У нее появился такой защитник, о котором мы могли только мечтать. Это именно Яша обнаружил, что Лида знает наизусть массу стихов и хорошо их декламирует. Он уговорил ее читать на вечере самодеятельности. Яша откровенно радовался Лидиному успеху. Он стал заботиться о ней, следил, чтобы она все съедала, чтобы в пасмурные дни потеплее одевалась. Лида просто расцвела от такого постоянного внимания, поправилась, похорошела. Мы и думать забыли, кем еще недавно была для нас Лида.

И когда в конце каникул за Лидой приехала мама, она свою дочь просто не узнала. Мама ходила к начальнику лагеря и к старшей воспитательнице — благодарить за Лиду. Мы впервые услышали, что Лида два года провела в постели, а потом ей делали сложную операцию на сердце. И мама боялась отпускать ее в лагерь, а теперь очень рада, что все-таки решилась.

— Вот что делают свежий воздух и хорошее питание, — говорила мама.

А мы-то знали, что воздух и питание тут ни при чем. Просто Лидина сказка оказалась пророческой: благородный рыцарь, защитник слабых, не мог стерпеть несправедливости. Он превратил робкую девочку в черноокую принцессу. ★



Глава первая

1

Спал ли эту ночь председатель колхоза «Вешние воды» Харитон Харитонович Харитонов, или, как его называют, Третий Харитон, так как и деда и отца его тоже звали Харитонами,— никто не знает.

Только солнце начало протирать свой заспанный красный глаз зубчатой опушкой леса, Харитон вышел на верхнее крыльцо. Вышел, потянулся, глянул на поле, что скатом к реке, и тоже начал протирать глаза.

— Это что за оказия такая, никак вспахана Овсяная полянка? — спросил самого себя председатель. Протер глаза, еще глянул. — Вспахано! Так и есть — вспахано!.. Харитон! Харитон! — закричал председатель сыну, которого тоже звать Харитоном, а по деревне просто Четвертый.— Подай бинокль!

Прибежал не успевший еще заснуть, прогулявший где-то до вторых петухов сын — Четвертый Харитон — с биноклем.

— Дай-ка сюда,— выхватил отец у сына бинокль.— Гляди, никак вспахана Овсяная полянка?

— Конечно, вспахана,— недовольно ответил сын,— и без бинокля видно. Вспахана.

— Вспахана! Так и есть вспахана! — глядя в бинокль, удивился председатель.— А кто разрешил? Кто разрешил? Ведь я думал да и тебе толковал, что этот клин под картошку пойдет. Сию минуту ко мне трактористов. Слышишь!

— В такую рань, папа? Спят еще все люди.

— Какая рань, коли солнце встало! А нука — одна нога здесь, другая там. Да живо!

2

Жил до сегодняшнего восхода солнца Харитон Харитонович, гвардии старшина запа-



— А скажи, Харитон Харитонович, чего это ты полянку-то овсом засеял?

са, кавалер трех орденов Славы, как живут и другие председатели колхозов района. Заботы те же, хлопоты те же. Радости и горести те же, что и у всех председателей. И колхоз «Вешние воды» не на плохом счету в районе. Не впереди, но и не в хвосте, а так крепко в середине держится. И председатель Харитон Харитонович в середняках ходит. Не часто хвалят, но еще меньше ругают—середняк.

И о военной службе, где прослужил пятнадцать лет старшиной роты, Харитон Харитонович вспоминал редко. Но армия есть армия, старшина роты есть старшина. Десять лет как снял погоны старшины, но всегда выбритый, подтянутый, в начищенных сапогах и белый подворотничок на гимнастерке. Иногда по старой привычке звеньевых называл отделенными, бригадиров — взводными, а трактористов — командирами машин.

Спать ложился последним на весь колхоз. Вставал первым.

3

Три здоровенных парня саженными шагами вприпрыжку бегут по деревне к дому председателя. В канаве около харитоновского палисадника до блеска натерли крапивой сапоги, подтянули пояса, одернули гимнастерки — и в дом.

— За мной! — скомандовал председатель.

«Скрип, скрип, скрип»,— проскрипела ступеньками лестница под тяжестью четырех великанов. Под ногами взвизгнули половицы.

— Это как называется, товарищи командиры машин?

— Что? — не поняли трактористы.

— Несмышленышами прикидываетесь! А ну, гляньте за реку!

— Тю-у! — удивились ребята, вытаращив глаза.— Кто-то вспахал Овсяную полянку...

4

Топ, топ, топ — четыре пары ног по дороге. Шлеп, шлеп, шлеп — четыре пары ног по грязи. Плюх, плюх, плюх — четыре пары ног по лужам.

Слева четыре длинных тени: то через канаву метнутся, то пробегут по окнам изб, по палисадникам прорябят—не отстают. Справа из-за леса солнышко глядит, удивляется: «Куда это в такую рань председатель с трактористами шлепает?»

Прибежали.

— Ну, товарищи командиры машин! — закрутил светлые с проседью усы председатель. — В последний раз спрашиваю: кто из вас вспахал сегодня ночью Овсяную полянку?

Оглянулись все, и председатель тоже. Удивились.

Свежих следов выхода машин из гаража нет. Гараж открыли — ни пылинки, ни комочка глины на гусеницах. Спали ночью трактористы...

Топ, топ, топ... Шлеп, шлеп, шлеп... Плюх, плюх, плюх... Через луг, через поле, через реку — четыре пары ног к Овсяной полянке. Впереди председатель.

Со стороны глянуть — за зайцем скачут мужики, да пора не охотничья. Солнце греет вспотевшие лица, рябит в глазах голубоватой испариной от оттаявшей земли. Из-под ног председателя взметнулась пара испуганных чибисов и, скособочась в развороте над головами мужиков, закричала: «Чьи вы, чьи вы...»

«Сам не знаю, чей я, да и я ли это?» — подумал председатель, сильно дернув себя за ус — не спит ли? Нет, не спит. По полевой дороге: топ, топ, топ...

— Тут не только вспахано, но и овсом засеяно,— удивились трактористы, глянув на пашню.

— И засеяно,— повторил председатель.— Докладывайте, чья работа.

— Не моя, — бойко ответил золотоволосый, с карими глазами и с вздернутым носом, вес-

нушчатый атлет тракторист Ефим Солдатов, а по колхозу среди друзей — Рыжик.

— Вижу, — подтвердил Харитон Харитонович и глянул на другого тракториста.

— Никак нет. Не моя,—отрапортовал сухопарый, жилистый, с голубыми глазами и будто седыми волосами тракторист Иван Петухов, а по колхозу просто Ваня Седой.

— Вижу,— сухо процедил сквозь зубы председатель.

— И не моя, — не дожидаясь вопроса председателя, сказал черный, как цыган, тракторист Павел Хомутов, по прозвищу Жук.

Но Харитон Харитонович уже не слушал доклад третьего тракториста, а изумленно глядел на пашню, закручивая и без того закрученные усы.

— Эх, ребята, ребята, объехали нас на хромой кобыле!

— На какой кобыле? — не поняли трактористы.

— Да не видите, что ли, вспахано-то не трактором, а лошадью.

— Верно,— удивились трактористы,— следов трактора нет.

Но сколько ни ходили трактористы с председателем по пашне, лошадиных следов тоже не нашли. Были следы то ли от берестяных плетеных корзин, то ли от лаптей какого-то гиганта.

5

Опершись плечом о гранитный красный, отшлифованный ветрами валун, что величиной с русскую печь, стоит Харитон Харитонович. Ему отсюда, с горы, видны все деревни колхоза.

«Надо же так, — искоса глянув на вспаханную полянку, думает председатель, — теперь позор не только на район, на всю область, и виноватого нет. Во как сработано...»

Овсяная полянка—это небольшой участок земли. На Заречном поле. Двум мужикам на лошадях день на вспашку надо. Нигде такой овес не растет, как на этой поляне. Потому-то и прозвали ее Овсяной. Рожь растет не плохая, пшеница растет, ячмень даже хороший иной год уродится, а овес всегда отменный. Ветру не в силу поднять тяжелые золотые кисти. В это лето председатель решил дать отдых земле от зерновых и засадить поляну картошкой. Потом такой овес вырастить, чтобы в Москве на выставке этот овес красовался. А сегодня ночью кто-то вспахал и засеял овсом полянку. Не перепахивать же.

— А молодцы,— усмехнулся председатель,— такую полянку за ночь управить! Узнать бы, кто,— премию бы дал. А как узнать, коли и следа не оставили...

Но председатель есть председатель. Принимай меры. Распорядись.

— Найду чертей полосатых. Найду, — сказал председатель. И опять дернул себя за ус.— Не сон ли? Нет, не сон.



Чешут затылки ребята.

Глава вторая

1

...И распорядился.

Трое трактористов: Седой, Жук и Рыжик— тут же от полянки разыскивать пахаря кинулись.

Ни одной дороги, ни одной тропки не пропустить, въезды и выезды всех восьми деревень взад-вперед исходить, прочесать опушки лесные, овраги, ручьи обшарить, а пахаря добыть. Вот так распорядился председатель.

— Да держите язык за зубами, кто бы ни спрашивал, кого или чего ищите,— сказал в напутствие Харитон Харитонович трактористам.

...Стоит, прислонившись к красной гранитной глыбе, Харитон Харитонович, будто к танку после атаки, — думает.

Пролетавший болотный большой кулик

кроншнеп шарахнулся вверх и в сторону, увидев человека у камня, и, то ли с перепугу, то ли от радости близости болота, будто серебряным молоточком, дробно ударил по серебряному блюдечку, огласив звонкой трелью окрестность.

Вздрогнул старшина.

— Тебе смешно, голоштанник горбоносый!— провожая птицу глазами, вздохнул председатель.

Опять на какое-то мгновение ушел в себя председатель, но вдруг из-за кустов Ковча с двумя туесами в руках вынырнул. В выцветшей зеленой стеганке, в выцветших и тоже зеленых штанах, в кирзовых сапогах и кожаной белесоватой фуражке, из-под которой торчали седые волосы, переходя от висков по щекам в серебряную курчавую бороду. Чуть прихрамывая на правую ногу, старик не спеша шел по меже к председателю, щурясь от солнца.

«Ни сна, ни отдыха не знает, — подумал председатель, — а ведь за восемьдесят, вот кому позавидовать можно».

— С добрым утром, Митрич!

— С добрым утром, Харитон Харитонович!— подходя ответил старик и, поставив туеса на межу, пожал председателю руку.

— Куда это ты ни свет ни заря успел сбегать?

— Да в Пегуши ходил, два туеса соку наточил.

— Али берез ближе нет?

— Береза березе рознь, Харитон Харитонович: в Пегушах чистка, с чистки сок слаще.

— Ботаник, — усмехнулся председатель.

— Что, что? — не понял Ковча.— Это уж так, у чистки лист-то будто лаком покрыт, чистый, блестит. Вот и сок чище, слаще. Нако, отведай. Сок земли.

— Хорош,— ставя на землю туес, обтирая рот рукой, вздохнул председатель.

— Старуха что-то приболела, да и самому неможется, вот и решил за соком сходить. Схожу, думаю, пока береза лист не выкинула, а лист выкинет — сок остановится.

— Ботаник,— опять усмехнулся председатель.

— А скажи, Харитон Харитонович, чего полянку-то овсом засеял? Мне Харитошка сказывал, вроде ты собирался картошкой засадить?

— Передумал.

— Да и когда успел? Вчера еще не пахана была.

— Ночью ребята вспахали. Решили машины испробовать.

— И то дело,— недоверчиво согласился Ковча.

2

Сучья под ногами по лесным опушкам: тресь-хруп, тресь-хруп. Камни из-под ног с крутых берегов ручьев в воду: бултых-бултых. Голый пружинистый молодняк березняк по распотевшим, красным лицам: зжик-зжик — что розгами. Ощетинившись колючками, можжевельник по коленкам, животам и плечам ежом колется.

Часа три трактористы в разведке.

Чешут затылки ребята.

На большой дороге, что в колхоз и из колхоза, — ни следа. На дорогах из деревни в деревню — ни следа.

На полевых дорогах — ни следа.

Под крутоярами ручьев — ни телеги, ни плуга, ни бороны.

В зарослях оврагов — ни телеги, ни плуга, ни бороны.

То у одной, то у другой избы собираются и судачат бабы.



На лесных опушках в чапыжнике — ни телеги, ни плуга, ни бороны.

Сквозь землю провалился пахарь — не иначе...

«Тоже мне разведчики!» — скажет председатель, выслушав такой доклад. А доложить больше нечего.

3

Ох, и тяжела дорога сегодня от Заречного поля до деревни для Харитона Харитоновича! Под гору, а ноги не идут. Сердце вот-вот выскочит из груди. В атаки танк водил — легче было. В Тимирязевской академии на самый трудный зачет, к самому строгому профессору вприпрыжку на третий этаж взбегал. А тут под гору ноги не слушаются. Вот беда-то! Злая шутка вывела из строя председателя.

— Старшина, приведи себя в порядок,— усмехнулся Харитон Харитонович, — бес с ней, с этой полянкой!

Умылся студеной весенней водой бурлящей речки, сполоснул сапоги, подтянул пояс, застегнул воротник гимнастерки и четким, твердым, будто строевым шагом вошел в деревню.

А шила в мешке не утаишь.

То у одной, то у другой избы по три, по четыре собрались и судачат бабы, хватаясь за животы, а руками все на Овсяную полянку показывают.

— С первой бороздой, Харитон Харитонович! Ха-ха-ха-ха!

Махнул рукой председатель в ответ — с баб много не спросишь,— дальше идет.

И мужики от баб не отстали: тоже кучками пособирались, чешут поясницы да затылки, дымят махоркой, зубы скалят, вытаращив глаза на Заречное поле, на полянку Овсяную.

Держись, председатель! Все в жизни бывает!

Глава третья

1

Не успел председатель правление собрать, в район вызвали. «Совещание председателей колхозов по вопросу посевной. Только что телефонограмма получена»,— доложил секретарь. «Эх, как некстати! — подумал Харитон Харитонович.— А ехать надо...»

За рулем сам Харитон Харитонович. Шофер рядом—как пассажир. «Газик» медленно спустился к реке, еще медленнее пошел по мосту плотины электростанции. Председатель любуется плотиной, любуется электростанцией. Вспоминает: были голоса, и не робкие и не слабые:

«Пустая затея».

«А то не пустая!»

«Паводок быки сорвет, что корова языком слизнет».

«А то не слизнет!»

«Лед напрет — и плотина, что мыльный пузырь: тресь — и нет ее».

«А то устоит!»

Пятый год звенят в трех колхозах пилорамы. Качают насосы воду из реки на скотные дворы. Пятый год заброшены в деревнях керосиновые лампы.

«Вот тебе мыльный пузырь»,— улыбнулся председатель.

Мимо скотного двора, что построен из добротного леса, еще медленнее поехал председатель. Глянул, вздохнул: «Что дворец! Самый лютый мороз коровам не страшен».

И на гаражи глянул Харитон Харитонович. Тесовые, крытые добротным тесом. Второй год ни одна машина под снегом да дождем не ржавеет.

А потом по обеим сторонам дороги поле с озимыми потянулось. Озимь густая, темно-зеленая.

— Удалась,— сказал председатель шоферу, кивком головы указав на поле.— Молодцы пахари!

— Еще бы! — подтвердил шофер.

За Быстрицей начались владения соседнего колхоза: поскотина, потом сенокосы, а вплотную к деревням поля. На стыке двух деревень, Оглоблева и Крушенихи, возвышается двухэтажное здание школы. Большие окна играют на солнце цветами радуги.

— Харитон Харитонович, вы тоже в этой школе учились? — спросил шофер.

— Да, учился,— ответил председатель и опять замолчал.

Знает Вася-шофер всю жизнь Харитона Харитоновича, как свою. И что в этой школе учился когда-то председатель, знает и знает, как по этой дороге с котомкой за плечами убежал из деревни на фронт пятнадцатилетний Харитоша в тот же день, как пришли в их дом две похоронных сразу: похоронная на отца и другая похоронная — на старшего брата. И весь фронтовой путь старшины знает. Слышал не раз...

А спросил Вася председателя, учился ли он в этой школе, просто чтобы чем-то отвлечь его от той обиды, которую причинили в эту ночь Харитону Харитоновичу.

— А знаете, Харитон Харитонович...— начал опять разговор шофер.

— Знаю,— перебил его председатель,— ты лучше скажи-ка, философ, кто вспахал Овсяную полянку?

— Честное слово, не знаю.

Председатель, прищурясь и слегка улыбнувшись, глянул на Васю.

— Честное комсомольское, Харитон Харитонович, не знаю. С вечера завалился спать и до утра без просыпу.

— Верю. А что с вечера до утра в постели валялся — нехорошо. Так всю жизнь проспать можно.

На площадку стоянки машин, что перед домом райисполкома, один за другим подкатывали, «по уши» в грязи, как разъяренные рысаки, зеленоватые, с брезентовыми пологами «газики».

Вася влетел на площадку, круто развернулся, дал задний ход и поставил в строй машину.

«Лихой танкист будет»,— подумал старшина и с гордостью закрутил усы.

...Совещание было коротким и свелось, в сущности, к напутствиям и пожеланиям. После совещания секретарь райкома спросил мимоходом:

— Чего это, Харитон Харитонович, первую борозду да в потемках? Неприятно както ночью пахоту начинать.

— Да какая пахота,— ответил председатель,— просто машину одну проверили.— А про себя подумал: «Ну теперь пошла писать губерния про Овсяную полянку, раз до райкома дошло».

2

Ковча с ложкой в руке на шум мотора обернулся к окну и седой бородой, что веником, закрыл оконный переплет.

— Никак председатель к нам приехал. С чего бы это?

— Он, кому больше,— приложив костлявую руку козырьком над глазами, высунувшись в другое окно острым, как клин, подбородком, что баба-яга, прошамкала жена Ковчи, бабушка Дарья.

— Хлеб да соль,— с порога приветствовал председатель хозяев.

— Просим, Харитон Харитонович, с нами за стол,—в один голос ответили на приветствие бабка и дедка.

— Спасибо, дома с обедом ждут.

— Как хочешь. Потчевать можно, неволить грех. Проходи да рассказывай, что нового из района привез,— не отрываясь от еды, кивком головы указал дед на лавку.

— Извиниться, Митрич, к тебе пришел.

— За что? — удивился Ковча.— Ты мне ничего плохого не сделал.

— Утром неправду сказал. Не пахали мои трактористы Овсяную полянку. А кто такую шутку сыграл с нами — ума не приложу. Так что прости, Митрич.

— Вот она, задача какая! — еще больше удивился старик.

3

Три тракториста — Седой, Рыжик и Жук — с досадой на самих себя, но четко рапортуют председателю:

— На большой дороге, что в колхоз и из колхоза,—ни следа.

На дорогах из деревни в деревню — ни следа.

На полевых дорогах — ни следа.

Под крутоярами ручьев — ни телеги, ни плуга, ни бороны.

В зарослях оврагов — ни телеги, ни плуга, ни бороны.

На лесных опушках в чапыжнике — ни телеги, ни плуга, ни бороны.

Сквозь землю провалился пахарь — не иначе...

Глава четвертая

1

Всю ночь глаз не сомкнул председатель, просидел у раскрытого окна — думал. А как светать стало, на цыпочках, чтобы не разбудить жену, поднялся на верхний сарай, где на сене спал сын Харитон.

Спит сладко.

Будить жалко.

Не терпится.

— Харитоша, Харитоша,— тронул отец сына за плечо,— проснись! Дело есть. Да проснись же! — щекочет парню пятку.

— Все сделаем, дед Митрич, не беспокойтесь...— бормочет во сне Харитон.

— Какой тебе Митрич?! Это я, проснись. тебе говорят. Дело есть.

Харитон открыл глаза, глянул на отца, перевернулся на другой бок и с головой укрылся одеялом...

Не вытерпел председатель и не очень громко, но решительно и твердо подал команду:

— Гвардии рядовой Харитонов, тревога!

Испытанная шутка не подвела отца. Взметнулось в воздухе байковое клетчатое одеяло, и перед Третьим Харитоном предстал без тени сна в глазах и движениях Четвертый Харитон.

— Есть «тревога», товарищ гвардии старшина! Ставьте задачу,—озорно отрапортовал сын отцу, быстро и ловко одеваясь.

— А задача, Харитоша, то есть товарищ гвардии рядовой, вот какая: в прошлую ночь, как тебе известно, кто-то вспахал Овсяную полянку. Вспахал и следа не оставил. Позор на всю область. А еще больше позор, если мы не найдем этого пахаря. Трактористы день потратили — не нашли, я тоже ничего подозрительного не обнаружил, а найти надо. Душа из нас вон, а найти. Костьми лечь, а найти. Иначе какие же мы вешневодцы? Задача ясна?

— Так точно, товарищ гвардии старшина!

— Выполняйте.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Сергей ИВАНОВ



Летчики, мои друзья...

Четыре «радиоприемника»

В середине сентября я оказался в небольшой деревне на Вологодчине. Хотя кругом были леса и болота, в деревне оказалось все, что нужно для жизни человека: столовая, магазин, школа, амбулатория, детский сад, Дом культуры. Была здесь и гостиница — в ней я жил. Гостиницу сложили из толстенных сосновых бревен. С улицы они уже потемнели, а в комнате отливали светлым золотом, и по стенам медленно, наверное, целые годы, стекали густомедовые капли смолы. По утрам капли загорались лучистыми желтыми огнями, и в комнате начинало пахнуть, как в сосновом бору летом...

Все четыре окна комнаты были распахнуты — погода стояла хорошая. Даже не поднимая глаз от работы, я знал, где что происходит. Это были словно четыре радиоприемника, настроенных на разные станции. Первое окно выходило на школьный двор. Во время перемен, сами понимаете, что там творилось. Но вот на крыльцо выходила молодая учительница и начинала звонить в нестрогий, глуховатый звонок. Вскоре после этого все затихало. Только слышалась ленивая перебранка псов, которые ожидали своих повелителей — мальчишек.

Второе окно слушало лес. Из него я узнавал, есть ли на улице ветер, и какой разбой задумали нынче сороки, и еще кое-что про синиц.

Остальные два окна выходили на спокойную, словно река, деревенскую улицу. По этим окнам я мог бы проверять часы. Утром, в половине девятого, бежал, тарахтя, отбивая колеса о колдобины, сельский автобус. Он спешил в райцентр, к поезду. В два часа слышались треск мотоциклов, громкие голоса, пересмешки — это шли обедать механизаторы. В семь издали доносились перезвон колокольцев и тягучее мычание — на ферму возвращалось колхозное стадо...

Но однажды, часов около пяти вечера, все эти привычные и оттого почти неслышимые звуки перебил вдруг тяжелый и требовательный рокот. Причем слышался он сразу из всех четырех «радиоприемников». Я невольно оторвался от работы, глянул в окно. Низко над деревьями и домами плыл самолет. Вдруг гул оборвался как бы на полуслове, самолет резко нырнул к земле и сел...

«Возьмите меня с собой!..»

Ко мне явился завхоз и сказал, что если я не возражаю, со мной в этой комнате будут жить летчики. Я возражать не стал. Завхоз ушел, а следом за ним и я. Пусть летчики располагаются, не смущаясь чужого глаза...

Я вернулся часа через полтора, когда они уже умылись и успели немного отдохнуть с дороги. Я поздоровался, и мы обменялись крепкими рукопожатиями. Все четверо — командир, второй пилот, бортмеханик и моторист — с любопытст-

вом поглядывали на меня, я — на них. Поэтому очень скоро у нас начался разговор. Летчики расспрашивали о Москве, о московской погоде. Погодой они интересовались очень серьезно — даже той, что была в прошлом месяце.

Когда мы поужинали и стали укладываться спать, я попросил:

— Ребята! Возьмите меня с собой полетать.

Наступило гробовое молчание...

— Я журналист,— произнес я с тревогой,— мне же для дела надо!

И вдруг они все четверо начали хохотать. Особенно старался моторист Валька: он упал на кровать и начал, словно в беспамятстве, болтать ногами.

— Вы что, елки-палки?! — сказал я.— Что здесь смешного?

Володя, второй пилот, ответил, вытирая глаза:

— Ты не сердись. С нами, понимаешь, все просятся полетать. И каждый добавляет, что по делу.

Я улыбнулся, мне стало неловко.

— Да чего ты?— сказал командир Саня.— Все нормально, завтра полетаем,— он запнулся,— если, конечно, погодка...

Зачем самолет прилетел?

Вставать было назначено без четверти шесть. Но я проснулся куда раньше. Ленивое осеннее солнышко лежало в прогалине между двух коренастых бревенчатых домов. Я раскрыл одно из окошек, выходивших на улицу, и стал слушать, как просыпается деревня: вот звякнули ведра у колодца, вот прошуршали велосипедные шины, петух прокричал, легонько стукнула дверь отворившегося сарая.

Я слушал эти звуки и думал о том, какой у меня отличный будет сегодня день... Конечно, я уже летал на самолетах, но только на больших, на пассажирских. А здесь — маленький, юркий АН-2 с двойными крыльями.

Я ведь забыл сказать: летчики прилетели, чтобы сделать химическую прополку колхозных полей. Удивительное дело — пропалывать с самолета поля! Обычно как это происходит? Люди цепочкой идут по полю и вырывают сорняки. Работа трудная и долгая. Можно, конечно, на тракторе с культиватором. Культиватор рыхлит землю и удаляет сорняки, которые ему попадутся. Так, понятно, быстрее, но трактор неуклюж: колеса широкие, сколько посевов попортит, пока изъездит все поле! А самолет и быстр и поле не помнет...

О том, как истребляют сорняки с воздуха, я кое-что знал. Некоторые химические вещества по-разному действуют на разные растения. Одни растения они губят, а для других совершенно безвредны. Растут рядом рожь и сорняк. Сорняк погибает, а рожь растет еще лучше. Это как лекарство. Сколько мы их проглатываем за свою жизнь! И аспирин, и стрептоцид, и пенициллин, и разные микстуры... Почему мы выздоравливаем от лекарств? А очень просто: они уничтожают вредных микробов, из-за которых мы заболели.

То же и здесь, на полях: опрыснут их особым раствором — сорняки сразу завянут, а полезные растения спокойно растут и развиваются.

Утро летчиков

Ровно без четверти шесть Саня глубоко вздохнул и, проснувшись, спросил, ни к кому не обращаясь:

— Ну что ж, пора вставать?

И все трое его летчиков зашевелились. Стал подниматься и я. Причем мне пришлось торопиться изо всех сил, чтобы поспеть за ними. А летчики, казалось, собирались неторопливо, словно с ленцой. Потом я понял, в чем секрет: они все делали точно — с первого раза и хорошо. А у нас ведь как заведено? Надел рубашку... Ах ты, нелегкая, я же еще не умывался! Значит, снимай рубашку. Мы таких мелочей не замечаем. Но из них и складываются потерянные минуты, часы, а за всю жизнь, наверное, целые годы!

У летчиков все не так. Им время терять некогда! У них все как по расписанию: первое, второе, третье, четвертое. Тот, кто хочет летчиком стать, должен об этом помнить!..

Раньше всех собрались механики — Юра и Валька. Я оглянуться не успел — они уже готовы. На ходу застегивают куртки, спешат к самолету, на аэродром.

— Позавтракайте!— крикнул им вдогонку Саня.

— Потом!

— Вот ребята!— сказал Саня.— Просто молодцы!

И когда минут через десять мы из столовой выходим на улицу, с аэродрома уже слышится могучий грохот: это ребята разогревают, проверяют двигатель. Оба пилота сразу начинают улыбаться: «Погодка в порядке, пилотка в порядке, самолетка в порядке». Это у них такая присказка, если все ладится.

Перед полетами

Аэродромом оказался самый обычный ровный луг, уже кое-где схваченный осенней желтизной. Только самолет посередине придавал ему особый, летный вид.

Юра с Валькой побежали завтракать — до полетов еще оставалось минут сорок. А Саня с Володей надели резиновые сапоги, чтобы не промокнуть в росе, и пошли «выкладывать полоску». Они шли по полю, втыкая в землю флажки: белый, красный, белый, красный. Получался как бы коридор. В нем самолет будет взлетать и садиться. Это уже не раз проверенная, надежная, особенно ровная земля.

Уходя, Саня разрешил мне побыть в самолете. Я быстро вытер о траву башмаки, раз-два — и вот я внутри. Все здесь было необычно, каждый шаг отдавался глухим металлическим гулом: и пол, и стены, и потолок — все было из холодного белого металла.

В хвосте у этого не очень большого самолета помещалось что-то вроде чуланчика. Там лежали сапоги, брезентовые спецовки, небольшой насос для бензина. В середине самолета, где обычно бывают места для пассажиров, стоял огромный пузатый бак. Книзу он быстро сужался, переходя в короткое горло. Я догадался, что в этот бак заливают химический раствор для прополки.

Но самым интересным местом в самолете была кабина. Здесь потолок и стены — сплошное огромное окно. С непривычки в кабине тесно, просто повернуться негде. Но потом становится понятно, что так и нужно,— все у тебя под рукой. Я сел в строгое прямое кресло, рядом еще одно такое же — для второго пилота. Перед каждым креслом — по штурвалу. Штурвалы похожи немного на велосипедные рули, вывернутые рогами вперед. На передней стенке кабины, прямо перед глазами летчиков, множество приборов, переключателей, сигнальных лампочек, часы с волосяной секундной стрелкой. Я читаю: скорость, высота, курс, малый шаг винта, большой шаг винта, количество оборотов в минуту.

Из кабины мне хорошо видно все летное поле, и видны летчики, выкладывающие полоску, и виден сарай на краю поля. Из него трое колхозников выносят мешки с ядовитыми веществами, выкатывают железную бочку...

Вдруг по всему самолету начинается гром, стук, скрежет. Что такое?! Я кубарем выкатываюсь наружу. Оказывается, ничего особенного. Юра с Валькой привинчивают под крылья какие-то штуки, постукивая по болтам молоточком. Но, когда сидишь внутри, пустое самолетное брюхо делает звук в сто раз громче, чем он есть на самом деле.

Вот работа окончена: под крыльями прилажены толстые металлические трубки с отростками, похожие на здоровенные грабли.

Я спросил у Вальки:

— Для чего это?

— Опрыскиватели!— ответил он.

Возвращаются летчики. Мы все залезаем в самолет. Гремит мотор, и самолет, подпрыгивая на мелких кочках, бежит на край летного поля, к сараю. Здесь уже все готово. Один колхозник размешивает в бочке химический раствор и разливает его в ведра, другой носит ведра к самолету, третий, стоя прямо на самолете, через отверстие в крыше выливает раствор в тот самый пузатый бак. Пахнет «лекарство» полей не очень-то приятно...

Залили шесть ведер — хватит. Подъехал автомобиль с цистерной. Подтянули шланг, стали перекачивать в самолет воду, чтобы разбавить ядовитую жидкость: не то она и озимую рожь, пожалуй, выест.

Наконец все готово, можно в полет. Я трогаю командира за рукав:

— Я с вами лечу?

— Сейчас пока нельзя,— отвечает Саня,— горючего много. Самолет тяжелый.

У летчиков все по-военному. Раз командир сказал, значит, конец. Приходится дожидаться.



Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Как самолет поле полол

Самолет развернулся, зачем-то отъехал на дальний конец посадочной полосы и начал разбегаться.

А в это время Валька, сидя на крыше сарая, приколачивал там что-то вроде полосатого сачка на короткой толстой палке.

— Ты что делаешь?— крикнул я.

— Колбасу цепляю!

Я спросил у бортмеханика Юры:

— Слушай, Юр, что он там делает?

— Он же тебе сказал,— удивился Юра,— колдуна ставит.

Я ничего не понял и поэтому рассердился:

— Так колбасу или колдуна?

— Зови как хочешь — одно и то же... А по-настоящему это конус. Для определения ветра. Куда ветер дует, туда он и поворачивается. Вроде как погоду колдует.

— А для чего нужно знать направление ветра?

— Чтобы взлетать и садиться: ветер должен

дуть самолету навстречу. Видел, как Саня взлетал? С той стороны разбегался на нас — это чтоб было против ветра!

Ну, конечно! Я еще тогда удивился: зачем это нужно было отъезжать в дальний конец полосы, разворачиваться и потом снова бежать всю полосу обратно? А теперь ясно: чтобы взлетать против ветра.

Вернулся самолет. На заправку раствором должно было уйти минут десять. Я решил, что за это время успею добраться до поля и посмотреть, как работают летчики. Я бегом припустился через аэродром, через поросший рукастым кустарником лес.

И вот оно, поле!.. Огромное и спокойное, словно озеро.

Куда ни глянь — везде ровная зелень всходов. Лишь далеко-далеко на другом краю, как на другом берегу, едва виднеется белый продолговатый кубик под красной крышей. А ведь на самом деле это скотный двор, огромная механизированная ферма. Там целое стадо коров живет!..

Я подождал несколько минут, и вот из-за леса вынырнул самолет. Секунду он медлил, словно бы повиснув над остроконечными пиками елей, а потом стремглав нырнул вниз. Теперь он шел у самой земли, а следом за ним, как верный пес, гналась огромная черная тень. Так самолет промчался большой кусок поля: наверное, здесь посевы были уже обработаны. Но вдруг из его «граблей» ударили белые струи — словно разом закипело сто огромных чайников. У дальнего конца поля самолет взмыл вверх, развернулся и снова упал к земле — снова заработали «грабли», оставляя за самолетом пушистые хвосты целебного тумана.

Самолет так ловко кувыркался, нырял, разворачивался, так легко скользил над полем, что невольно стал мне казаться ловким акробатом, а зеленое поле — ареной огромного цирка. Все у этого крылатого акробата выходило свободно, красиво; думалось: ну что ему за труд — кувыркайся в свое удовольствие!.. Не верилось, что летчики выполняют сейчас ответственную, сложную и опасную работу.

Земля с неба

Я вернулся на аэродром. И, когда горючего в самолете наконец стало немного, Саня сказал мне:

— Ну, полетели, журналист!

Я притулился на крохотном сиденье между креслами летчиков. Начался разбег. Вот промелькнули ребята, сарай с колдуном на крыше. Потом все внизу начало удаляться, таять, съеживаться. Я увидел всю деревню разом: вон избы, похожие на уснувших жуков, дорога, которую словно бы провели мягким коричневым карандашом. По дороге ехали совсем крохотные автомобили, но ехали так медленно, что даже не поймешь, в какую сторону они двигались.

Но вот деревня медленно, как льдина, уплыла под левое крыло. Теперь под нами был лес, а впереди сверкало зеленью ржаное поле. Сверху лес казался редким, каждое дерево стояло как бы отдельно. И почти каждое росло не точно вверх, как мы привыкли думать, стоя на земле, а немного отклоняясь влево или вправо, вперед или назад. Странная получалась картина. Лес, казалось, шагает куда-то. Потом-то я понял, в чем дело: каждое дерево старалось расти так, чтобы ему выпадало побольше света. Это телеграфному столбу все равно, где и как стоять. А деревья ведь живые!..

Вдруг Саня отклонил штурвал вперед... Мы начали падать. У меня на секунду перехватило дыхание. Я увидел, что земля и край леса, словно живые, подпрыгнули прямо к окну самолета. Саня взял ручку на себя. Земля опять стала послушной, обычной, ровной. Теперь мы мчались над самым полем. Я увидел, что все оно расчерчено длинными зелеными строчками — как провела их сеялка. Володя нажал одну из ручек перед собой. На мгновение резко запахло раствором. Но пушистого белого хвоста я не увидел. Он ведь вылетает из-под крыльев и сразу остается далеко позади за самолетом.

У конца поля Саня быстро взял штурвал на себя. Земля и поле сейчас же упали куда-то в пропасть. А у нас перед глазами осталось одно только синее небо. Поднявшись на достаточную высоту, мы стали разворачиваться, заложив крутой вираж. Левая стенка кабины вдруг превратилась в пол. Там, в самом низу, оказался Володя. Я кое-как удержался посередине. А Саня сидел под потолком. Все это, конечно, было какую-то секунду. Вот самолет выровнялся, и мы снова начали пикировать на поле, бомбить сорняки...

*

На следующее утро механики собрались еще раньше.

— Вы чего так спешите? — спросил я.

— Дел по горло! — махнул рукой Юра. — Надо еще штаны одевать, а там резьба кое-где барахлит.

— Ты о чем говоришь, Юр? — не понял я.

Но механиков и след простыл.

Ответ я узнал на аэродроме. Под крыльями у самолета вместо граблей-опрыскивателей торчали две широкие расплюснутые трубы. Они и правда походили на шорты. А самолет на этот раз загружали минеральным удобрением. Его сыпали в бак из больших полиэтиленовых мешков.

Сегодня у летчиков была другая работа — подкормка. Озимь очищена от сорняков. Теперь надо ей дать подкрепиться. Пусть перед зимой набирается сил.

Заработал мотор, пополз по небу маленький самолетик. Вчера крылатый доктор, сегодня крылатый почтальон, завтра «Скорая помощь», воздушный автобус. Теперь он стал привычен в сельском небе, как облако или как птица. А если ребята и сбегаются к самолету, так для того только, чтобы с летчиками поздороваться,— очень уж летчики симпатичные люди! ★

Министерство Связи СССР

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТР КУКОЛ, ОБРАЗЦОВУ СЕРГЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ.

Дорогой Сергей Владимирович! Мы уже большие, играем в куклы только по секрету, а Вы, хотя и взрослый, играете в куклы на виду у всех. Мы все Вас за это любим.

Поздравляем Вас с днем рождения и с новосельем. Желаем большой радости артистам, зрителям и куклам. Пусть волшебные часы на театре всегда показывают веселое время.

Читатели журнала "Пионер"







Эти куклы прибежали к нам, чтоб вместе со всеми ребятами поздравить Сергея Владимировича Образцова. Ну и шум стоял в редакции! Ведь болтали они на разных языках: **Полишинель** на французском, **Девочка** читала стихи по-румынски, **Тигрик** рычал по-польски, **Индонезийскую принцессу** не мог понять никто, **Панч** смеялся по-английски, **Ежик** принес поздравления на словацком, **Гном** — на чешском, **Муравей** пиликал болгарские мелодии, а **Пионерчик,** которого могли бы понять все, красноречиво молчал. Он хотел сказать, что был бы счастлив каждый день ходить в театр кукол. Но не сомневайтесь, Сергей Владимирович все поймет и услышит: он-то знает язык кукол всего мира.

Наталия ЮРКОВА

Горизонт

Мы на песке
Лежим у моря
И видим,
Как вдали плывет
По голубому небосводу
Красивый белый
пароход,

А в синем,
Синем-синем море
Летит безмолвный
самолет.

Но как же так?
Наоборот,
Летает в небе
самолет,
Плывет по морю
пароход!

Тут все напутал горизонт:
Он растворился
В синей дали,
И мы поэтому не знали,
Где начинается вода
И воздух кончился когда.

Город видит сны

Ночь.
На небе круг луны.
Сонный город
Видит сны.

В гараже
Машинам снится
Сон
О древней колеснице.

Кран подъемный,
Даже сонный,
Видит город
обновленный —
Стоэтажной высоты,
Небывалой красоты.

Дому
Снится поле.
Дом во сне доволен.
От фундамента до крыши
Окна он открыл
И дышит...

Крышам
Снится теплый дождик.
Видит тротуар
Прохожих...

Ночью
Только фонари
Не уснули до зари.

*

Рисунок П. БАГИНА.

Виктор ВИКТОРОВ

Дельфины

Сижу над примером —
Он длинный-предлинный...
А где-то
Играют,
Играют
Дельфины!
Дельфины, дельфины,
Блестящие спины!
Кто вы такие,
Драконы морские?!

Где вы кочуете,
Где вы ночуете,
Чем свои боли и
беды врачуете?
Сколько вы весите,
Чем вы питаетесь,
Как от винтов корабельных
спасаетесь?

Носитесь вы,
Как суда быстроходные.
Мне бы попасть
В ваше царство подводное!
Там ни сложения,
Ни вычитания,
Только одно лишь
Естествознание!

Сирень

Добра сирень,
Щедра сирень.
Срывай,
Бери,
Другим дари!

А не раздаришь —
Через год
Сирень цветов
Не принесет.

*

Василий ФЕТИСОВ

Дождь

Запрокинься в высоту —
посмотри на красоту:
во все небо нитками
занавески вытканы.

А по лужам,
как живые,
скачут капли дождевые.

Шумно пьют лесные чащи.
Жадно пьет густая рожь.
Все цветы раскрыли чаши,
собирая вкусный дождь.

На зеленые ладошки
дождик ловят лопухи.
Если слушать дождь
подольше,
то послышатся стихи.

Это туча ветром дышит,
туче дождика не жаль:
ведь она поэму пишет
про хороший урожай!

Добрый дождик все с утра
поливает из ведра.
И поигрывает гром
опрокинутым ведром.

Марта ГУМИЛЕВСКАЯ

На Берегу МАКЛАЯ

К 125-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

«Приводит в восхищение в вашей деятельности, что вы первый доказали, что человек всегда человек, и вы доказали это подвигом истинного мужества».

Л. ТОЛСТОЙ.

В сентябре 1871 года русский корвет «Витязь» стал на якорь близ небольшого мыска на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Молодой ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай ранним утром вышел на палубу. Вдали виднелись высокие горы, окутанные облаками. Густой лес, переплетенный лианами, покрывал горы и подходил к самой воде, и деревья купали в ней свои зеленые ветви. В некоторых местах лес отступал, оставляя открытым песчаный берег. С борта корабля Миклухо выбрал место для своей хижины — вон там, высоко над морем, где стоят громадные деревья, а внизу бежит проворный ручеек.

Еще никто из европейцев не бывал на этом берегу, да и весь громадный остров — второй по величине после Гренландии, — триста лет назад открытый мореплавателями, до сих пор оставался неведомой землей. Причин тому несколько: высокие горы, густые, почти непроходимые тропические леса, но главное, пожалуй, местные жители — папуасы, о которых шла страшная слава как о людоедах, коварных и вероломных...

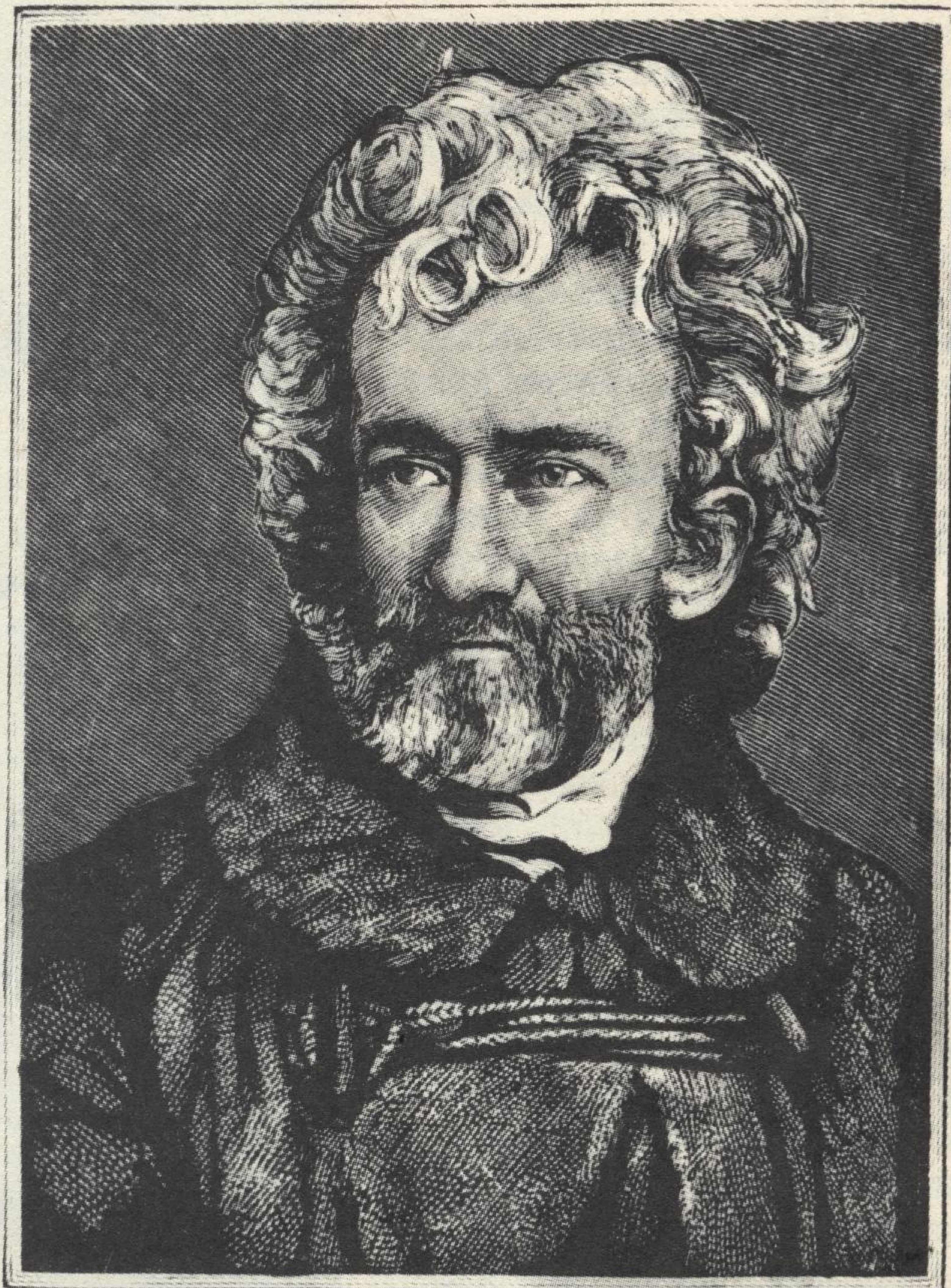
Отказавшись от катера с вооруженной охраной, Миклухо-Маклай посадил на весла своих слуг, малайца Боя и шведа Ульсона, и поплыл к берегу. Едва шлюпка врезалась носом в песок, как он выскочил из нее. Узкая тропка привела его к папуасской деревне, приветливой и опрятной, но совершенно пустой. Вокруг хорошо утоптанной площадки стояли хижины с высокими крышами из пальмовых листьев. Жители, по-видимому, только что были здесь, об этом свидетельствовали и догорающий костер, и недопитый кокосовый орех, и небрежно брошенное весло. Миклухо заглянул в одну из хижин. В ней было темно, но в свете тлеющего костра ученый разглядел высокие нары из бамбука, связки раковин и перьев на стене, а под самой крышей — почерневший от копоти человеческий череп. В лесу раздавались незнакомые голоса каких-то птиц, было хорошо и спо-



койно и вместе с тем чуждо, все казалось скорей сном, чем действительностью.

Легкий шорох... Быстро обернувшись, Маклай увидел словно из-под земли выросшего человека — среднего роста, хорошо сложенного, с темной кожей и матово-черными волосами; у него был широкий приплюснутый нос, большой рот, почти скрытый усами и бородой. Вся одежда незнакомца состояла из повязки вокруг бедер; на руках, выше локтя, были широкие браслеты с заткнутыми за ними листьями бетеля и гладко отточенным куском кости.

Папуас, внезапно появившийся, тут же поспешно скрылся в кустах. Маклай побежал за ним, догнал и за руку привел на площадку. А вскоре показались и другие жители деревни. Маклай подошел к каждому из них, каждого взял за руку, привел на площадку, потом сел среди них на камень и стал раздавать подарки: куски красной материи, гвозди, рыболовные крючки. Папуасы с любопытством рассматривали невиданные предметы и о чем-то переговаривались между собой. Держались они боязливо и настороженно. И все же, когда их гость собрался уходить, они всей толпой пошли провожать его к шлюпке, держа в руках свои подарки — кокосовые орехи и сахарный тростник. Так закончился первый день на берегу.



ТАМО РУС — русский человек — так звали Николая Николаевича Миклухо-Маклая на берегу Новой Гвинеи.

Матросы с корвета начали строить хижину для Маклая, а он тем временем каждый день появлялся на берегу. Круг его знакомых расширялся. В записной книжке появилось несколько папуасских слов. Он узнал, что его первого знакомца зовут Туем, а деревня, где он живет, — Горенду; мысок, где строилась хижина, тоже носил свое имя: Гарагаси.

Папуасы догадались, что хижину строят для Маклая и его слуг и что корвет, наверное, скоро уйдет. И Туй, первый знакомец Маклая, выразительно жестикулируя, дал понять, что, как только корабль уйдет, Маклая, Боя и Ульсона убьют, хижину разрушат и разграбят. Маклай отлично знал, что все это вполне может произойти, но сделал вид, будто ничего не понял. Однако он решил быть очень осторожным.

А с офицерами корвета Миклухо договорился, что в случае крайней необходимости сложит все свои научные материалы в железный ящик и зароет его в определенном месте. Слишком опасен был опыт, на который шел Миклухо-Маклай, — это видели



его товарищи по плаванию. Но они знали и другое: ученый был человеком мужественным и отважным и обладал железной волей.

Ученый, путешественник, Маклай успел побывать во многих странах, плавал по многим морям и океанам, и теперь, когда он высадился на Новой Гвинее, ему было всего двадцать пять лет...

В антропологии — науке о происхождении и развитии человеческих рас — шли в то время оживленные споры: есть ли высшие и низшие расы. Миклухо-Маклай считал, что все люди равны и только особенности природы, климата, исторического развития приводят людей к различному образу жизни и внешнему несходству.

Маклай стремился к точным исследованиям, он хотел все видеть сам. И он решил отправиться к папуасским племенам с их первобытной культурой, которая не подвергалась еще никакому постороннему влиянию. Вот почему Маклай выбрал Новую Гвинею. Соперников у него не было. Даже отчаянные моряки-первооткрыватели, и те не решались высаживаться на этой дьявольской земле.



Маклай прекрасно рисовал. Вот несколько его зарисовок. Ай — танцор на празднике в деревне Гумбу.

27 сентября 1871 года корвет покинул воды залива Астролябии.

И вот спустилась первая ночь на незнакомом берегу. Она была полна звуков: трещали цикады, кричали какие-то незнакомые ночные птицы, Маклай установил ночные дежурства. Однако и первая и последующие ночи прошли спокойно, и ночные бдения скоро прекратились.

Жизнь потекла ровно и спокойно. Ученый делал метеорологические наблюдения, ловил морских животных, описывал их. Когда же появлялись папуасы, он бросал работу и шел к ним навстречу.

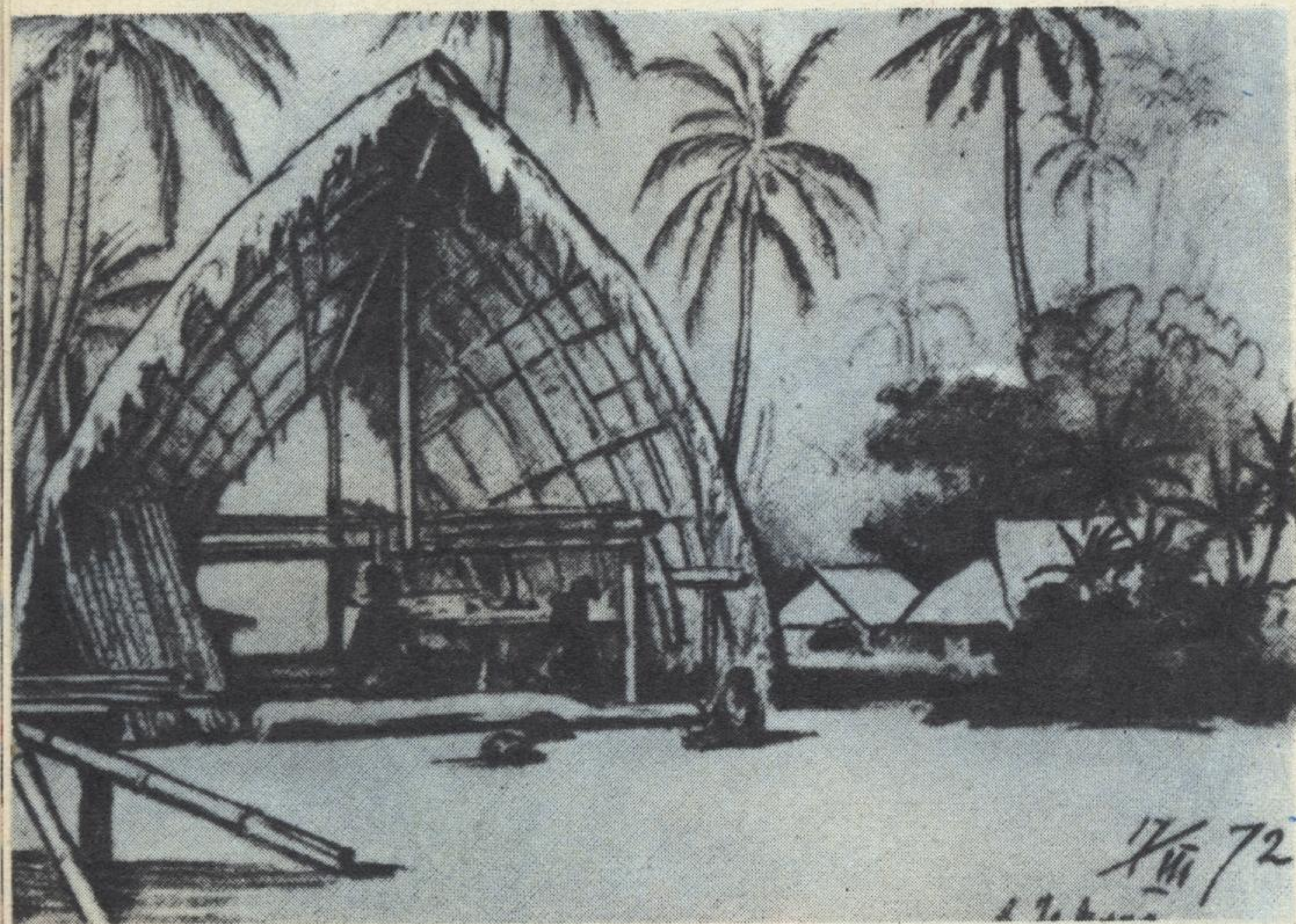
В один прекрасный день он надумал сам сделать визит в соседнюю деревню Горенду.

Вооружившись лишь записной книжкой и карандашом, Маклай отправился в путь. Случилось так, что извилистые, перепутанные тропинки привели его не в Горенду, а в какую-то другую деревню, где он никогда еще не был. Возле нее он встретил мальчика лет четырнадцати. Мгновение они смотрели друг на друга, потом юноша кинулся в деревню. Маклай услышал громкие крики, женский визг, и наступила зловещая тишина. Ученый вышел на площадку. Его встретила группа вооруженных людей. Лица их были враждебны. Кто-то угрожающе поднял копье. Мимо Маклая одна за другой пролетели две стрелы. Встревоженные лица папуасов, казалось, говорили: «Зачем пришел этот человек нарушать нашу спокойную жизнь?» И Маклай почувствовал себя неловко: в самом деле, зачем он пришел стеснять их? Внезапно им овладела страшная усталость, захотелось спать.

Он сделал движение, чтобы выйти из круга. Папуасы молча расступились. Настороженно, с удивлением следили они, как их незваный гость с видимым удовольствием растянулся в тени на циновке. В конце концов, решил про себя ученый, сопротивляться им я не могу, а если они решат убить меня, то не все ли равно, как это произойдет: сидя, стоя или лежа.

С этими мыслями — что самое удивительное! — он уснул.

Барумбрамбра — самая высокая и большая хижина в деревне. Здесь хранятся музыкальные инструменты, сигнальный барабан «барум», сюда собираются мужчины и юноши.



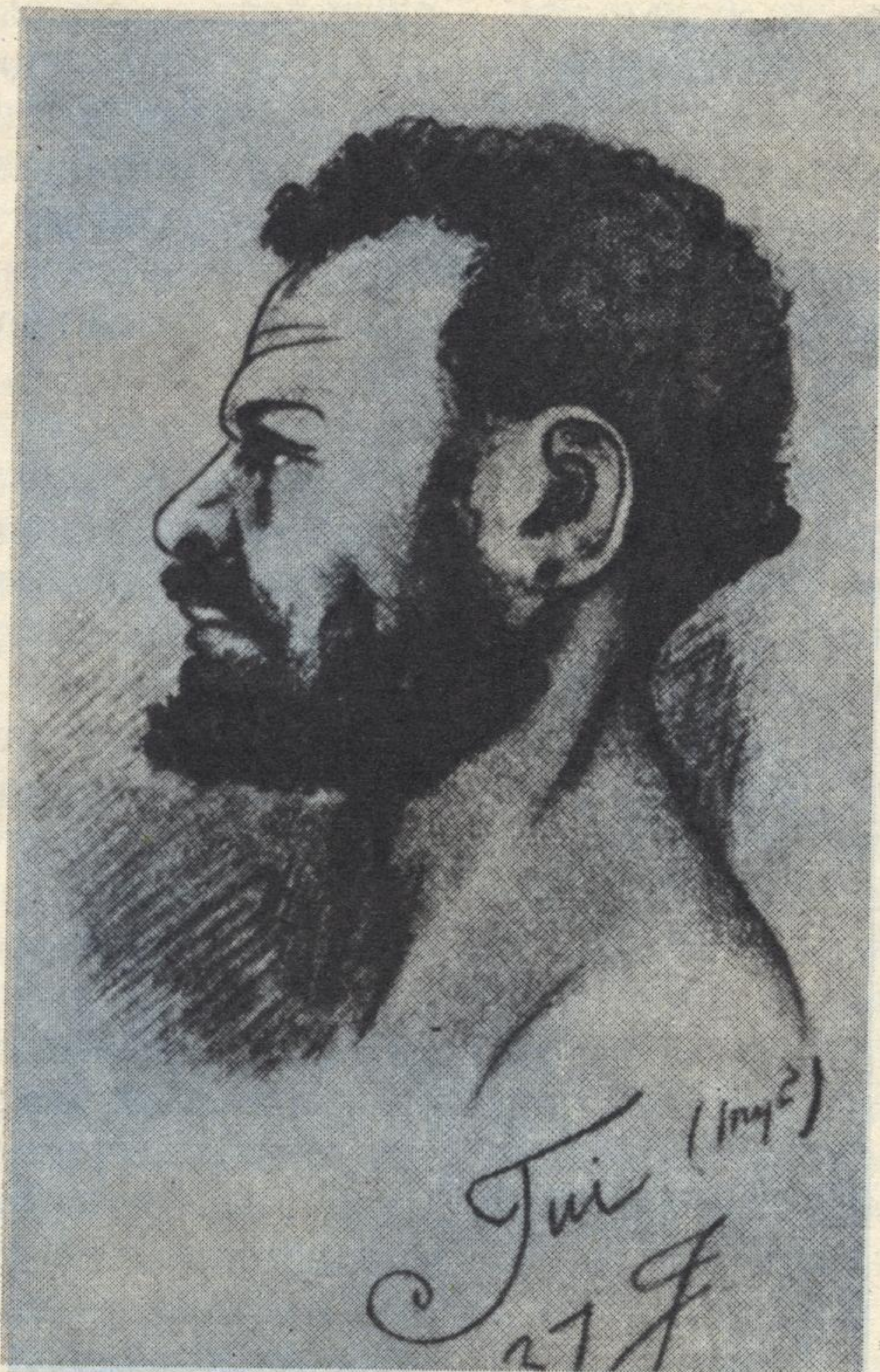
Когда он открыл глаза, примерно часа через

два, то увидел, что вокруг него сидят люди и о чем-то тихо переговариваются. Лица их были уже не так враждебны. Никто из них не шевельнулся, когда Маклай встал, кивком головы попрощался со всеми и ушел.

Да, нелегко будет преодолеть их недоверие, думал он по дороге домой.

Многие папуасы довольно часто навещали его, особенно Туй. Ученый брал у него уроки папуасского языка. Это оказалось делом нелегким. Узнать название какого-либо предмета было просто: вы указываете на предмет, и вам говорят, как он называется по-папуасски. А как быть с такими словами, как «хорошо» или «плохо»?

В Бонгу (название деревни) Маклай встретил очень сметливого человека, который сообщил ему много мудреных слов. Может, у него удастся выведать, как звучат по-папуасски эти отвлеченные понятия? Маклай показал на большой хороший горшок, а потом на груду черепков и произнес по-русски сначала «хорошо», а потом, взяв в руку черепок, — «плохо». Папуас как будто понял его и, в свою очередь, стал произносить какие-то два слова. Потом оказалось, что они ничего общего не имели с тем, чего добивался ученый.


Туй, самый первый знакомый и друг Маклая.

«Вы говорите, — рассказывает Маклай в дневнике, — указывая на хороший предмет, «казь» — и туземец вторит вам: «казь». И вы думаете, что он понял вас, а папуасы, в свою очередь, думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно, слово «хорошо» — «ауе» — я приобрел окольными путями, на что употребил ровно десять дней».

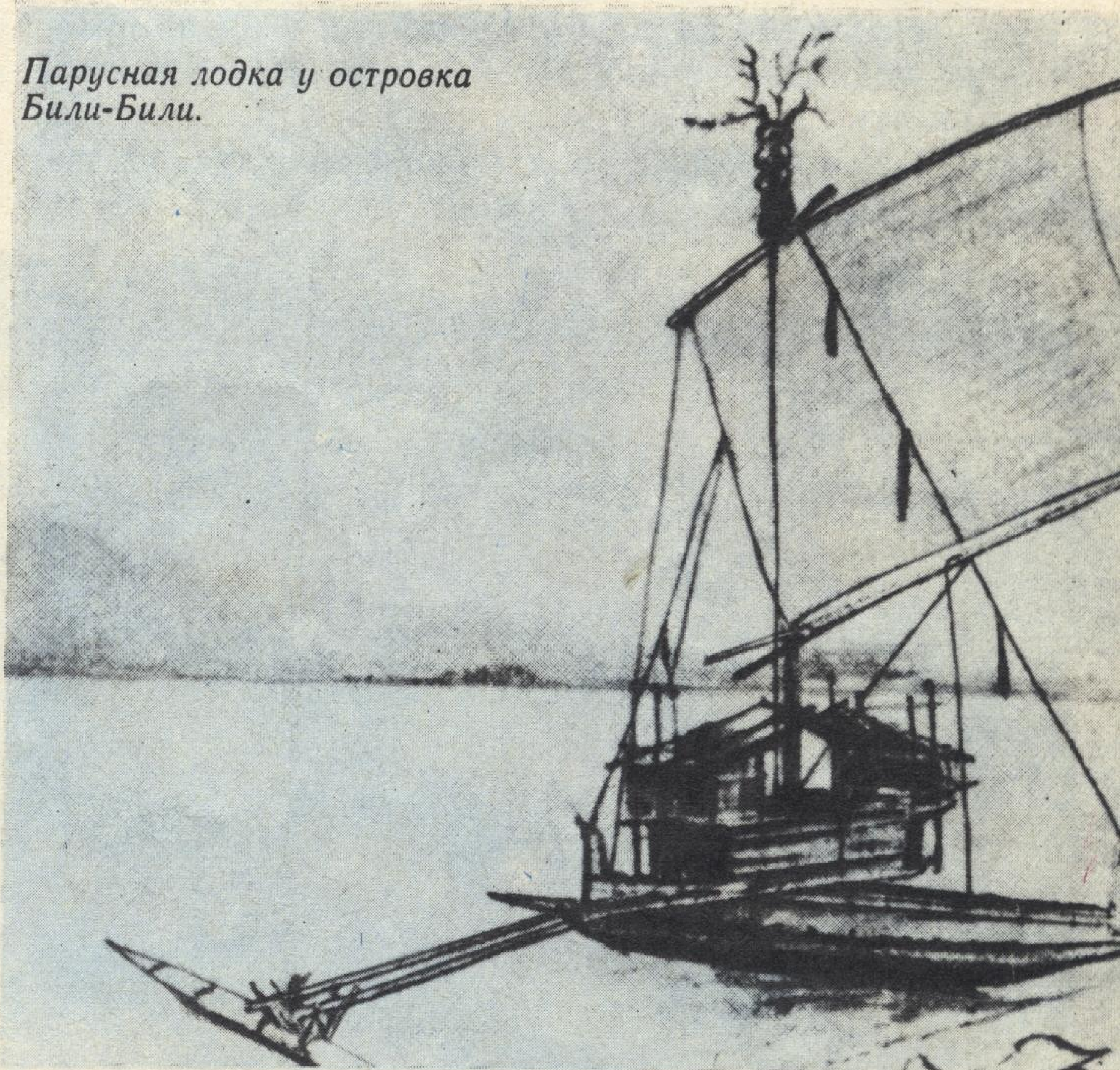
Между тем давно уже началось дождливое время года, а с дождями пришла и злокачественная лихорадка. Маклай тяжело переносил болезнь, но ни на один день не прерывал метеорологические наблюдения, как ни кружилась голова, как ни тряслись руки.

А в дневнике появлялись спокойные записи: «Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я — зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка... Терпеливо учусь папуасскому языку, но все еще более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, чем понимаю их.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад: моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мной».

Часто являлись больные, и Маклай лечил их. Особенно внимателен был он к детям. Отец одного мальчика так был благодарен Маклаю за лечение, что непременно пожелал подарить ему свое ожерелье из раковин, которым очень дорожил. Лечил Маклай папуасов из ближних и дальних деревень, и горцев, и обитателей крохотных островков — Били-Били и Кар-Кара, расположенных поблизости. Многим он помогал, а Туя, на которого свалилось дерево и опасно ранило его в голову, он просто спас от смерти. Каждый день Маклай навещал больного Туя, делал ему перевязки и за это время стал совсем своим человеком в Горенду. Жители деревни привязались к нему, всячески старались отплатить ему добром за добро. Маклай видел, что он больше не стесняет своих соседей и жизнь течет при нем так же, как и без него. Папуасы стали приглашать Маклая на свои праздники, при нем совершали и похоронные обряды и свадебные.

Так изо дня в день Маклай видел, что папуасы, как и все люди на земле, горюют, теряя


Парусная лодка у островка Били-Били.

близких, терпеливо ухаживают за больными, заботливо растят детей, ценят в людях дружбу и благородство...

Мысли ученого о равенстве всех людей получали все новые подтверждения.

Однако приступить к антропометрическим измерениям пока все же было трудно. А между прочим, антропометрия, — то есть различные измерения тела, формы головы, распределения волос, качества кожи, — один из основных методов антропологии. Папуасам было непонятно, зачем Маклаю понадобилось измерять их рост, объем головы, а все, что непонятно, пугает! Особенно интересовали Маклая волосы папуасов, которые, если верить учебникам антропологии, растут у них пучками, не так, как у людей белой расы.

«Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам, — записывает ученый. — Если уж он не соглашается, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, в обмен. Это удалось».

И не только с Туем.

Но как рассмотреть распределение волос на голове папуасов? Из-за пышно взбитых причесок это оказалось невозможным. И как же обрадовался Маклай, когда к нему привели лечиться маленького мальчика, коротко остриженного! Ученый так внимательно рассматривал голову малыша, что и отцу и сыну «стало жутковато» и оба они поспешили уйти. Зато Маклай убедился, что волосы у папуасов растут совершенно нормально, и это наблюдение привело его в отличнейшее расположение духа.

Между тем давно уже шел 1872 год. Все новые и новые записи появляются в дневнике ученого, и часто, ох, как часто пишет он о лихорадке:

«...У меня начинается приступ... Только крепко подпирая голову левой рукой, я в состоянии писать...»

«...Не туземцы, не тропическая жара, не густые леса — стража берегов Новой Гвинеи. Могущественная защита туземного населения против вторжения иноземцев — это бледная, холодная, дрожащая, а затем сжигающая лихорадка...». Иногда Маклай ослабевал настолько, что в его дневнике подряд в течение нескольких дней появлялось лишь одно слово: ЛИХОРАДКА.

А там, на другом конце света, в России, в газете «Кронштадтский вестник» за июль 1872 года было напечатано, что отважный исследователь диких папуасских племен Н. Н. Миклухо-Маклай погиб. Причина гибели неизвестна: возможно, он убит и съеден дикарями, возможно, умер от злокачественной лихорадки. Весть эта распространилась по всему миру. Русское Географическое общество обратилось к правительству с просьбой послать судно на розыски ученого.

И вот военный клипер «Изумруд» идет к берегам залива Астролябии. С корвета «Витязь» на клипер переведен лейтенант Ракович, который знал, где могут быть зарыты научные материалы Миклухо-Маклая.

Только в декабре 1872 года «Изумруд» приблизился к мысу Гарагаси. Вот и хижина Маклая... Над ней развевается русский флаг! От берега отвалила пирога с папуасами. Среди них европеец. Может быть, это слуга ученого?

— Да нет же, нет! — восклицает лейтенант Ракович. — Это Миклухо, клянусь! Значит, он жив, жив!

Маклай поднялся по спущенному трапу, его окружили, ему жали руки, а лейтенант Ракович весело говорил:

— Ну, Николай Николаевич, да вы совсем как настоящий Робинзон и с кинжалом за поясом!

Ко всеобщему удивлению, Миклухо-Маклай заявил, что не собирается покидать берег.

— Тут еще много работы, — сказал он, — правда, хотелось бы получить немного провизии, сахару — он давно уже вышел, — рису, а главное — побольше хины. Очень досаждает



лихорадка. Костюмы тоже в неважном состоянии да и башмаки, но тут можно что-нибудь придумать...

Командир клипера спешил уйти от берега, опасаясь лихорадки. И он уговорил ученого хотя бы на время покинуть остров с тем, чтобы вернуться сюда позже с учебным голландским судном.

...В последний вечер, упаковывая свои коллекции и записи, Маклай думал о том, как много ему еще предстоит сделать. И все же самое важное позади: папуасы привыкли к нему, не чуждаются, верят ему. Он убедился, что папуасы вовсе не кровожадны, не вероломны, что они такие же, как все люди: сметливы, умеют на добро отвечать добром, любят своих ребятишек, ласковы с ними, никогда их не наказывают.

Да, опытом своим он доказал, что человек — везде человек. А те, кто разделяет человечество на высшие и низшие расы, встают на опасный путь. Ученый видел, что они и среди белых могут начать отбор всех, кто не подойдет к их идеалу «единственно избранной расы».

С тех пор прошло более ста лет. И сейчас, в XX веке, мы особенно отчетливо видим, как прав был замечательный ученый. Люди с темным цветом кожи героически отстаивают свою свободу и независимость, право на культуру и цивилизацию для своих народов!..

Может, именно в ту ночь перед отплытием «Изумруда» Маклаю пришла в голову мысль устроить здесь, на Берегу Маклая, как стала впоследствии называться эта полоса земли, русскую колонию особого типа, основанную на равенстве и справедливости...

Размышления его были прерваны появлением толпы папуасов с горящими факелами. Они пришли к нему не прощаться — нет! — они пришли к нему, чтобы просить его остаться с ними навсегда! Они построят ему хижины, не одну — несколько, в каждой деревне, они дадут ему жену и все, что он пожелает, пусть только он не покидает их!

Маклай покачал головой. Нет, сказал он, сейчас это невозможно, но он вернется к ним. Непременно!

И он действительно вернулся. И не один раз. И его встречали как родного со слезами радости. И на всю жизнь сохранили память о необыкновенном т а м о р у с — русском человеке.

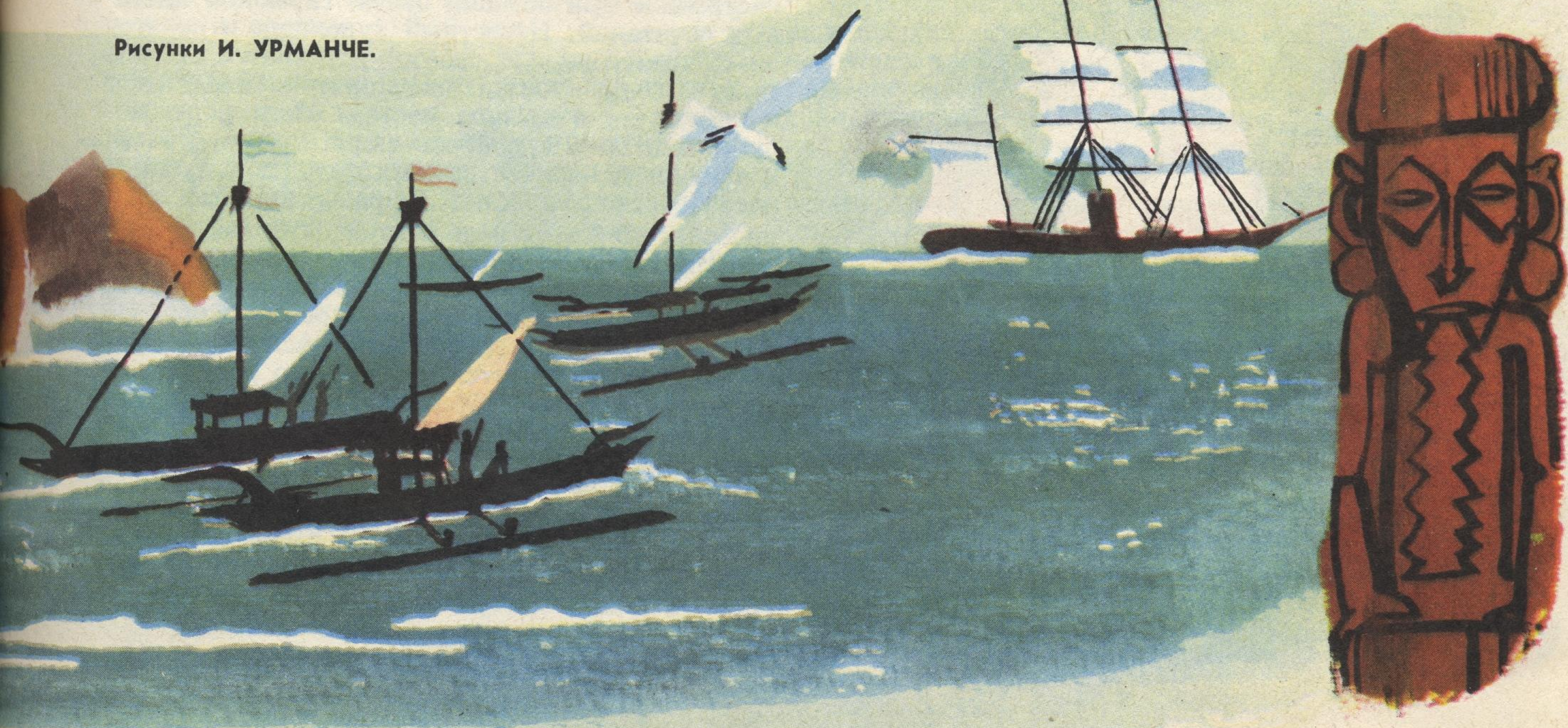
Утром началась суета. Шлюпки ходили взад-вперед, переправляя последние вещи Маклая на корабль. По приказанию командира клипера на одном из громадных деревьев около хижины Маклая была прибита медная доска с надписью латинскими буквами:

«Витязь». Сент. 1871 г.
МИКЛУХО-МАКЛАЙ
«Изумруд». Дек. 1872 г.

В день отплытия папуасские пироги кружили возле клипера. Папуасы что-то кричали Маклаю, но в шуме невозможно было разобрать слов.

Корабль медленно шел вдоль Берега Маклая.

Везде ученый видел толпы людей, доносились торжественные мерные удары барума. Это папуасы отдавали прощальный салют своему белому другу!



Рисунки И. УРМАНЧЕ.



Волшебная профессия модельера

По просьбе Калинки рассказывает И. А. Доброхотова, художественный руководитель Дома моделей г. Алма-Аты

Краткую историю европейского костюма нарисовала Н. Доброхотова



Конкурс — это всегда интересно. Часто в нем бывает много неожиданного. Самым неожиданным в конкурсе на лучшее платье для Калинки было число участников конкурса — 3 171! И многие из них написали, что не просто любят рисовать платья, но хотят избрать профессию художника-модельера.

Профессия эта очень интересная и очень-очень-очень сложная. Чтобы изобретать новую прекрасную одежду, надо иметь поистине сказочную фантазию. Чтобы участвовать в массовом промышленном производстве одежды, надо иметь точные знания инженера и экономиста. И надо иметь особую «портновскую жилку». Модельеры произошли из портных. С точки зрения современного искусствоведения создатели костюмов прошлого были художники в высшем смысле этого слова. Но при жизни и много лет спустя никому и в голову не приходило давать им это почетное звание — они назывались просто портными. И в значительной степени художники-модельеры остались портными.

Талант модельера сродни таланту живописца. И тот и другой выражают свои идеи, передают настроение при помощи цвета, гармонии цветовых сочетаний. Известный художник и педагог Чистяков говорил своим ученикам: «Живопись — вещь простая: надо брать нужный цвет и класть его в нужное место». Модельеры могут сказать: «Надо брать ткань нужного цвета и в нужном количестве помещать ее в нужные части костюма». Обе эти фразы, конечно, иронические. В том-то ведь и трудность: какой цвет нужен, и сколько, и где?

Взять хотя бы простое сочетание — черное и красное. Сочетание очень выразительное. Но в зависимости от того, сколько красного и сколько черного, получается совершенно разное впечатление. Черный костюм и алый шарф создают одно настроение, красный костюм и широкая черная шляпа — другое, красный жакет и черные брюки — третье.

Но модельер не только умеет правильно применять привычные красивые сочетания. Он умеет по-новому видеть цвет и предлагать такие сочетания, которые вчера казались непри-









емлемыми, а завтра увлекут всех. Больше четырехсот лет в европейском костюме не допускалось сочетание синего с зеленым. В конце 50-х годов это сочетание стало самым модным. В прошлом веке сочетание в туалете розового и зеленого считалось безвкусицей, в 60-х годах века нынешнего стало признаком смелости и современности в костюме.

Эти открытия в цвете подобны открытиям живописцев того, что туман — розовый, булыжники — фиолетовые, тени на снегу — синие.

Талант художника-модельера подобен таланту скульптора: ведь он создает объемные формы одежды. Как в скульптуре важно равновесие ее частей, так же оно важно и в костюме. Надо найти правильное соотношение маленького лифа и пышной юбки, облегающего платья и узкого рукава, прямого пальто и широкополой шляпы. Одежда то повторяет естественные очертания фигуры, то меняет их до неузнаваемости. В моду входят то платья с покатыми плечами, линия от шеи плавно переходит в рукав, и невозможно определить, где кончается плечо, где начинается рука (1955 год), то, наоборот, плечи очень высокие, каких ни у кого не бывает, широкие и прямые (1947 год).

Талант модельера сродни таланту графика, который добивается красоты рисунка ритмом и пластикой линий и пятен, их взаимодействием. Модельер, создав форму и выбрав цвет, наполняет свою модель деталями. Форма воротника должна соответствовать форме кармана и линии обреза борта жакета. Вы представить себе не можете, сколько времени иной раз тратит даже опытный модельер, чтобы найти расположение пуговиц на застежке. Так как же все-таки модельер создает модель: лепит, чертит, рисует или шьет?

Современный модельер, придумав новый костюм, прежде всего рисует его. История моделирования знает много замечательных художников, работавших исключительно с тканями ножницами, булавками и никогда не бравших в руки карандаша. Но большинство крупных современных модельеров — прекрасные рисовальщики и живописцы. Живопись, рисунок и композиция — главные предметы в учебных заведениях, где готовят художников-модельеров. По этим предметам вы будете сдавать экзамены, если захотите поступить в эти учебные заведения (на факультет прикладного искусства Московского текстильного института, в Таллинскую школу прикладного искусства). Хотите стать модельером — начинайте рисовать, и рисуйте всерьез!

Но и этого еще недостаточно. К таланту художника надо приложить еще очень много знаний. Обязательно хорошо знать и понимать историю костюма. Это необходимо так же, как для решившего написать стихотворение на английском языке необходимо сначала выучить этот язык в совершенстве, научиться не только немного говорить на нем, но и думать на этом языке. Обращайте внимание на костюм везде и всегда. Рассматривая репродукции со старинных картин, обязательно запомните, какой это век и какая страна. Посмотрев исторический фильм, постарайтесь дома по памяти зарисовать костюмы героев. Собирайте открытки с интересными костюмами, картинки из журналов и храните их по векам и странам.

Здесь, на рисунках, вы видите, как развивался европейский костюм от раннего средневековья до наших дней. История костюма в первую очередь изучает одежду, которую носила европейская аристократия, то есть очень незначительная часть человечества. Это не удивительно. В отличие от народной одежды, которая веками оставалась неизменной, аристократический костюм быстро изменялся. На него влияли самые различные факторы — от глубоких экономических переворотов до прихоти известных красавиц. Мода передавалась из одной страны в другую, пока не становилась общеевропейской. И первые художники-модельеры появились среди королевских портных.

Это не значит, конечно, что народный костюм не представляет интереса — он очень красив и оригинален. Про народную одежду мы вам расскажем в другой раз.

Исторической литературы читайте как можно больше, историю знайте на «отлично» и даже гораздо лучше. Ведь вам предстоит изучать ис-





торию культуры, историю художественных стилей, историю искусств... Не пугайтесь! Еще ни один человек, всерьез занимавшийся историей, не жаловался на потраченное время. И еще: учитесь шить, учитесь любить и чувствовать ткань, прелесть и сложность портновской работы, выкроек, наколок, примерок. Когда Дом моделей демонстрирует очередную коллекцию и о каком-нибудь костюме скажут, что он сделан «по-портновски», — это серьезный комплимент.

И всего этого мало! Современный художник-модельер — наследник художников-портных прошлого. Но как отличается его работа! Совсем не одно и то же — сшить платье для определенного человека, выбрать ткань, отделку, договорившись о фасоне и сделав две-три примерки, или придумать такую модель, которая понравилась бы десяткам тысяч разных людей. У этих десятков тысяч разные вкусы, а модельер никогда их не видел и не может спросить у каждого, что ему нравится. У этих десятков тысяч разные фигуры, и то, что одного украсит, другого может изуродовать. И эти десятки тысяч ни за что не согласятся носить одинаковую одежду. Представьте себе: вы вышли на улицу, и на всех женщинах одно и то же платье!

А промышленность хочет выпускать одинаковые платья, как одинаковые станки, автомобили и булки. На то она и промышленность. Знаете, как работает бригада швей? Каждая работница делает только одну операцию — сшивает боковые швы, или пришивает карман, или подшивает низ, или гладит. При этом применяются разные механические и автоматические устройства, которые чрезвычайно ускоряют работу. Швея, привыкшая делать всегда одну и ту же операцию, делает ее с огромной скоростью. Если в бригаде работает 36 человек, то на изготовление одного платья бригада затрачивает ровно одну минуту — и, разумеется, все платья получаются совершенно одинаковыми. Только так может швейная промышленность решать свою задачу: одевать миллионы людей, у которых нет ни времени, ни умения, чтобы шить одежду самим.

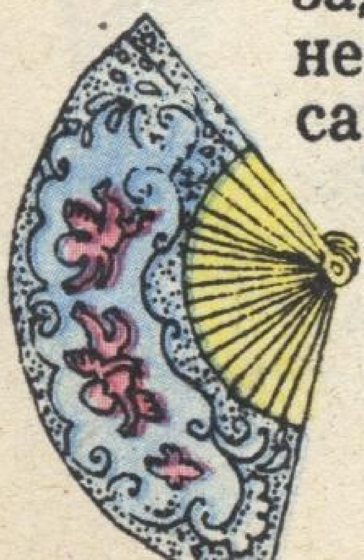
Так что же получается? Все-таки все носят одинаковую одежду? Выйдите на улицу, пройдитесь по городу — много ли вы встретите одинаково одетых людей? Пожалуй, и вовсе не встретите. Модельеры решили проблему, как шить одинаковые вещи, чтобы все были одеты по-разному.

Хороший портной, работая с какой-либо тканью, ищет фасон, линии кроя, детали, идеально соответствующие именно этой ткани. Чем больше это соответствие, тем выше его мастерство. Для другой ткани фасон и крой будут другие.

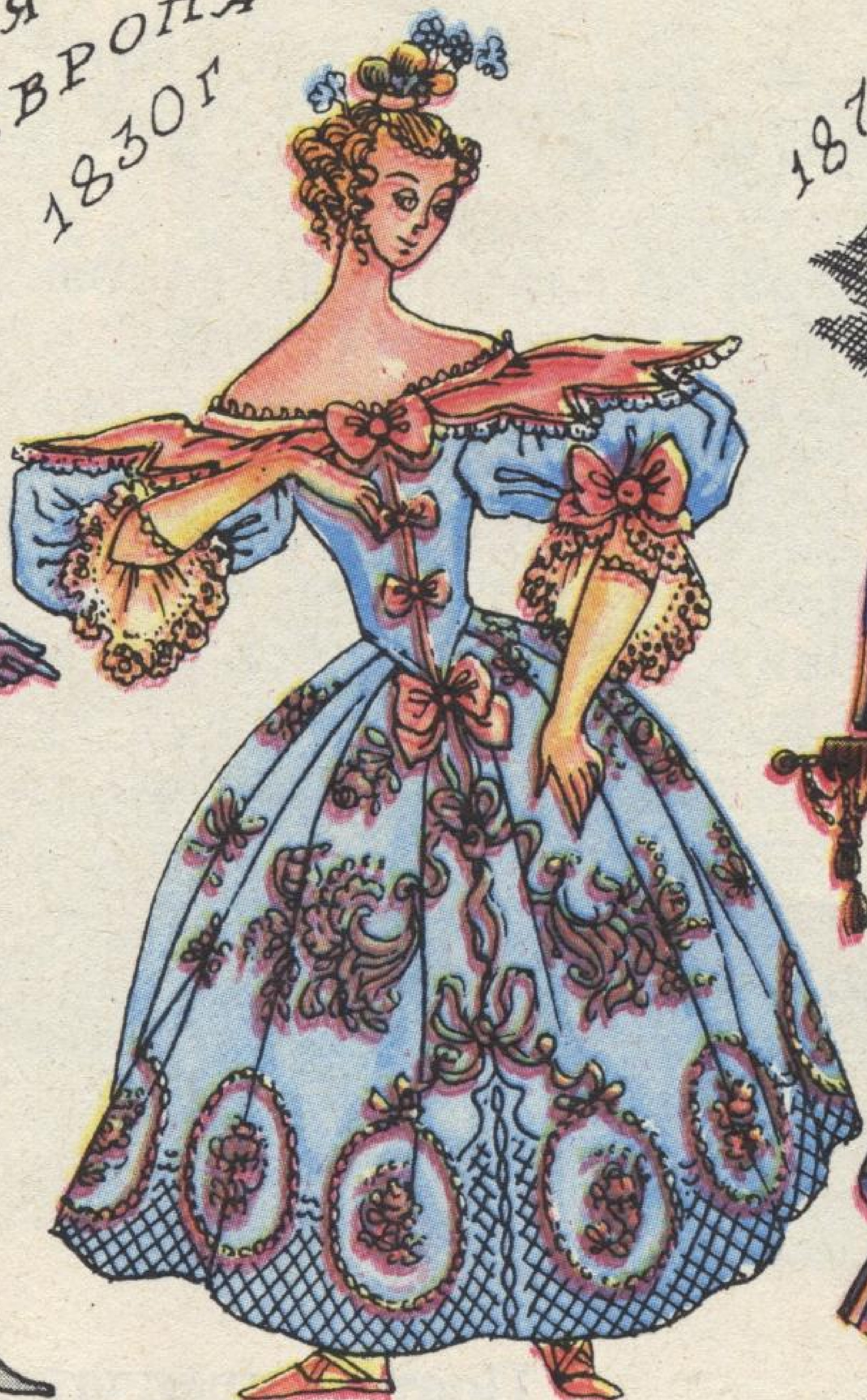
Художник-модельер должен ухитриться так придумать модель, так найти эти линии кроя и детали фасона, чтобы они подходили к тканям разным, непохожим одна на другую, и выполненные из этих разных тканей платья становились бы неузнаваемыми.

Задачи эти очень трудны, и ошибаться модельер не имеет права. Брак в работе модельера — это платья, которые годами будут висеть в магазинах, и их никто не купит. Это истраченные впустую тысячи метров тканей, бессмысленный труд сотен людей. Промышленность требует, чтобы модельеры придумывали одежду, простую по форме, с четкими деталями, без сложной отделки. Однако никто из модельеров не скорбит о том, что прошли времена фижм, кринолинов, рюшей и бесчисленных бантиков. Простота, легкость, удобство, точное соответствие своему назначению — эстетический идеал нашего времени. Как это ни покажется странным, мы сейчас одеты гораздо разнообразнее, чем модницы прошлого века, которые заказывали свои туалеты прославленным парижским портным. Господствовала единственная, обязательная для всех форма платья, отличие было только в рисунке ткани и в отделке.

А теперь развернем, например, «Силуэт». Блузы с юбками, блузы с сарафанами, брючные костюмы, платья, куртки, халаты; пояса кожаные с металлическими пряжками, пояса-шарфы, пояса-шнуры, пояса-банты; шляпы меховые, шапочки вязаные, береты, кепки, косынки и т. д. Это потому, что образ жизни с тех пор совершенно изменился. В прошлом мода создавалась для тех, чья жизнь была сплошным празд-












ником, сплошным развлечением. Красивой считалась только нарядная, праздничная одежда, только ее и придумывали художники-портные. А дома ходили в «затрапезе», донашивали старые, вышедшие из моды нарядные платья, из них же перешивали детскую одежду. А теперь? Учение, работа, туристские поездки, лыжные походы, отдых у моря, домашнее хозяйство, театр, вечера танцев, прогулки и еще многое другое заполняют жизнь современного человека, и в каждую минуту своей жизни мы хотим быть красивыми на радость себе и окружающим. Уважение к труду заставило модельеров искать такие формы трудового костюма, которые были бы и максимально удобны и очень красивы.

Всеобщее увлечение спортом привело к тому, что спортивные костюмы, особенно лыжные и купальные, своей броской, фантастической нарядностью затмили вечерние туалеты.

Художников-модельеров много. Среди них есть великие, есть талантливые, есть просто хорошие. Каждый модельер вносит свой вклад в искусство современной одежды. Одни придумывают новые сочетания цветов, другие — новые линии кроя, третьи — новые виды одежды (брючные костюмы, например). Одежда постепенно изменяется. Что-то надоедает, перестает нравиться, увлекает новое. Все изменения происходят, однако, в рамках определенного стиля, одной сложившейся моды. Работы разных художников как бы дополняют друг друга.

И вдруг появляется художник, который своими моделями, новыми, неожиданными, необычными, перечеркивает работу всех остальных, увлекает, завоевывает весь мир, совершает переворот в моде.

Это под силу только блестящему художнику, мастерски владеющему цветом и формой, художнику с яркой и своеобразной фантазией, человеку, до тонкости знающему требования и возможности современной промышленности. Но главное — совершить переворот в моде под силу только тому, кто сумеет угадать, уловить желания миллионов людей, им самим еще неясные, и сумеет воплотить их в формы одежды, которой прежде не было.









Что Роберт Луис Стивенсон — автор «Острова сокровищ», знают, конечно, все ребята. Но, может быть, не каждому известно, что, кроме этой замечательной книги, Стивенсон написал несколько романов и повестей, множество рассказов и что он был чудесным поэтом. Мы печатаем несколько стихотворений Роберта Л. Стивенсона в новых переводах.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.



Роберт Луис СТИВЕНСОН

Качели

То вверх, то вниз, то вниз, то вверх
Летать без передышки —
Вот радость, бо́льшая из всех
Для каждого мальчишки.
Я в воздухе, я над стеной,
Я всех деревьев выше...
Внизу речушки блеск стальной,
Коровы, кони, крыши.
Внизу мелькнул зеленый сад
И улицы-ущелья.
И вот уже лечу назад,
Вверх-вниз летят качели.

Пение

Поет о крапчатом яйце
В своем гнезде пичуга,
Моряк с улыбкой на лице
Поет про храбрость друга.

Поет повсюду детвора —
Японец и испанка.
А под дождем поет с утра
С шарманщиком
шарманка.

В Стране Книг

По вечерам, лишь вспыхнет свет,
У камелька, в халат одет,
Сидит отец, а рядом — мать,
И не хотят со мной играть.

Один с игрушечным ружьем
Крадусь вдоль стен, в краю чужом,
По тропкам средь густых лиан
И залезаю за диван.

Не виден ни одной душе,
Я, как охотник в шалаше,
К еловым веточкам приник:
Играю я в героев книг.

Вот здесь леса, а там холмы,
Где прячусь под покровом тьмы,
А вот река, куда тропой
Приходят львы на водопой.

Мне недруги мои видны,
Огнем костров освещены.
А я, индейцев верный друг,
Разведчик, ползаю вокруг.

Когда ж приходит время спать,
По морю я плыву в кровать.
Прощаюсь, загрустив на миг,
С прекрасною Страною Книг.



Ветреная ночь

Лишь звезды вспыхнут
В вышине
И ветер налетит,
Промчится всадник на коне,
Ночною тьмой укрыт.
Земля погружена во тьму.
Куда он скачет, почему?

Швыряет море корабли,
Деревьев стон слышней.
А всадник, не задев земли,
Проносится над ней.
Под ним дома, долина, сад,—
Промчится и спешит назад.

Как мы строили корабль

Я весел был, и Том был весел,
Мы строили корабль из кресел,
Подушки взяли от дивана:
Нас ждали штормы океана.

Готовясь к океану в гости,
Мы принесли пилу и гвозди.
Том говорит: «Длинна дорога,
Возьмем хоть пирога немного».

«Возьмем,— я Тому отвечаю,—
Хоть будет что поесть до чаю».

Мы плыли долго в клочьях пены,
Но Том упал, ушиб колено.
Так с бедным Томом я расстался,
Один на корабле остался.

Куда плывут кораблики?

Среди дубов зеленых
Не годы, а века
На золотистых волнах
Несет листву река.

В огромнейшие дали
Несет кораблик мой.
Вот скрылся, и едва ли
Он приплывет домой.

Бежит река, в долину
Спускается она
И бьется о плотину,
Где мельница видна.

Кораблик не покинут.
Я знаю: в час беды
Другие дети вынут
Кораблик из воды.

Луна

Лицо у луны, как часы на стене,
Воры ночные видны при луне.
Луна освещает и гавань, и сад,
И птичек, что ночью на дереве спят.

Бегущую кошку, пищащую мышь,
Собаку, что воем нарушила тишь,
Летучую мышь — ночью ей не до сна,
На многое-многое светит луна.

Кому же дневные задачи решать —
Те спят, чтобы ночью луне не мешать.
Цветы и ребята закрыли глаза,
Покуда под солнцем не вспыхнет роса.

Дождь

Дождь каплет на поля и лес,
Вблизи он и вдали.
На зонтики он льется здесь,
В морях — на корабли.

Осенние костры

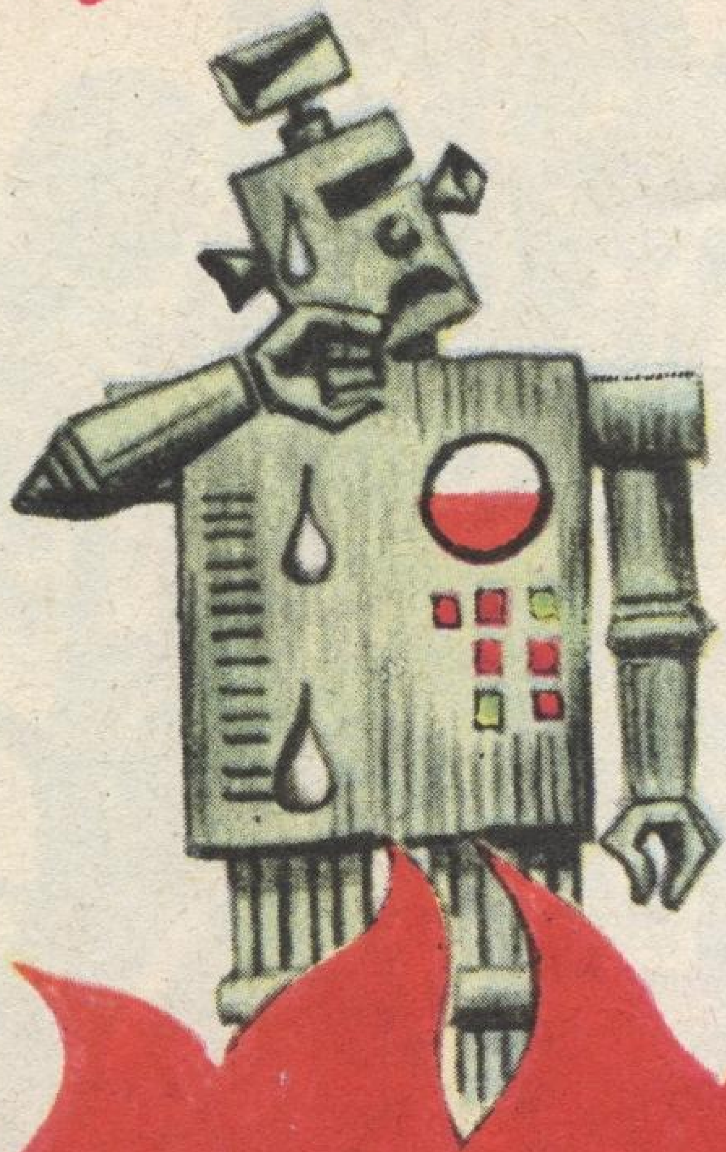
По садам и долам
Вьются меж кустов
От костров осенних
Хвостики дымков.

На цветы и травы
Желтый лег покров.
В серых башнях дыма
Огонек багров.

Но достойна песни
Всякая пора:
Пусть цветы для лета,
Осень — для костра.

Перевели с английского Н. КАЧАЕВА и С. СОРИН.

Научный телеграф



Как-то шел по Солнцу робот...

Удивительная машина — живой человеческий организм! К каким только перегрузкам он не приспособился на земле, да и в космосе тоже. И все-таки возможности его ограничены. Там, где человеку не по силам жить и работать, его выручают машины, такие, скажем, как луноход или автоматические станции «Венера». По прочности, стойкости к холоду и жаре они, конечно, превосходят все живое. Но, увы, нет у них очень важного свойства: умения приспосабливаться к трудным, меняющимся условиям. Ни один самый совершенный автомат не обладает такой гибкостью, таким умением улавливать колебания температуры окружающего воздуха, как, например, человеческая кожа, с виду такая беззащитная... Вот почему конструкторы новых машин часто задумываются над тем, как бы придать металлам и сплавам свойства живых тканей.

Казалось бы, идея несбыточная. И нам, честно говоря, она представлялась уместной разве что на страницах фантастических романов. Так мы думали до тех пор, пока не побывали в известном всему миру Киевском институте электросварки имени Е. О. Патона.

Нам показали небольшую камеру с толстыми стенками. Внутри нее стояли стаканчики-тигли, наполненные разными металлами. Камеру закрыли, насосами откачали из нее воздух и включили особые устройства — электронные пушки. Пушки «выстрелили», и невидимые потоки электронов мгновенно превратили в пар поверхность металла в стаканчиках. Струя пара рванулась вверх, где находилась заранее приготовленная пластинка. Здесь металлический пар охладился, вновь стал привычным твердым металлом и сросся с пластинкой.

...Конечно, всего этого мы не видели. Мы верили на слово ученым — хозяевам установки. Строго по программе они включали и выключали электронные пушки, меняли мощность лучей. Из тончайших слоев разных металлов рождалась невиданно сложная деталь. Слои металлов как бы дополняли друг друга: один из них гибок, другой придает детали прочность, третий стоек к едким кислотам, а четвертый способен выдержать очень высокую температуру.

Итак, ученые из Института электросварки научились делать на редкость прочные и одновременно жаростойкие материалы. Но при чем же здесь свойства живых тканей?

А вот при чем. Предположим, инженеры сделали пластину из тугоплавкого молибдена и с помощью электронных пушек «вогнали» в нее частички меди. Когда жар становится нестерпимым, медь плавится и покрывает деталь жидкой пленкой. Подобно поту, эта пленка начинает испаряться. Человек ведь не перегревается в жару именно потому, что он умеет потеть. То же самое, оказывается, может проделывать и металл!

А еще представьте, что на пластинке появилась трещина. Медь немедленно зальется в излом, заполнит его и таким образом как бы «залечит» рану.

Признаться, таких металлов, которые потеют в жару и залечивают свои раны, мы не видели. Они существуют лишь в сложных расчетах ученых-теоретиков. Но о них говорят как о вполне реальном деле. Потому что установка, которую мы описали, наверняка позволит изготовить «живые» металлы.

И тогда наконец появятся машины, которые смогут отправляться в огненное жерло вулкана, приспособиться к климату горячих планет и, кто знает, может быть, даже Солнца и звезд. Представляете: как-то шел по Солнцу робот, утирая пот со лба металлической рукой...

Полюбуйтесь: атом

Давно уже ни у кого не вызывает сомнений существование атомов, из которых построен весь мир. Хотя, как говорится, в глаза их никто не видел.

А посмотреть очень хочется!

И вот недавно с помощью очень чувствительного электронного микроскопа, который может различить частички размером в пять миллионных долей миллиметра, удалось сфотографировать отдельные атомы двух элементов — урана и тория. Светлые пятнышки на снимке — это они и есть.

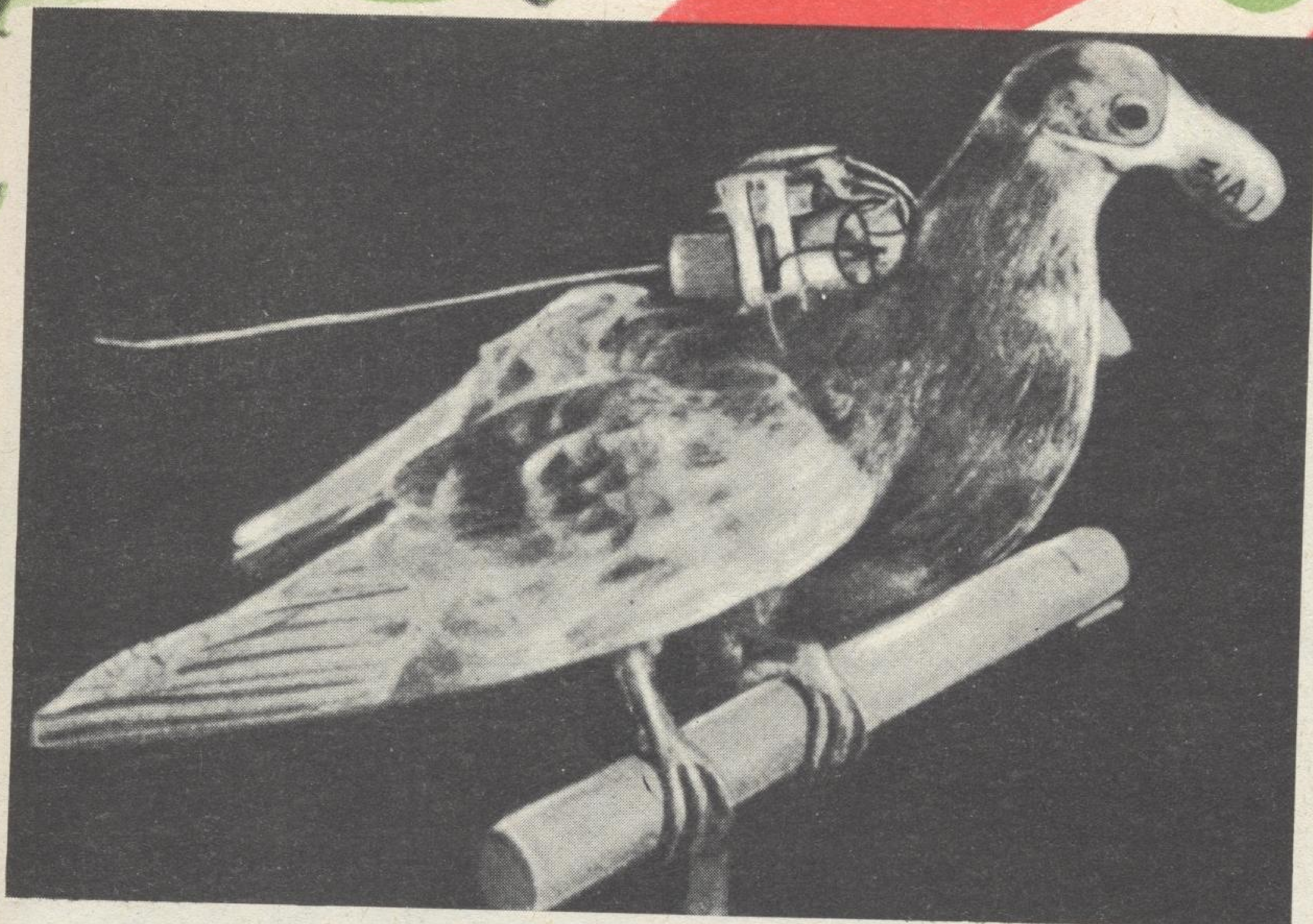
Новый электронный микроскоп поможет ученым узнать многое. Например, как устроены молекулы, из которых состоят организмы животных и растений.

Шаг в подземный космос

Люди и созданные ими машины обживают космос. Раскрываются загадки Луны, много нового уже известно людям о Венере — далекой, скрытой непроницаемой для телескопов оболочкой. А вот о том, как устроена наша планета, пока только гадают. Впрочем, это и не удивительно: проникнуть в земную кору даже на пять-шесть километров очень трудно. Приходится с колоссальным трудом бурить глубокие скважины. А глубже девяти километров ни один бур пока не погружался.

Недавно советские конструкторы закончили проектирование буровой установки под названием «Уралмаш-15000». «Уралмаш» — это знаменитый завод в Свердловске. А 15 000 — глубина в метрах, на которую проникнет бур этой установки. «Уралмаш-15000» поможет раскрыть много тайн подземного космоса. Станет ясен состав глубинных пород, можно будет точнее измерить скорость сейсмических волн при землетрясениях и лучше понять, как образуются полезные ископаемые.

«Уралмаш-15000» — сложнейшее сооружение высотой под семьдесят метров. Но уже в ближайшее время будут построены две такие установки.



Голубь с рацией на спине

Сила и выносливость птиц, их таинственные навигационные способности, высокие скорости полета — все это уже долгие годы вызывает интерес ученых. Но, к сожалению, изучать птиц очень нелегко. В клетке птица, по сути дела, перестает быть птицей. А в полете как ее изучать?

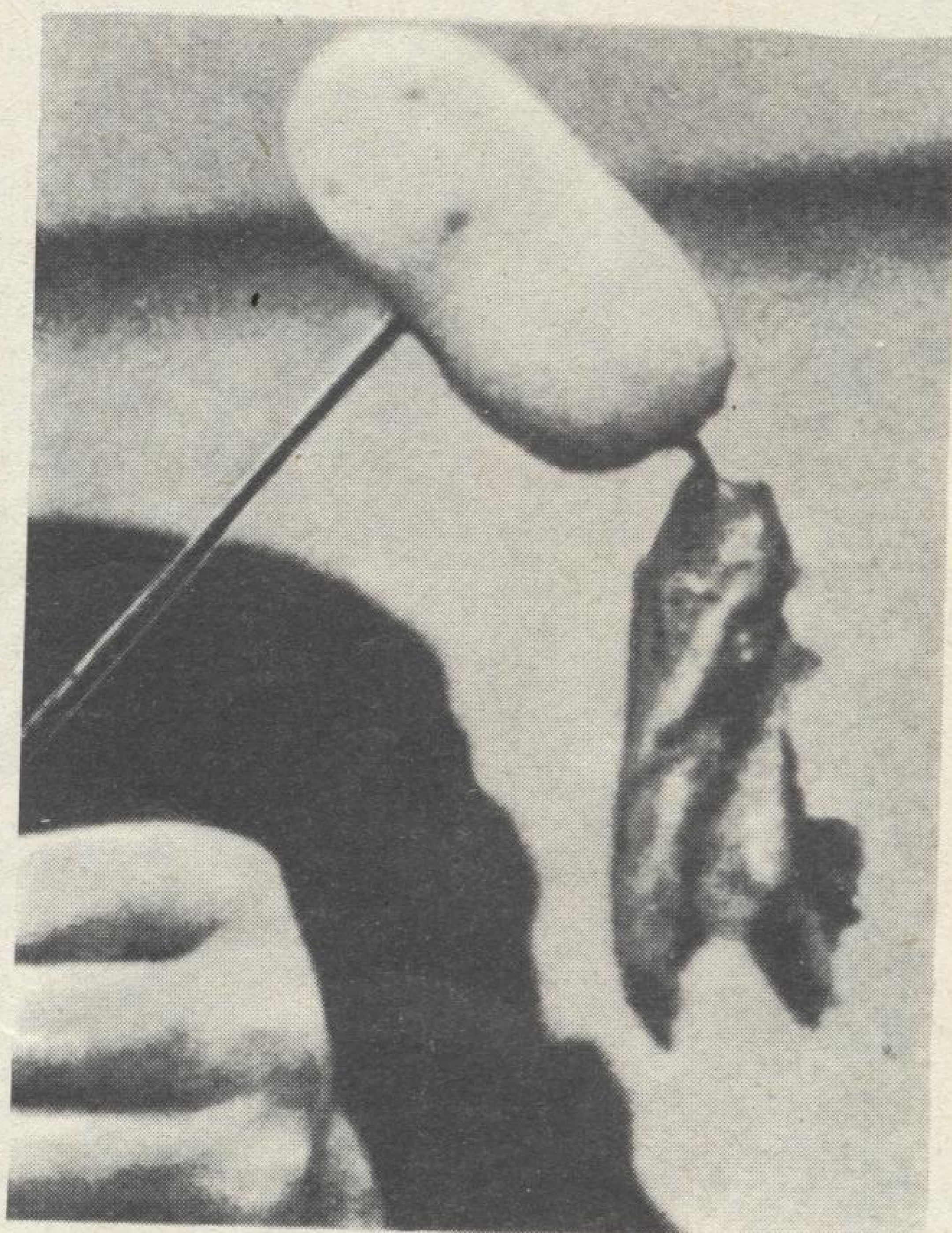
И вот орнитологи — специалисты по пернатым обитателям нашей планеты — поставили необычный опыт. На спинах подопытных голубей, диких уток и других птиц они укрепили крошечные радиопередатчики, каждый меньше 30 граммов весом. И птиц выпустили на волю.

Радиосигналы принесли важные вести. Оказывается, голуби и вороны в полете умеют дышать очень размеренно: на каждый взмах крыльев — вдох. Другие птицы машут крыльями гораздо чаще, чем дышат. Температура у летящей птицы поднимается до 45 градусов, а сердце бьется очень часто: пульс достигает 1 200 ударов в минуту! Вот откуда берутся у пернатых силы для далеких межконтинентальных перелетов.

Чистая работа

Почистить картошку и не запачкать рук — дело трудновыполнимое. Правда, есть машины, которые сдирают шелуху наждачными кругами и уносят ее водой. Но они далеки от совершенства. А вот новой паровой машине для очистки овощей ни ножа, ни наждака не нужно.

Машина действительно паровая. Сильно нагретый пар попадает в бак с овощами, распаривает и размягчает их кожицу. Потом давление пара резко снижают — шелуха как бы «взрывается» и сама сползает с клубней. Чистая работа!



Злоключения бактерии

Экипаж космического корабля «Аполлон-12» доставил с Луны на Землю кинокамеру, заброшенную туда автоматом и три года пролежавшую на пустынной поверхности нашего спутника. Когда ученые начали исследование аппаратуры, прибывшей с Луны, то совершенно неожиданно для себя в маленьком кусочке пластмассы, взятом из кинокамеры, они нашли обычную земную бактерию — стрептококк.

Несколько дней этот кусочек пластмассы подержали в питательной среде, и, представьте себе, бактерия ожила, стала размножаться!

Ученые уверены, что стрептококков на Луне нет — бактерия попала в аппарат на Земле, еще до полета. Но вот загадка: как она смогла уцелеть после жестокого, многократного замораживания, кипячения и, наконец, после трех лет, проведенных на Луне?



Смерч высотой в метр

Одно из самых грозных явлений природы — смерч — научились вызывать искусственно, в лаборатории. Нужно это для того, чтобы изучить природу гигантских воздушных «воронок», предотвращать их образование, а со временем, может быть, и приспособить их на что-нибудь полезное.

Получают смерч так. К двум металлическим деталям особой формы подводят высокое напряжение — до 5 тысяч вольт. Возникает электрический разряд, и вокруг него воздух начинает завихряться. Таким способом удалось уже получить небольшой «комнатный» смерч высотой с метр и шириной около 30 сантиметров.

М. ГУРЕВИЧ,
О. ЛИБКИН



Александр снял шлем, вытер пот со лба. Так недавно стоял перед ним грозной стеной враг...



Л. ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

Аристотель



Ему еще только тринадцать лет, а он уже отлично стреляет из лука, бросает копье, скачет на лошади, как самый опытный конник. А бегает он так, что никто из товарищей не может его догнать...

Чем старше становился Александр, тем серьезней задумывался Филипп, кого пригласить к нему учителем. Александра учат музыке, декламации. Он много читает.

Кого пригласить? Характер у сына таков, что не каждый с ним справится. Глядя на его горделивую осанку, слыша строптивые его речи, Филипп не раз бормотал себе в усы слова Софокла:

«...Кормило нужно тут и твердая узда...»

Как-то Филиппу случилось встретиться с атарнейским царем Гермием, с которым у него были дипломатические отношения. Между деловыми разговорами Филипп спросил, не знает ли Гермий достойного учителя, которого можно пригласить к Александру.

— Знаю, — живо ответил Гермий, — таким достойным учителем может быть мой друг и родственник Аристотель.

Аристотель! Теперь и Филипп вспомнил о нем. Отец Аристотеля когда-то жил в Македонии при дворе отца Филиппа.

— Аристотель? Так ведь мы росли вместе с ним! Да, этот человек будет хорошим учителем и воспитателем. Я уже наслышан о нем, о его мудрости, о его учености!

Аристотель в это время жил в городе Митилене на Лесбосе. Сюда и прибыли к нему посланцы Филиппа с приглашением в Пеллу.

Аристотель тогда был очень занят, он наблюдал жизнь морских животных и писал о них книгу. Остров, омываемый прозрачно-синей водой Эгейского моря, очень подходил ему для его занятий.

Но Филиппу он отказать не мог. Потянуло в знакомые места. Как-то выглядит сейчас Филипп? Он был рослый, красивый и очень любил военную науку. И недаром Филипп стал настоящим завоевателем. Как смеялся он, бывало, над Аристотелем, вечно размышлявшим о непонятных вещах: об устройстве вселенной, о том, куда уходит солнце и откуда появляется? На чем держатся звезды?

С тех пор прошло немало лет. Аристотель многое понял, до многого додумался. Многое изучил.

А Филипп завоевал много городов, покорил много народов. Ну что ж, каждый делает свое дело.

Аристотель, не раздумывая, собрался в путь.

Александр с затаенным волнением ждал нового учителя. Когда во дворе по каменным плитам застучали копыта лошадей, Александр вышел из мегарона и встал под портиком. Ему хотелось увидеть Аристотеля прежде, чем тот увидит его.

Люди, сопровождавшие Аристотеля, помогли ученому сойти с коня — видно было, что этот нарядно одетый, небольшого роста человек не очень-то ловок в обращении с лошадьми.

Ему было лет сорок. Горбоносое лицо с очень маленьким ртом. Волосы зачесаны на лоб, чтобы скрыть залысины, белокурая борода аккуратно подстрижена...

Аристотель отряхнул свой алый, с черной каймой плащ, поправил золотую цепь на груди, оглянулся и тут же увидел Александра. Александр покраснел и выступил вперед. Они секунду смотрели друг на друга. Александру показалось, что небольшие темно-голубые глаза Аристотеля глядят в самую глубину его мыслей...

И не успели ученик и учитель и слова друг другу сказать, как во двор вышел Филипп. Он встретил Аристотеля самой очаровательной из всех своих улыбок, обнял его и поцеловал.

В этот день они долго сидели в мегароне с кубками вина, вспоминали дни своей юности. Аристотель переоделся к обеду. На руках у него сверкали перстни с крупными драгоценными камнями. Аристотель следил за своей внешностью и любил одеваться пышно.

— Как ты вспомнил обо мне? — спросил Аристотель. — Ученых в Греции много. Например, великий философ Платон. Я сам хотел у него учиться, но, когда я приехал в Афины, оказалось, что он отправился в Сицилию.

— А! Платон, — усмехнулся Филипп. — Философ, который утверждает, что человек — это животное двуногое и бесперое. Я слышал, что Диоген принес ему ощипанного петуха и сказал: «Вот человек Платона!»

Оба рассмеялись.

— Решим так, Аристотель, — сказал Филипп, когда их беседа пришла к концу, — обучай моего сына разным наукам, как царя. Но муштруй его, как простолюдина. А управлять государством я научу его сам.

В тот же вечер во дворце был большой пир, затянувшийся до рассвета. Филипп дал себе волю. Он много пил, громко хохотал над грубым шутовством уличных мимов, шумно приветствовал флейтисток и танцовщиц, увеселявших гостей.

Чад и дым очага, звон кифар и свист флейт, песни, крики, хохот... И царь и его гости самозабвенно веселились.

Тринадцатилетний Александр сидел за столом, угрюмо глядя на это необузданное веселье. Аристотель подошел к нему, положил ему руку на плечо. Александр встал, губы его дрожали.

— Тебе нравится это, Александр?

— Нет.

— Зачем же ты сидишь здесь?

— Я хочу понять, почему отец предпочитает их всех — и этих флейтисток — моей матери.

— Уйдем, Александр. На такие вопросы еще ни один человек не мог дать ответа.

Миеза

Аристотель без труда доказал Филиппу, что ему и Александру надо куда-нибудь уехать из Пеллы.

— Шумная жизнь твоего двора будет мешать занятиям.

Филипп охотно согласился. Его и самого смущало присутствие сына на пирах.

Филипп поселил их недалеко от Пеллы, в маленьком городке Миезе. Александру казалось, что он вырвался из душного, тесного гнезда на свежий воздух, на волю. Вместо шума отцовских пиров — серебристый шум реки, широкой и быстрой; вместо городских стен, замыкающих горизонт, — вершины Кабунских гор, одетых лесами. А если обернуться лицом к югу, то перед глазами высоко в небе засияет белая глава Олимпа, покрытая вечным снегом.

В этом мирном уголке стояла огромная тишина. Только ветер шумел в лесах, да пели птицы, да позванивал где-нибудь в ущелье небольшой водопад. Тихо было и в самой Миезе, с ее маленькими домами, слепленными из глины, окруженными каменными стенами. Эти стены делали улицу слепой и пустынной, вся жизнь проходила во дворах — там жили, варили пищу, растили детей.

В долине, на тучных полях колосились пшеница и усатый ячмень, наливались сочные плети гороха... На склонах гор, укрытых густой травой до самой кромки леса, паслись стада — лошади, коровы, овцы, козы... Выше, в лес, стадам подниматься было опасно, там было полно зверья, дикие кабаны бродили в горах, волки, медведи, барсы.

Вместе с Александром в Миезу были отправлены и его товарищи, сверстники, сыновья македонской знати: Филота, сын полководца Пармениона, Неарх — критянин из богатой семьи мореходов, Гарпал, Эригий, Лаомедонт. И всегда рядом с ним, всегда возле него — осторожный, ненавязчивый, но неизменно ласковый и мягкий, его любимый друг кудрявый Гефестион.

Здесь, в Миезе, хозяином и властелином стал Аристотель.

Занимались они в Нимфайоне, святилище нимф, окруженном красивой светлой рощей. Учитель и ученики гуляли по дорожкам. Учитель читал им свои лекции, тут же объяснял непонятное и отвечал на вопросы. Иногда, если учитель утомлялся, они усаживались на каменные скамьи, стоявшие под нарядными кронами старых лип или ясеней, и продолжали занятия. Если шел дождь или слишком палило солнце, уходили в тень портиков.

Александр жадно слушал лекции Аристотеля. Всеобъемлющие познания учителя восхищали его, вызывали большое уважение, из которого рождалась сердечная привязанность. Его привлекал холодноватый, уравновешенный характер Аристотеля, он старался уяснить себе, как это можно сохранить такое постоянное спокойствие? Ни своеволие, ни упрямство, ни бешеный гнев, который, словно пожар, охватывал иногда Александра, не могли вывести из себя его мудрого учителя.

Аристотель преподавал самые разнообразные предметы: историю Греции и Персии, физику, географию, естествознание, астрономию. Аристотель учил и риторике.

Вот они идут по дорожке, устланной резной тенью деревьев и солнечными пятнами. Аристотель говорит, юноши слушают.

— Значит, первое — найти и подобрать необходимый материал,— повторял про себя Александр.— Второе — составить план; третье — постараться, чтобы речь была ясной, отчетливой, музыкальной; четвертое — заучить всю речь наизусть и пятое — разыграть ее с мимикой и жестикуляцией, подобными актерской игре...

Александр старательно учился этому искусству. Он видел, как прекрасно говорит его отец царь Филипп и как многих он убеждает в том, в чем хочет убедить. Великая сила — красноречие, удивительная сила, похожая на колдовство. Этой силой он должен овладеть!

Аристотель открывал перед Александром множество тайн природы, которых без него он никогда не узнал бы, потому что в те времена этого не знал никто.

Как устроена вселенная? Где кончается ойкумена — обитаемая земля? На эти вопросы Александру нужен был немедленный и очень конкретный ответ. Если царь Филипп завоюет все близлежащие страны, что останется завоевывать ему, Александру?

Еще в шестом веке до нашей эры философы, жившие в Ионии, на азиатском берегу, стали задумываться над вопросами: из чего состоят небесные тела — Солнце, Луна, планеты? Старались понять: какую форму имеет Земля?

Они искали объяснения вселенной и считали, что ее можно объяснить помимо существования и всемогущества богов. Еще тогда они вселенную назвали космосом, что значит порядок.

До этого всем было ясно, что Земля — это плоский диск, немного вогнутый и наклоненный к югу из-за пышной растительности жарких стран. Но теперь в этом начали сомневаться...

— Великий ученый был Фалес из Милета,— рассказывал Аристотель своим ученикам, гуляя по тенистой дорожке. Внимательное молчание окружало его. И только поскрипывание по песку сандалий Аристотеля вторило его речи.

— Раньше считали, что Земля прикреплена к небу. Но Фалес сказал, что Земля плавает на воде, подобно куску дерева.

— Это правда? Это так и есть?

Большие глаза Александра требовали точного ответа.

— Нет, это не так. Земля — шар и висит в пространстве свободно, без всякой опоры.

— Значит, Фалес ошибался? Тогда почему же он великий?

— Он принимал на веру то, что утверждали ученые до него. Но он открыл великую тайну, что Океан — это прародитель всех вещей. И его ученик Анаксимандр подтвердил это. Он сказал, что животные возникли во влаге и затем вышли на сушу. И что даже человек ведет свое происхождение от этих рыбоподобных существ. И о том, что Земля свободно висит в пространстве,— это тоже его догадка, и догадка эта гениальна, она открыла дорогу науке, и теперь мы знаем, что это так.

— А почему ты думаешь, учитель, что Земля — шар? Она же плоская.

— Даже большие ученые, Александр, долго считали, что Земля плоская.

— А разве это не так?

— Величайший ученый Анаксагор думал, что Земля — это вогнутый диск. Анаксагора изгнали из Афин за то, что он не считал небесные светила божествами. Он говорил, что Солнце — это громадный раскаленный кусок железа. Он говорил также, что Луна — это другая земля, с горами, с равнинами и даже с обитателями, что она свой свет получает от Солнца. Анаксагора предали остракизму.

Аристотель, опустив голову, задумался. Ученики вокруг негромко переговаривались. Но Александр хотел добиться своего.

— А все-таки, почему же ты, учитель, думаешь, что Земля круглая?

— То, что Земля круглая, первым понял Пифагор.— Аристотель отвечал охотно, его радовала настойчивая любознательность Александра.— Пифагор тоже иониец, эта страна богата мудрецами. Пифагор считал, что совершенные фигуры — это шар и круг. Значит, говорил он, Земля должна представлять собой шар и двигаться по кругу. А еще он говорил, что Земля движется вокруг центрального огня, потому что центр — наиболее достойное положение, а огонь наиболее достоин занимать это место. И поэтому он утверждал, что Земля обходит вокруг этого огня с запада на восток в течение суток, а Солнце обходит его в течение года.

— А где он, этот огонь? Почему мы его не видим?

— Пифагор говорил, что наша сторона земного шара всегда от него отвращена. А я говорю: мы его не видим, потому что его нет.

— А почему ж ты, учитель, все-таки знаешь, что Земля — шар?

Аристотель одобрительно кивнул головой.

— Ты умеешь добиваться своего, Александр. Так вот, я видел затмение Луны. А тень, которую Земля отбрасывает на Луну, была круглая. Пока все. Идите в палестру, друзья.

— Нет, нет! — поспешно остановил его Александр.— Ты, учитель, еще не рассказал, где кончается ойкумена!

— В другой раз.

— Но я хочу знать, велика ли Земля и много ли на ней царств?

Аристотель привел его в портик, где стояли скамьи и стол на трех ножках. На столе лежали бронзовый шар и бронзовая дощечка. Над столом висела на стене белая доска для чертежей. Аристотель взял со стола бронзовую дощечку, на которой была выгравирована карта Земли: суша, реки и Океан, окружающий ойкумену.

— Видишь, Александр? Когда-то такую карту сделал ученый-географ Гекатей. Вот Земля — ойкумена. Вот Эллада. Вот Македония. Море. А это огромное пространство — Персия.

— Персия,— повторил Александр.— Она очень большая. А что за Персией?

— Тут Индия.

— А за Индией?

— За Индией, как видишь, ничего. Океан. А в этой стороне Египет. Но говорят, что в Индии так же, как и в Египте, водятся слоны, очевидно, эти земли где-то соприкасаются друг с другом. Но эта карта Гекатея несовершенна.

Александр долго разглядывал бронзовую дощечку. Потом положил ее на стол со вздохом облегчения.

— Земля не так велика, и царств не так много. Я завоюю их все. И на всей Земле будет только одно царство — мое.

Аристотель с любопытством поглядел на него. Александр стоял перед ним, сильный, крепкий, с решительным лицом, с глазами светлыми, зоркими и непреклонными...

— Может быть, может быть...— задумчиво сказал Аристотель.— Победа над персами с тем войском, которое создал царь Филипп, вполне возможна. Но я полагаю, что это не приведет ни к чему хорошему.

Александр промолчал. На этот счет у него было свое собственное мнение, которого никто не мог поколебать.

«Илиада»

Здесь, в зеленой тишине Нимфайона, Александр повторял за своим учителем гремящие строфы Гомера:

«Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам...»

Аристотель сам выправил «Илиаду» и переписал ее для Александра.

Александр был ошеломлен огромным миром, который раскрылся перед ним. Боги, люди, отважные герои, битвы, переплетение чувств, страстей, счастья и страданий... И снова битвы. И снова битвы.

С дрожью сердца он встретил здесь обожаемого героя Ахиллеса, о котором пела мать над его колыбелью, о котором рассказывала, когда Александр подрос. Но разве могла женщина рассказать о нем так, как поведал великий Гомер!

«Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына...»

Александр слушал стихи, как музыку. И не просто как музыку, рассказ Гомера о том, как готовились герои к битве:

«...— Воины Аргоса, дайте простор вашей удали буйной!
Зевс, наш отец, никогда вероломным защитой не будет.
Тех, кто священные клятвы предательски первым нарушил,—
Будут их нежное тело расклевывать коршуны в поле,
Их же цветущих супруг молодых и детей малолетних
В плен увезем мы в судах, как возьмем крепкостенную Трою».

Александр жадно читал и перечитывал описание боев, заучивал то, что особенно поражало воображение и перекликалось с его тайными огромными замыслами.

Александрополь

Так, в занятиях, в играх, в тренировках на палестре прошло три года. На четвертом году отец вызвал Александра в Пеллу.

Филипп без конца воевал. Неудачи не останавливали его, не охлаждали его энергии.

Собираясь захватить большой город Византий, стоявший на азиатском берегу Мраморного моря, Филипп сказал Александру:

— Ты видишь, как я тружусь для нашей отчизны. Все города южной Фракии уже принадлежат Македонии. Но нам необходимо взять Византий и Перинф. Они стоят в проливах, а проливы — это торговые пути, как ты сам понимаешь. Города эти сильны, мне придется провести там немало времени. А здесь управлять Македонией останешься ты.

Александр выпрямился, приподнял голову.

— Ты останешься здесь не один. Антипатр поможет тебе.

— Я могу и один.

— Не сомневаюсь. Но советы опытных людей тебе не помешают, не пренебрегай ими. У нас много врагов. Покоренные племена могут восстать. Внутри Македонии тоже немало сикофантов — и персидских и афинских.

— Я справлюсь с ними.

— И опять не сомневаюсь. Только не отвергай советов друзей, я их тоже не отвергаю. Особенно советов Антипатра: он не предаст и не обманет.

Александр, приняв государственную печать, сразу почувствовал себя взрослым. В его голосе появился повелительный тон, его распоряжениям никто в доме не смел прекословить.

За три года жизни в Миезе Александру редко приходилось встречаться с матерью. Теперь же он с печалью заметил, что мать постарела, ста-

ла как-то меньше ростом, хотя держалась по-прежнему надменно.

Но вся ее надменность пропала, когда она увидела сына.

— Сын мой, Александр! О сын мой!

Александр готов был стать перед ней на колени, утешить, хотя она не жаловалась, сказать ей, как нежно он к ней привязан, хотя она этого не требовала. Олимпиада все это увидела в его голубых глазах, в его улыбке. Она с восторгом глядела на сына — такой он сильный, такой красивый, так уверенно держится.

Александр заметил, что на лице у нее появились морщинки, и особенно глубокая бороздка легла между бровями. Видно, много пришлось ей хмуриться и мало смеяться. Он взял ее руку и поцеловал. И оба они — мать и сын — поняли, что у них нет никого дороже друг друга.

Прошло не так много времени, и Александру сообщили, что фракийское племя медов отпало от Македонии и больше не хочет признавать ее.

Александр, помня наказ отца, обратился к Антипатру.

— Я хочу немедленно пойти и наказать медов, — сказал он, — собери войско.

Антипатр согласился: это будет правильно. И Александр в свои шестнадцать лет впервые надел боевые доспехи.

Олимпиада не спала всю ночь. В ее видениях бродил по комнатам маленький светлокудрый мальчик. А теперь Александр уже надевает свой гривастый шлем. И не на праздник идет — на битву. Она позвала бы Антипатра, попросила бы оградить сына от опасности.

Но ведь сын оскорбится!

Так она маялась до утра. Вставала, ходила по комнате, ложилась снова. Тяжесть недобрых предчувствий угнетала сердце. Что будет? Что будет, если... Нет, даже мысли такой нельзя вынести!

Но когда наступил час прощания, Олимпиада стояла перед сыном очень спокойная.

— Жду тебя с победой.

— Приду с победой.

Она заглянула сыну в глаза и спросила, понизив голос:

— А не боишься ли ты, Александр? Не страшно ли тебе?

Александр искренне удивился:

— Не страшно ли? А что такое страх?

Александру подчинялись все военачальники его войска. Антипатр посоветовал им, щадя самолюбие юного полководца, тихонько поправлять его ошибки, если он будет ошибаться, но делать это осторожно. Все знали его упрямство, знали его вспыльчивый нрав. Они шли в поход вслед за Александром, который сидел на своем большом, сильном коне, на своем Букефале, и украдкой посмеивались:

— Умудренный в боях воин ведет нас!

Однако вслух подшучивать опасались.

Войско вступило во Фракию. Вечер застал их в широкой долине, отлого спускающейся с гор. Густые лиловые сумерки медленно сползали вниз, словно заслоняя дорогу, потемнели



И Александр в свои шестнадцать лет впервые надел боевые доспехи.

и окрестные горы. Только вершина могучей горы Гем светилась в побледневшем небе.

Антипатр посоветовал Александру созвать военачальников, побеседовать с ними перед боем, выслушать, что они скажут.

— Так всегда делает твой отец, Александр!

Александр велел созвать военачальников.

— Сегодня войско отдохнет с дороги, — сказал он. — Дайте поужинать солдатам. Накормите коней. А на рассвете мы возьмем город медов.

Военачальники повиновались. Каждый, идя к своему отряду, думал, что совещания как будто и не получилось... Да его как будто и не понадобилось... Повиновался и Антипатр. Он и сам не дал бы более разумного и более ясного приказа.

Антипатр проснулся в тот час, когда начали меркнуть звезды и на самых высоких вершинах гор забрезжил отсвет наступающего дня.

— Пора! — сказал он.

И, надев боевое снаряжение, вышел из шатра, намереваясь разбудить Александра. В этот момент грянули трубы — сигнал к подъему. Александр проснулся раньше.

Юный полководец был неудержим. Ему казалось, что войско движется слишком медленно. Он досадовал, что из-за этой медлительности им не удастся захватить медов врасплох, занять их город с ходу, как ему хотелось.

А войско шло скорым шагом. Ни тяжелой поклажи, ни обоза не было у них: Филипп приучил своих солдат обходиться без обозов.

Меды, которые знали, что Филипп далеко, осаждает Византий и что он терпит там тяжелые неудачи, спокойно встретили утро наступающего дня.

Внезапно ворвавшиеся в город македонские отряды, сверкающие щитами и копьями, гремящие копытами коней, ошеломили их. Меды пробовали сопротивляться, но малочисленное, слабое, плохо вооруженное племя было смято, войско его разбито, жилища разграблены.

Оставшиеся в живых меды пришли к Александру. Он, разгоряченный битвой и победой, принял их. Не дослушав их просьбу о милости к побежденным, Александр приказал изгнать медов из города, а город отдать переселенцам из Македонии. Отец однажды сделал так же: захваченный город заселил македонцами и назвал его Филиппополем. Александр последовал его примеру: завоевал город, заселил македонцами и назвал его Александрополем.

Возвращаясь в Пеллу, ни воины, ни военачальники уже не подшучивали над юностью полководца. Чего ждать от Филиппа, они знали: походов, побед, поражений, новых побед, обогащающих победителей имуществом побежденных.

А что будет, когда власть в Македонии возьмет в руки этот безудержно и безрассудно отважный юноша и станет их царем? Не ринется ли он, как бешеный конь, увлекая их страну не только к победам, но и к гибели?

Опять провал

В Греции неожиданно вспыхнула война. Локрийцы из локрийской Амфиссы осквернили землю Аполлона Дельфийского, а попросту захватили и распахали ее. Совет амфиктионов — государств, охраняющих святилище, постановил объявить локрийцам войну. Амфиктионы решили просить Филиппа, как главу совета, взять на себя ведение этой войны.

Это и был тот случай, которого так ждал Филипп и за который жадно ухватился. Филипп принял просьбу совета. Еще хромой от недавней раны, он сел на своего боевого коня и с огромной армией уже законно, как военачальник священного похода вошел в Грецию. Быстрым маршем войска Филиппа ринулись через Фермопильский проход. Александр следовал за отцом на своем несравненном Букефале. Он знал, что войско идет совсем не туда, куда послали македонского царя амфиктионы. Это смущало его, но он молчал и повиновался.

— Зачем нам занимать локрийскую Амфиссу? — сказал Филипп своим приближенным полководцам, когда кони их уже вступили на греческую землю. — Амфисса в союзе с Фивами. Мы возьмем Амфиссу, а Фивы заключат союз с Афинами. Что хорошего в этом для нас? Нам самим надо договориться с Фивами прежде, чем они объединятся с Афинами. Так зачем нам эта Амфисса?

— Но амфиктионы поручили нам наказать амфиссейцев, — возразил Антипатр. — Что ты ответишь амфиктионам?

— Но мы же не будем трубить в трубу, что идем в Фокиду поближе к Беотии, а не к Амфиссе. А кто-нибудь с отрядом пройдет и к Амфиссе — для отвода глаз.

Всем — и военачальникам и этерам — были известны коварные приемы Филиппа. Силой или обманом — все равно. Лишь бы добиться того, чего нужно добиться.

И, может быть, только одному Александру не нравилось это. Силой, только силой и отвагой следует завоевывать страны, силой войска и талантом полководца.

Но полководцем был не он, а Филипп. Его мнения не спрашивали. Все сделали так, как сказал царь. Небольшой отряд направился к локрийской Амфиссе, которую поручено было наказать. А главную армию Филипп через Фермопильский проход провел прямо в Фокиду. И здесь, у самой границы Беотии, захватил и занял крепость Элатею. Элатея стояла на дорогах, которые шли и в Фивы и в Аттику. Отсюда Филипп мог за один день нагрянуть в Беотию и за три дня — в Афины!

Стояла прекрасная осенняя пора. Землепашцы убирали хлеб, на их маленьких круглых токах слышался мирный шум молотьбы. Веяли горох и пшеницу, подбрасывая лопатами вверх под ветер; сухое облачко пыли и соломы поднималось над желтым полем. Созревал виноград, в лозах уже светились прозрачно-золотые гроздья, наливались соком, подготавливая веселое вино. Серые, серебристые ветки маслин гнулись под тяжестью обильных плодов — масло для еды, масло для светильников, масло для обтирания, чтобы кожа не сохла так сильно под яростным летним солнцем...

Из Элатеи Филипп направил послов в Фивы, главный город Беотии.

— Сулите беотийцам всяческие выгоды, — приказал он, — уговорите их объединиться с нами против Афин. А если не захотят союза с нами, то пускай пропустят через свою страну наше войско в Аттику.

Войско Филиппа уже в полной боевой готовности стояло на границе.

В Афинах еще ничего не знали. Был вечер.

Колонны Акрополя, окрашенные красным светом заходящего солнца, торжественно возносились над городом. Вершины гор словно таяли в потемневшей синеве неба. Пахло сухой полынью и камнем стен, отдававших дневное тепло.

Горожане отдыхали в прохладе сумерек у источников под деревьями или прохаживались по улицам.

Вдруг кто-то быстрым шагом прошел в пританею. Те, кто видел этого человека, сразу поняли, что случилось недоброе.

— Пританы! — крикнул вестник. — Филипп в Элатее!

Если бы Зевс метнул молнию к ногам афинских правителей, она не поразила бы их сильнее. Они вскочили из-за стола. Многие тотчас поспешили на площадь, где стояли лавчонки торговцев. Пританы своими руками отдирали от палаток деревянные щитки и складывали их посреди площади для костра. К ним на помощь тотчас сбежались встревоженные горожане. И вскоре высокое пламя костров поднялось над городом — сигнал военной тревоги, сигнал грозящей опасности.

Зловеще завыла военная труба.

Встревоженные люди выбегали из домов.

— Что случилось? Что случилось?

— Филипп в Элатее. В трех днях от Афин!

В эту ночь в Афинах не ложились спать. Не спал и сельский народ афинского государства. Надо быть готовым. Может, придется бежать под защиту городских стен, спасать семью, имущество, гнать скот... Страшен враг, вступивший на мирную землю!

Наутро, чуть забрезжил рассвет, афинский народ начал собираться на Пниксе. Вскоре явились правители. Они доложили собранию о том, что случилось. Вот тот самый человек, который принес эту весть. Он сам расскажет об этом.

Народ загудел. Если Филипп захватит Беотию и Фивы, то, сделав их своими союзниками, двинется на Афины. А Фивы с Афинами в раздоре, они и без войны впустят Филиппа. И тогда Афины будут бессильны противостоять ему... Что делать?

Глашатай поднял свой жезл с изображением двух змей.

— Именем совета Народного собрания — кто желает говорить?

Толпа продолжала тревожно шуметь, но никто не отзывался на этот призыв. Глашатай повторил:

— Кто желает говорить?

А когда он еще и в третий раз обратился с этим к народу, из толпы выступил Демосфен:

— Буду говорить я.

С того самого дня, как мир услышал имя Филиппа, Демосфен следил за действиями македонского царя и с первых же его шагов понимал, чего тот добивается.

Демосфен несколько успокоил афинян.

— Те, кто слишком тревожится, считая фиванцев сторонниками Филиппа, не знают настоящего положения дел; будь это действительно так, я уверен, мы бы уже слышали сейчас не о том, что он в Элатее, а о том, что он у наших границ!..

Но сам глубоко встревоженный, Демосфен со всей страстью стал доказывать, что афинянам надо добиваться союза с Фивами, надо забыть прежние несогласия — ведь и царь Филипп ищет союза с фиванцами. И если Афины сейчас не позаботятся о Фивах и не помогут им противостоять Филиппу, тогда Фивы будут в его власти, должны будут действовать ему в угоду.

Засверкали копья, зазвенели мечи, тучами полетели стрелы.



Надо привести все войско к Элевсину, чтобы фиванцы видели, что Афины готовы к борьбе. Надо немедленно направить в Фивы послов и предложить им помощь.

Так и сделали, как сказал Демосфен. Гражданское ополчение Афин вооружилось и двинулось к границе, в Элевсин. А в Фивы направили послов. Демосфен, сознавая всю важность того, что происходит, сам возглавил посольство.

Но когда афиняне пришли в Фивы, там уже сидели послы Филиппа. И вместе с ними были послы его союзников — фессалийцев, энианцев, долопов и фтиотов.

Демосфен сразу увидел, что в Фивах ему придется тяжело. Послы Филиппа держались уверенно, с веселым видом разговаривали друг с другом и с хозяевами-фиванцами, принимавшими их. Демосфен уловил, что речь идет у них о том, как Филипп любит Фивы, ведь он не забыл, что когда-то жил здесь и что он до сих пор чтит имя благородного человека и великого полководца Эпаминонда...

И сразу заметил, что те из фиванцев, что держат сторону Афин, смущены и встревожены.

— Вы опоздали, — сказали Демосфену его друзья из антимакедонской партии. — Фивы на стороне Филиппа.

— Фивы еще не слышали Демосфена, — возразил один из афинских послов, — а он здесь!

Македонские послы тотчас откликнулись:

— А! Афинский Баттал здесь!

Как острые дротики, посыпались насмешки и обидные прозвища. Афинские послы совсем смутились. Хмурясь, они переглядывались друг с другом.

Демосфен, напряженно сжав тонкие губы, молчал, не отвечая на оскорбления. Он ждал своего часа.

Фиванским правителям было трудно. Как решить? Отказаться от союза с Афинами — значит избавиться от войны с Филиппом. Но тогда Фивы попадут в полную зависимость от македонца. Заключить союз с Афинами? Фаланги Филиппа тотчас вступят в Беотию, и погибнут Фивы. Назначили Народное собрание. Пусть афиняне решат сами, как поступить. На этом собрании победил Демосфен — он сумел доказать, что Фивам следует объединиться с Афинами и объединенными силами выступить против Филиппа.

Филипп не ожидал такого поворота дел.

Александр видел, как, слушая отчет своих послов, Филипп накалялся яростью, как вздувались у него жилы на лбу, как темнело лицо.

Александр не понимал, почему медлит отец, почему он тотчас же не двинул войска в Беотию. Чего он ждет? Или он больше не верит, что может победить?

Немного успокоившись, Филипп на все эти тревожные и гневные вопросы ответил Александру.

Нет, он не испугался, и неудачи не обезоружили его. Но сейчас надо быть очень осторожным. Он надеялся, что Фивы заключат с ним союз и тогда он сразу прошел бы в Афины. Но так, как он думал, не получилось. Теперь придется воевать сразу и с Фивами и с Афинами, а это сила равная, а пожалуй, даже и превосходящая. Значит, надо еще раз сделать попытку договориться о мире. Филипп еще раз отправил послов в Фивы с предложением союза. Им надо объединить все эллинские государства, а не воевать друг с другом, потому что враг у них не он, не Филипп Македонский, а персы.

И Фивы снова задумались.

В Афинах тоже начались разногласия.

Выступил старый полководец Фокион. Он советовал прислушаться к тому, что говорит Филипп, и не отталкивать протянутой руки.

Снова поднял голос знаменитый оратор Исократ. Он уже не раз призывал Элладу к объединению. Теперь он повторял, что только Филипп может стать вождем всех греческих государств.

И лишь Демосфен по-прежнему призывал к одному: к уничтожению македонского царя, варвара и бессовестного человека, который только и думает о том, как бы поработить Элладу.

В это время Демосфен — уже не только оратор, но и государственный деятель — подготавливал Афины к обороне. Он расставлял стражу вокруг города, собирал деньги для того, чтобы починить кое-где обвалившиеся городские стены, закупал хлеб на случай осады... Афиняне копали рвы, укладывали кирпичи на стенах — готовились к нашествию врага.

Речи Демосфена были пламенны и яростны, как никогда. Он доказывал, что война с Филиппом рано или поздно начнется, что этой войны все равно не избежать. Он уверял, что сейчас самое благоприятное время, чтобы сразиться с ним. Он угрожал, что потащит за волосы в темницу каждого, кто осмелится заговорить о мире с Филиппом!

Красноречие его было неотразимо, и беотархи — фиванские и афинские правители — отказались от предложенной дружбы Филиппа.

Началась война.

Битва при Херонее

Осень догорела. В горах завыли холодные ветры. Белые шапки горных вершин стали еще белее. В полях и в садах наступила печальная тишина.

Афинские и фиванские войска, объединившиеся для битвы с Филиппом, маневрировали, выбирали место для лагеря, готовились к сражению. Дважды вспыхивали стычки с македонцами.

И оба раза победили союзники.

Но Филипп крепко держал Элатею. Здесь неподвижно стояло у него тридцать тысяч пехоты и две тысячи всадников.

Александр, которому уже исполнилось восемнадцать лет, ходил, как конь на привязи. Ему казалось, что отец даром теряет время, что он дает возможность врагу усилиться, что оттого и терпит Филипп поражения, что характер его стал нерешительным, а рука ослабела для боя. Откинув со лба крутые светлые кудри, Александр подставлял зимнему ветру горячее лицо и, поднявшись на крепостную стену, подолгу смотрел в ту сторону, где горели неприятельские костры.

Наконец, Филипп созвал военачальников на военный совет. Александр и его молодые друзья, ставшие этерами царя, тоже присутствовали на совете.

— Да будет вам известно, — сказал Филипп, — а вам это, я думаю, уже известно, что неприятель превосходит нас численностью. К фиванцам и афинянам присоединились коринфяне, эвбеяне, мегоряне, ахейцы, левкадяне, керкиряне. Их войско, как я сказал, превосходит нас численностью. Но не силой и не отвагой. Клянусь Зевсом, сила, отвага, умение сражаться — эти качества на нашей стороне. Мы не раз терпели поражения, однако все те неудачи были поправимы. Но если мы допустим неудачу теперь — этого поправить уже будет нельзя. Мне не учить вас храбрости и решимости в битве. А вот как нам провести сражение — давайте подумаем вместе.

Все обсудили. Все решили.

— Если бы не Демосфен, — сказал Александр, выходя из царского шатра, своему другу Гефестиону, — мы сейчас были бы в Афинах. Но ничего, после нашей победы, — Александр невольно схватился за меч, висевший у пояса, — я заставлю замолчать этого человека.

— После победы?

— А ты сомневаешься в победе? Ты забываешь, Гефестион, что в сражении буду я!

— Нет, — сказал Гефестион, — с тобой я в победе не сомневаюсь.

Союзные войска вошли в Фокиду. Когда-то по поручению амфиктионов Филипп разорил ее за то, что фокидяне распахали землю, принадлежащую Дельфам.

Теперь афиняне и фиванцы принялись восстанавливать несчастный город. Так они приобрели себе новых друзей — фокидян, которые помнили, что сделал с ними Филипп.

Афинян вдохновляло на битву присутствие в войсках самого Демосфена. Демосфен был в отряде гоплитов — тяжеловооруженных. Надежда на победу росла и укреплялась.

В набегах и в мелких стычках прошла зима. Филипп по-прежнему сидел в Элатее. Союзники даже не пытались выбить его оттуда. Они считали, что победа их — дело решенное. В Афинах и Фивах уже готовились празднества в честь этого необычайного события, в честь победы над македонским царем Филиппом!

А Филипп готовил удар.

Как только засияло по-весеннему солнце и с гор схлынули весенние потоки, ворота Элатеи открылись. Отряды македонского войска с царем Филиппом во главе через горные проходы быстро спустились к Амфиссе.

Никто этого не ожидал. Хорес и Проксен, начальники наемных войск, стоявших в Амфиссе, успокоенные тем, что враг далеко, ни о чем не заботились. И ни одного часового не было у них в горных проходах, ведущих в Локрийскую равнину.

Филипп напал внезапно. Он разбил войско наемников так, что от этого войска ничего не осталось. Амфисса сдалась без сопротивления.

Противники Филиппа были обескуражены. Как же все это случилось?

Союзные войска занимали сильную оборонительную позицию. Но пока они думали, что же им теперь делать, Филипп неожиданно обошел их с тыла и оттеснил к Херонее. Херонея — маленький городок на самой границе Беотии. Отступать от Херонеи союзникам было нельзя, они открыли бы путь в свою страну.

Уже кончалось лето, когда произошла знаменитая битва между союзными и македонскими войсками.

Сражение произошло в узкой долине между горами Херонеи и рекой Кефисом.

У македонцев на правом фланге, против левого крыла неприятеля, против самого сильного врага — афинян — встал сам Филипп. А на левом фланге, против беотийцев, во главе тяжелой конницы занял позицию Александр.

Александр в полном вооружении, в шлеме и в панцире, с мечом у пояса и копьем в руке, сидел на своем неизменном Букефале. И конь и всадник чувствовали нервное напряжение друг друга. Букефал, не признававший никого, кроме своего молодого хозяина, повиновался малейшему его движению.

Перед Александром стоял опасный противник — фиванская фаланга, которая когда-то одержала небывалую победу над Спартой в сражении при Левктрах. Это был «Священный отряд» — триста человек самых опытных и неустрашимых воинов, не знающих поражений. Александр глядел на них, на высокие гребни их шлемов, на сверкающую стену их сомкнутых щитов и длинные огни копий, поднятых над щитами... На мгновение вспомнилась мать.

— Тебе не страшно, Александр?

И он повторил чуть не вслух:

— А все-таки что такое страх?... Нет, не страшно. Лишь бы скорей затрубили трубы!

Но вот завыла труба. Букефал вздрогнул, и мускулы его заиграли под атласной шерстью. Александр тотчас рванулся в битву, увлекая за собой свою могучую конницу.

Оба войска сошлись на равнине. Засверкали копья, зазвенели мечи, тучами полетели глухо гудящие стрелы и дротики...

Филипп, зная силу фиванцев и опасаясь за сына, стремительно двинулся на афинян, чтобы потом зайти в тыл фиванским отрядам. Он теснил афинян, а его правое крыло медленно отходило назад.

Афиняне, увидев это, бросились на отступающих. В радости от такой легкой победы

они, не оглядываясь, мчались за отходящими македонцами. Они кричали как победители, они торжествовали!

И не видели, что делается на поле сражения...

Александр бился с фиванцами лицом к лицу. Нужна была огромная сила, большое умение и пылкая ярость, чтобы сражаться с таким опасным врагом. Но у Александра хватало и силы, и умения, и ярости.

Пока афиняне гнались за бегущими с поля, Александр напором своей тяжелой конницы прорвал фиванский фронт, и это сразу решило исход битвы. Сейчас фиванцам нужна была немедленная помощь, но афиняне в своем обманчивом торжестве и не оглянулись на них. Фиванцы смешались, их полководца Феагена убили, и они, не слыша команды, стали отступать без всякого порядка и почти без сопротивления.

Не отступил лишь «Священный отряд». Он сражался до конца. И весь погиб на этом кровавом поле.

«Священный отряд» пал. Фронт прорван. Фиванцы разбиты. Афиняне, увидев, что они обманулись в победе, побежали. Бежал со своим отрядом и Демосфен.

— Они умеют побеждать, — сказал Филипп, — но не умеют удерживать победу!

Филипп мог бы догнать афинян, мог бы напасть на них теперь и уничтожить.

Но он не стал преследовать их. И Александр, распаленный битвой, повинуясь его команде, остановил покрытого пеной коня. Он снял шлем, вытер пот со лба, оглянулся. Так недавно стоял перед ним грозной стеной враг, так недавно реяли на ветру султаны шлемов, сверкали щиты и копья. И вот нет никого, только мертвые тела лежат по всей долине...

Александр молча повернул Букефала к своей палатке, стоявшей под дубом на берегу журчащего Кефиса. Здесь он сошел с коня и сам вытер со своего Букефала пот и пену, огладил его, успокоил. Букефал тихонько ржал, словно разговаривал с Александром, — они любили и понимали друг друга.

Отряд Александра, уставшие в битве воины, понемногу собирались к своему юному военачальнику. Жестокое торжество победы светилось в их глазах. Александр чувствовал, с каким уважением они смотрят на него, он улавливал их речи, полные удивленного восхищения, признания, похвал...

А на другом конце поля, где стоял шатер царя Филиппа, слышались громкие голоса, раскатистый хохот, выкрики.

В палатку Александра заглянул Гефестион. Он уже успел снять с себя и шлем и панцирь — победа полная, бояться некого.

— Хочешь посмотреть, что делает царь Филипп?

— А что он делает?

Александр и Гефестион направились к царскому шатру. Но не дошли, остановились.

Царь Филипп, пьяный — не то от своей огромной победы, не то уже успев выпить вина, — ходил, приплясывая, по окровавленной долине и громко выкрикивал в такт своей пляске формулу тех многочисленных псефисм[1], которые выносил на Народных собраниях против него Демосфен.

— Демосфен, сын Демосфена, пеаниец, сказал следующее!.. Ха-ха!

Приближенные Филиппа, его этеры, упоенные победой, хохотали. Александр увидел среди них и афинян, державших сторону Филиппа. Вот Эсхин по-актерски красиво стоит, подпершись в бок рукой. Вот и Демад, чьи красноречивые речи не раз улаживали дела Филиппа в Афинах: говорят, что Филипп ему хорошо платил. Военачальники заметили Александра.

— Царь Филипп! — крикнул Фердикка, как видно, тоже хлебнувший лишнего. — Перестань плясать. Вот стоит человек и смотрит на тебя. А ведь он, клянусь Зевсом, больше похож на царя, чем ты!

Филипп остановился.

— Как он опрокинул фиванцев, а? — подхватил Птоломей. — Вы видели, как он их опрокинул?

— Вот настоящий царь македонский! — засмеялись этеры, указывая на Александра. — А ты, Филипп, хороший полководец, но какой же ты царь?

Александр молчал, сурово сжав губы. Гефестион с тревогой смотрел на Филиппа. Но Филипп, счастливый своей победой, и не думал сердиться. Увидев Александра, стоявшего в латах, но с открытой головой, он с пьяной нежностью улыбнулся.

— Царь македонский!

И снова пошел плясать среди мертвых тел.

В это время к нему подошел Демад.

— Перестань, — сказал он с неожиданной суровостью, — тебе судьба предназначала роль Агамемнона, а ты ведешь себя, как Терсит!..

Филипп, тут же опомнившись, стряхнул с себя дурман и пьяное наваждение. Он выпрямился, принял полную достоинства осанку и сказал:

— Довольно, Элладе конец. Мы победили. Не будем тешиться их отчаянием.

Возле «Священного отряда» Филипп остановился. На черной от крови земле в полном вооружении, ни на шаг не отступив от своих позиций, лежали все триста человек...

Филипп опустил голову и заплакал.

— Да погибнет злою смертью, — сказал он, — кто произнесет о них хоть одно недоброе слово!

Греция лежала у ног Филиппа. Теперь все будет так, как решит Филипп. И Греция ждала его решений, готовая принять самую тяжелую участь. Афины, где столько лет поносилось имя македонского царя, Афины, которые подняли войну против него, — какой милости, какой пощады ждать им?

---

1 Псефисма — постановление.

Афиняне были в панике. Ждали, что македонские войска вот-вот ворвутся в город. Готовились сопротивляться. Готовились просить о милости. Готовились к смерти.

Теперь подняли в Афинах голоса сторонники Филиппа.

На этот раз Демосфен молчал. Его никто не видел и не слышал, он будто исчез с лица земли...

Но македонский царь решил дело не так, как того боялись афиняне. Казалось, что он забыл все: и злобную вражду, и презрение, и бесконечные оскорбления, которыми унижали его и как царя и как человека.

Он любит и почитает Афины. Боги свидетели: он был всегда им предан. Пусть афиняне придут и похоронят своих убитых воинов. Пусть возьмут их останки и положат в гробницы предков. Филипп — боги свидетели! — никогда не хотел войны с Афинами, он и теперь предлагает им мир и дружбу!

Однако иное дело — фиванцы. Они были его союзниками, и они изменили ему в самый опасный для него час. Тут пощады не будет.

Войско не могло защитить Фивы: оно было разбито.

И Фивам пришлось тяжело. Филипп взял с них выкуп за пленных. Взял выкуп и за право похоронить павших. Фиванцы с великой горестью хоронили их. На том месте, где лег «Священный отряд», поставили каменное изображение раненого льва. И сделали надпись:

«Время, всевидящий бог, все дела
созерцающий смертных,
Вестником наших страстей будь перед всеми
людьми,
Как мы, стараясь спасти эту землю святую
Эллады,
Пали на славных полях
здесь, в Беотийской земле».

В Фивах Филипп поставил у власти олигархический[1] Совет. Триста человек было в Совете, и все приверженцы Македонии.

Самых видных фиванских граждан, которые выступали против Филиппа, казнили. Многих Филипп отправил в изгнание.

Богатства изгнанных и казненных македонский царь захватил себе.

Вспоминал ли Филипп, творя расправу над Фивами, свою юность, проведенную в этом городе? Не грозила ли ему тень Эпаминонда за все, что он сделал здесь?

Если и было так, об этом никто не узнал. Филипп твердой рукой осуществил свою жестокую месть.

Свадьба

Тяжелым шагом брела по горам Македонии поздняя осень, волоча по склонам сырые туманы, проливая холодные, пахнущие снегом дожди. Веселая Лудия утратила свой алмазный блеск, стала тусклой, неприветливой. На большом озере под Пеллой по утрам появлялась серебристая кромка прибрежного льда. Мир был замкнут тяжелой стеной гор и черных лесов.

День свадьбы Филиппа приближался. Олимпиада поняла, что она не сможет отвратить этого. И оставаться во дворце, когда сюда войдет молодая жена ее бывшего мужа, она тоже не сможет. Рано утром, ни с кем не простясь, она села в повозку и покинула Пеллу.

А в Пелле уже шумел праздник. Народ целый день толпился на улицах — всем хотелось посмотреть, как их царь Филипп проедет во дворец со своей молодой женой. Ни мрачных лиц не было в толпе, ни осуждения. Это хорошо, что Филипп берет в жены македонянку. И хорошо, что колдунья Олимпиада убралась из Пеллы в свой Эпир!

В час, когда начали возникать сумерки, в городе вспыхнули оранжевые огни факелов. Они загорелись около дома Аттала, где толпились певцы и музыканты, ожидая появления свадебной процессии, толпился народ. Но вот отворились ворота, богатая колесница, запряженная рослыми мулами, появилась на улице. Кончился веселый обед в доме невесты. Теперь она сидит в колеснице рядом с Филиппом, укрытая сверкающим покрывалом.

Торжественная процессия медленно направлялась к царскому дворцу, щедро украшенному цветами.

А потом во дворце был длительный пир, многолюдный, с обилием еды и вина, с музыкой, с пением, с плясками.

Молодую жену, золотоволосую Клеопатру, отвели в ее покои. Она ушла, как велит обычай, молча, не приподняв покрывала.

Уже давно наступила ночь, а пир был в самом разгаре. Филипп, пьяный и буйно-счастливый, сидел среди своих гостей.

Рядом с царем сидел полководец Аттал, дядя его молодой жены Клеопатры, раскрасневшийся, надменный, самодовольный. Тут же был и Парменион, известный военачальник, зять Аттала. И суровый Антипатр, который даже на этом пиру был трезв и сдержан.

Был на свадьбе своего отца и Александр. По праву он сидел близ царя.

В очаге пылал большой огонь, ветер загонял из верхнего отверстия в зал волокна дыма и копоти. На столы все подавали жирное мясо, рыбу с острой приправой, зелень и сочные яблоки и все подливали в кратеры вина.

Александр молчал, лишь изредка пригубливая чашу с вином. Иногда он взглядывал на отца и тут же, нахмурясь, опускал ресницы. Филипп весь вечер не замечал Александра, не глядел в его сторону.

«Каким чужим он мне стал, — горько думал Александр, — каким чужим и даже враждебным!»

Заметив, как вздрагивают у Александра ноздри, какое бешенство сверкает в его глазах, Гефестион старался отвлечь его разговором.

[1] Олигархия — правление аристократов.

Но тут грузно поднялся Аттал.

Вскинув кверху свою чашу и расплескивая вино, Аттал громко провозгласил, обращаясь к гостям:

— Теперь молите богов, македонцы, чтобы боги даровали нашему царю македонскому Филиппу законного наследника!

Александр вскочил, будто его ударили плетью.

— А меня, негодяй, ты что же, считаешь незаконным, что ли? — крикнул он.

И, размахнувшись, швырнул в Аттала свою тяжелую золотую чашу.

Филипп, не помня себя от ярости, выхватил меч и бросился к сыну. Но тут же, споткнувшись, пошатнулся и с грохотом свалился на пол.

Александр, пылающий, будто охваченный заревом пожара, вышел из-за стола; он обернулся к отцу с презрением и насмешкой.

— Смотрите, друзья, мой отец хочет идти в Азию, а сам не может дойти от стола до стола!

Филипп поднялся, не выпуская меча. Гости поспешно окружили его, встали между ним и Александром.

Александр в негодовании, глубоко оскорбленный, тут же ушел со свадьбы.

А наутро, как только рассвело и стало видно дорогу, Александр сел на своего Букефала и уехал из Македонии в Эпир к Олимпиаде.

Олимпиада, увидев Александра, вернулась к жизни. Такой радости она не ждала. Ее любимый сын с нею, не с отцом! Значит, впереди еще возможна и власть, и могущество, и торжество над ненавистными людьми.

Укрывшись в эпирском дворце, Олимпиада и Александр проводили дни, обдумывая свою судьбу. Они ждали. Ждали вестей от Филиппа — ведь не уйдет же он в Азию, оставив здесь Александра!

Скороходы один за другим уходили из Эпира в Македонию и потом один за другим возвращались с разными вестями. Царь Филипп собирает и снаряжает войско, готовится к большому походу. И снова: царь Филипп снаряжает войско. И опять: царь Филипп снаряжает войско. И главным полководцем его идет в Азию Аттал...

И вот наступил день, когда вестники принесли важную новость, нарушившую тишину эпирского двора: у Клеопатры родился сын!

— Ты понимаешь, что грозит моему сыну? — обратилась Олимпиада к брату, царю Александру.

— Но что может грозить Александру? Ведь он старший, — возразил брат.

Александр Эпирский боялся Филиппа. Он окружил Олимпиаду теплотой и вниманием, но не мог скрыть своих опасений. Если Филипп разгневается и двинется к нему, в Эпир... Сдобровать ли им всем тогда?

— Ты не дальновиден, брат мой, — резко и настойчиво продолжала Олимпиада, — а я тебе скажу, что будет дальше. Клеопатра заставит Филиппа признать своего сына наследником, и тогда Филипп отстранит Александра от царства.

Александр слушал эти тревожные речи, и ему становилось не под силу сохранять хотя бы внешнее спокойствие. Неужели отец, который доверял ему, еще шестнадцатилетнему, царство, которому он предоставил честь решить битву при Херонее, с которым он делился как полководец с полководцем своими военными замыслами, — неужели он теперь отстранит его? Как это может быть? Разве он не оправдал надежд Филиппа?

— Как это может быть? — повторил и царь эпирский. — Александр — старший сын царя. Что можно сказать против его права наследовать царство? Нет, тут ничего сказать нельзя.

— Можно, — глухим голосом возразила Олимпиада, — можно сказать. И говорят.

Оба Александра — и брат и сын — удивленно глядели на нее.

— Что говорят?

— Что у моего сына Александра мать — чужеземка, вот что говорят. Что мой сын Александр через свою мать наполовину варвар, а Клеопатра — македонянка чистой крови, и сын ее будет настоящим македонцем и царем македонским. Вот что говорят.

Александр побледнел. Так вот какая угроза стоит перед ним! Его будущее, созданное обстоятельствами самой судьбы, огромными замыслами завоеваний и дальних походов, его будущее, которое стояло перед ним, полное славы и побед... Все это может с грохотом рухнуть, превратиться в дым!

— Что же делать? — вздохнул царь Эпира. — Если так суждено богами...

— А мы должны сложить руки и ждать, пока Клеопатра заставит Филиппа вообще уничтожить нас? — Олимпиада величаво подняла голову. — Нет, не ждать мы должны, а призвать богов и защищаться!

Защищаться!

Быстрая мысль Александра тотчас ухватилась за это слово. Защищаться. Защищать свое право, а может быть, и жизнь. Зевс и все боги! Ему надо защищаться от собственного отца.

Александр уже и тогда умел принимать решения немедля.

— Я поеду в Иллирию, — сказал он.

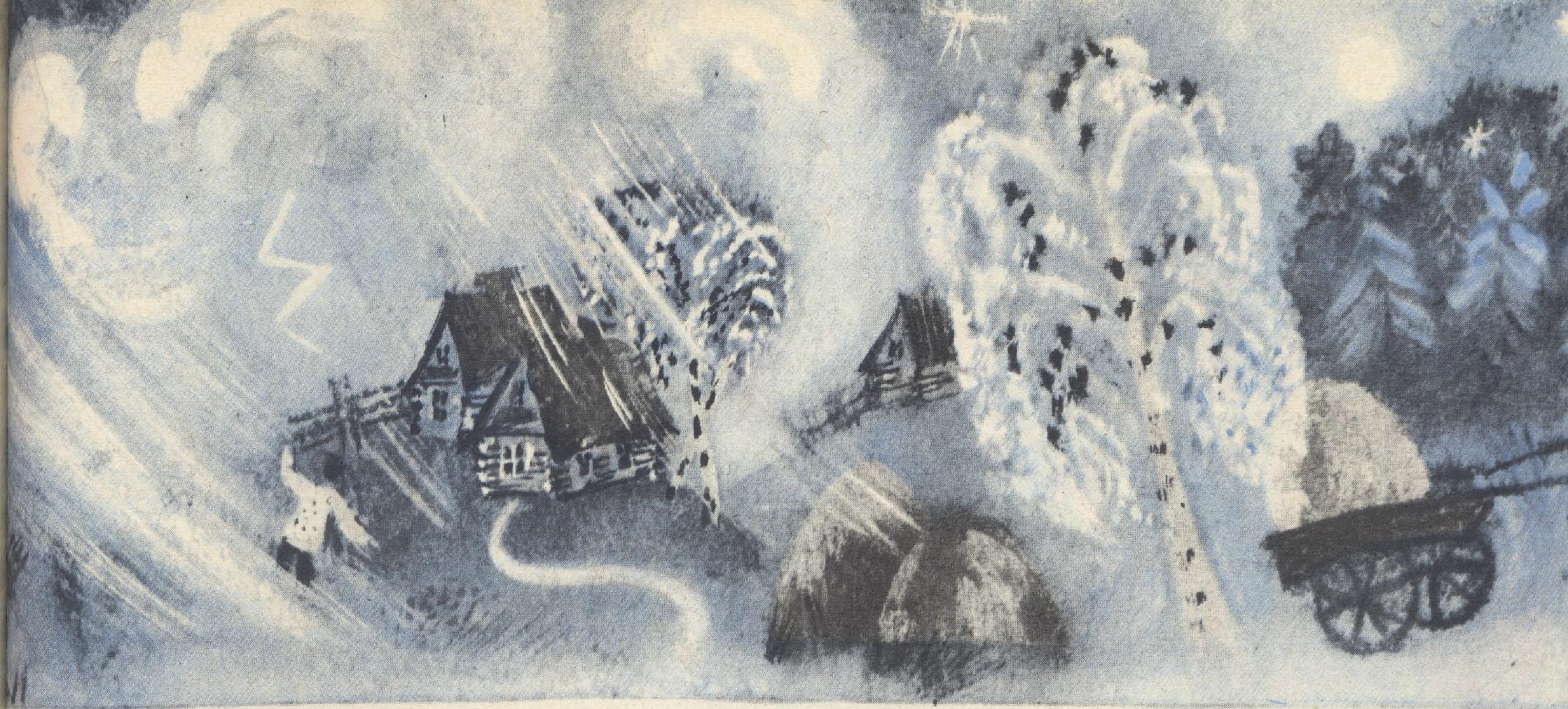
— В Иллирию! — Царь эпирский испугался. — Но иллирийцы — извечные враги Македонии.

— Вот потому-то я туда и поеду. Союзники македонцев не станут сражаться с царем македонским.

И Александр не стал медлить. Простившись с матерью, он уехал в Иллирию, в горную страну на побережье Адриатики. Там надеялся он найти поддержку и помощь, если придется защищать свое право с оружием в руках.

Иллирийцы приняли его.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.



НОВЫЕ СТИХИ

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Воскресное утро

Не по колено, а по плечи
В дожде увяз субботний вечер.
Луч фонаря, что рыжий прутик,
Вцепился намертво в дорогу.
Под частоколом тонких струек
Деревья съежились, продрогли.
Плывут, качаясь кораблями,
Людей скрывая, рюкзаки.
Из сыто чавкающей хляби
Порой не вырвать сапоги...

Но вынырнул застрявший в тучах
Рассвет. Цыпленком желтым лучик
Вдруг клюнул лоб березы сонной,
И следом выкатилось солнце.
И синь кругом, и глыбы света
Насквозь впитали птичьи песни,
И радуги слетают с веток
С хрустально звонким переплеском.

*

Размашисто, как саблей,
Палкой бьет —
Бьет мальчик по гнезду,
В окне повиснув.
И ласточка
Его не отвлечет,
Хоть с криком пролетает
Близко, близко...

Лежат птенцы
У редкого куста,
И припорошены
Навечно пылью,
На голой шейке
Желтый угол рта,
И голые
Распластанные крылья...

Ночь

Ночь качнулась на костре,
На двугорбом.
Ветер ухнул по Угре,
Сгинул в черном.

И береза вдруг слова
Обронила —
Полон я волшебства,
Вещей силы.

Нашептала мне волна:
— Приглядись ты!
Русь — великая страна,
Каждый — витязь!

Заходила ходуном
Вдруг осока:
Повернулся, видно, сом
Круглым боком.

Тучи

Выпадом рапиры
Тычется в глаза,
Тучи растопыря,
Громкая гроза.
Яростного света
В сердце через край.
Пыльную планету,
Ливень, отмывай!
Твоего призыва
И в твоем строю,
Сумасшедший ливень,
Не дыша, стою...





В каждой народной сказке есть мечта: когда о ковре-самолете, когда о молодильных яблоках, а когда и о репке.

«Посадил дедка репку, выросла репка большая-пребольшая...»

Если бы сказку про репку складывали в Японии, там бы прибавили: «Выросла репка красная-прекрасная...» У японцев есть свой витаминный сорт репы, у которой все красное: и мякоть, и черешки листьев, и кожура.

Если бы сказку про репку придумывали в Гренландии, там бы прибавили: «Посадил дедка репку в нашей ледовой стране, где другие овощи не растут...»

Но сказку про репку сложили не в Гренландии, не в Японии, а в России, где дедки сеяли, а бабки умели приготовить репу — вареную, печеную, пареную.

Еще в ту пору, когда на площади Новгорода звонил вечевой колокол, созывая русских людей на битву с тевтонскими псами-рыцарями, вдоль городских стен тянулись «репища» — поля, засеянные репой. Зачем нужны были репища богатому вольному городу, который именовали «Господином Великим Новгородом»? В неурожайные годы, когда рожь вымерзала, янтарно-желтая репа заменяла Господину Великому Новгороду хлеб.

Да и по всей России, пока не было картофеля, деревня кормилась капустой и репой.

Крестьянский дедка мечтал о «большой-пребольшой репке», чтобы прокормить и себя, и бабку, и внучку, всю семью. Недаром в другой сказке мужик договаривается с медведем, как делить урожай репы: «Тебе, Миша, вершки, а мне корешки». Мужик понимал, чтó у репы самое ценное.

Ну, а если бы ты был героем сказки и посеяли бы вы с медведем не репу, а брюкву, что бы ты взял себе? Правильно, «корешки»! Кое в чем брюква оставит позади себя даже более сладкую морковь. Весной люди потому чаще болеют, что им не хватает витаминов, и морковь уже не та, что была осенью, и свекла не та. А брюква и весной прежняя, и вареная она мало теряет — такой в ней стойкий витамин С.

Ну, а если бы вы сеяли салат, что бы ты выбрал? На этот раз забирай «вершки». Спринтером называют спортсмена бегуна на короткие дистанции: салат — своего рода спринтер среди овощей. За один месяц поспевает листвой салат латук.



Латук растет в пять раз скорей капусты, но за это время он возьмет питательных веществ из земли в три раза больше, чем капуста. У спринтера салата отменный аппетит!

Ну, а если бы вы сеяли шпинат? Очень жаль, если ты не знаешь «короля овощей». Так называли шпинат на Востоке, откуда в средние века его привезли в Европу.

Но, пожалуй, и сейчас шпинат сумеет отстоять свой высокий титул. В его темно-зеленых листьях есть калий, от которого наши кости крепнут, есть железо, от которого наша кровь становится алой и густой, есть четырнадцать витаминов. Вот какие у шпината замечательные «вершки».

Ну, а если бы вы посеяли петрушку? Что бы ты ни взял себе, ты не будешь в обиде: у петрушки все ценное — и «вершки» и «корешки». И все целебное: корень полезен тем, у кого болит печень, в листьях содержится вещество, которое может заменить малярикам хинин.

«Петрос» — по-гречески «камень». Имя Петр давали человеку в надежде, что он будет крепким, как скала. Но крестницей скал



стало и растение — дикая петрушка. Здесь ее родина, в царстве серого камня, где-нибудь неподалеку от горного ручья.

Однако не сразу петрушка переселилась со скалы на грядку. Древние греки встречались с петрушкой не за обедом, а на поле боя и на стадионах. Ее листья прикладывали к ранам, венки из петрушки были наградой победителям Олимпийских игр.

Мы тоже считаем петрушку полезной для спортсменов, но по другой причине: в ней, кроме каротина и витамина С, есть витамин Е, необходимый бегунам, прыгунам, метателям диска, чьи мускулы постоянно напряжены.



Все теперешние овощи произошли от диких. Но не сами собой листья петрушки стали сочными и пышными, а корни репы и редьки крупными. Об этих «корешках» и «вершках» в течение тысячелетий заботился человек.

Когда первый дедка решил не в сказке, а в жизни посадить первую репку, она была не толще крысиного хвоста. Но человек подметил репкину привычку копить. Корень был ее кладовушкой, куда она откладывала питание про запас. На скудной земле, да еще когда другие растения тебя теснят, отнимают пищу и влагу, много не накопишь. И человек как бы договорился с репкой: «Я о тебе позабочусь, а ты только копи, копи».

И такой же договор человек заключил с дикими и тощими редькой, морковью, редисом.

Наверное, ты хочешь знать, выполняют ли репа, морковь, редька и другие корнеплоды заключенный между ними и человеком договор. Да, как правило, выполняют. И если редис иной раз и нарушает свои обязательства, то виноват в этом месяц света — июнь.

У южных и у северных растений разные привычки к свету. На юге даже летом длинных и светлых вечеров не бывает, там сразу после захода солнца наступает темнота. Не случайно георгин родом из Мексики зацветает в наших садах под осень, когда дни станут короче, он южанин — растение короткого дня.

И наоборот, северным растениям, чтобы зацвести, нужно не меньше двенадцати часов дневного света. Этот свет им щедро дарит июнь — месяц самых длинных дней и самых коротких светлых ночей. В июне на наших лугах зацветают тысячи растений.

Приказу света послушна и северянка редиска — растение длинного дня. Разрежешь июньскую редиску, она внутри пустая, трухлявая. Все, что она копила, истрачено, чтобы выгнать стрелку, оставить после себя семена. Редиска состарилась, и состарил ее месяц июнь.

Как же сохранить молодость редиске? Ее надо сеять или рано весной, или в августе, когда уже заметно убыл день, сеять в теплицах, где светом распоряжается человек. Стоит отнять у редиски два часа света, и она не сможет постареть.

Но как бы крупна ни была редиска, с редькой, особенно японской, ей не сравниться. В Японии немало потухших вулканов. Когда-то их зарево освещало небо, и тучи выброшенного ими пепла оседали на землю, как черный снег.

Говорят, нет худа без добра. За тысячелетия извержения вулканов создали особую почву. На рыхлой вулканической почве Японии вырастает редька-великанша весом до тридцати килограммов.



Редька—хорошая, острая закуска. Острый редечный привкус, хотя и слабый, чувствуется в репе, в брюкве, в редисе, даже в капусте. Все они из семейства крестоцветных, чьим фамильным гербом служит цветок с четырьмя лепестками, расположенными крест-накрест. Во всех них есть горчичное масло, злюка горчица из той же семьи, и злость их — семейная злость. Но особенно злым в семье считается хрен.

Он и язык защиплет и слезу прошибет. Но злой хрен делает людям немало добра. В его белом корне есть летучие вещества, которые, убивая бактерии, охраняют человека от болезней, его сок излечивает цингу.

И последним в истории «корешков» и «вершков» будет рассказ об овоще, у которого сперва растили «вершки» для еды, а потом стали растить «корешки». Сейчас в меню любой столовой найдется борщ и винегрет. Восемь с половиной веков назад в Европе не было человека, который бы эти кушанья попробовал. Знакомая европейцам лиственная свекла мангольд годилась лишь для салатов.

Но вот в 1096 году под предводительством герцога Буйонского огромное войско двинулось с запада на восток. Тут были рыцари-крестоносцы Франции, Фландрии, Испании, Италии.

Глава католической церкви римский папа обещал тем, кто во славу божью пойдет в крестовый поход, отпустить самые страшные грехи. Но не о славе божьей думали «рыцари христовы», а о том, как бы разбогатеть на войне.

А о чем думали простые ратники — принадлежавшие рыцарям крестьяне? О воле и о поле. Крестьянин сменил соху на меч в надежде, что за ратные подвиги он получит свободу. На чужбине он присматривал, нет ли чего-нибудь сто́ящего у арабов на огородах, чтоб увезти с собой семена. И он нашел. Сто́ящим оказалась, правда, еще мелкая и мало сладкая, корнеплодная свекла. Восточные умельцы доказали, что «корешки» у свеклы могут быть вкусней, чем «вершки».

После крестовых походов (а их было несколько) в Европе появилась восточная корнеплодная свекла. Ее сажали на огородах рядом с лиственной свеклой мангольдом. От этих двух свекол-родоначальниц произошли все теперешние свеклы: и оранжевая кормовая, и красно-фиолетовая столовая, и белая сахарная.

В 1747 году немецкий химик Маргграф нашел в белом мангольде сахар. Это было очень важное открытие. Двести лет назад сахар был не каждому по карману. Его делали из сока тропического сахарного тростника. Но зачем же покупать сахар за морем, если можно вырастить его самим?

Наше свекловодство началось с Украины. Здесь хорошо прижилась и красная и белая свекла. Здесь же были построены первые в России сахарные заводы. Закипели тульские самовары, зазвенели расписные чашки и чайники— стала Россия пить чай со своим сахаром...

По добыче сахара из свеклы Советский Союз занимает сейчас первое место в мире. Кофе и чай с русским сахаром пьет теперь и Запад и Восток.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Кира, Зина, Кай
и богатый нищий

надо посоветоваться

надо посоветоваться

У меня есть хорошая подруга. Когда мы с ней собирались вместе в кино, я всегда надевала свое самое красивое платье. Но теперь ей стали покупать вещи лучше, чем у меня. А моя мама мне таких покупать не может: кроме меня, у нее еще двое.

Как-то, собираясь в кино, я услышала от своей подруги — ее зовут Кира — такой вопрос:

— Неужели у тебя нет платья получше? — Она произнесла эти слова с удивлением и даже с отвращением и с тех пор стала замечать во мне только плохое. Я не знала, как мне ей ответить. Но однажды, когда я высказала Кире все, что я об этом думаю, она совсем перестала со мной разговаривать.

Я все-таки попробовала заговорить с ней. Я ее позвала: «Кира!» Она мне не ответила. Я подумала, что она не расслышала, и окликнула ее по фамилии.

Тут она отозвалась.

— Прошу не фамильярничать! — ответила она (Кира, видно, думает, что «фамильярничать» — значит называть человека по фамилии! — Редакция).

— Я тебя звала по имени, ты не откликаешься, назвала по фамилии, ты обижаешься. Как же мне к тебе обращаться?

— По имени и отчеству! — ответила Кира и с тех пор не обращает на меня никакого внимания.

А мы так дружили...

Может быть, я в чем-нибудь виновата? Как мне поступить?

ЗИНА.

ЗИНЕ
отвечает писатель СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ЛЬВОВ

...Зина, конечно, ни в чем не виновата. Тут и говорить не о чем. А вот над тем, как ей быть, стоит подумать. Мне кажется, Зине нужно прежде всего спросить себя: стоит ли жалеть об утраченной дружбе с Кирой? Стоит ли стараться эту дружбу вернуть? Нет! И еще раз: НЕТ!!!

Разве настоящий друг станет судить о своем товарище по тому, насколько модно он одет? Разве упрекнет за то, что одет тот скромнее, чем он сам? Да никогда в жизни! Если он заметит эту разницу, то подумает, что можно сделать, чтобы разница эта не бросалась в глаза. Ради друга, ради дружбы можно отказаться от удовольствия покрасоваться в дорогой обновке. Невелика жертва!

Зине тоже хочется носить красивые новые платья. Это понятно. Но она не требует, чтобы ей покупали такие платья, как у Киры. А ведь другая девочка на ее месте могла бы, чего доброго, потребовать и причинила бы своей матери боль, еще горшую, чем та, которую Кира причинила Зине. Зина пишет спокойно и достойно: «Мама моя этого делать не может: кроме меня, у нее еще двое».

По-моему, письмо, которое мы с вами только что прочитали, заставляет беспокоиться не за Зину, а за Киру. С Зиной все будет в порядке. Я верю, что она вырастет скромным, добрым, гордым, надежным в дружбе — словом, хорошим человеком. Заметьте — это очень важно! — она не сказала в своем письме ни одного резкого слова о Кире, хотя та, право же, заслужила это своим чванством, эгоизмом, грубостью. Нет, Зина не спешит осудить подругу. Но портрет Киры все-таки сам собой вырисовывается из ее письма. По правде говоря, не очень-то привлекательный портрет.

...Тут я хочу рассказать маленькую историю. Ребята одной из московских школ позвали меня пойти с ними в поход. Знал я их совсем мало. Приходил к ним однажды главу из новой книги прочитать, послушать, что они скажут,— вот и все знакомство.

Был мартовский день. У многих ребят были яркие свитеры и куртки и новенькие, видно, только из магазина рюкзаки или авиационные сумки. На мартовском солнце все это

выглядело очень нарядно. А на одном мальчике—его звали, помнится, Игорь—было такое снаряжение, какого я прежде никогда не видывал! На спине рюкзак из необыкновенного материала, похожего на синюю замшу, со множеством карманов, кармашков, карманчиков, карабинов, «молний» и кнопок. На левом боку у Игоря — ярко-синий плоский термос, на правом — походный топорик из нержавеющей стали в кожаном чехле со специальными прорезями, сквозь которые виден сверкающий синеватый металл топора без единой царапинки. На груди у Игоря два футляра — один с биноклем, другой с фотоаппаратом. Бинокль — полевой, фотоаппарат — новенькая «зеркалка», с встроенным экспонометром. Рукав пушистого свитера слегка вздернут, и на запястье поблескивает браслет с компасом. На ногах ярко-рыжие ботинки на толстенной подошве. Ну, не мальчик, а витрина образцов туристского снаряжения!

Совсем по-другому снарядился в поход Коля. За спиной даже не рюкзак, а простой солдатский мешок, горловина которого затягивается матерчатой лямкой. (В военные годы мы называли такие мешки «сидорами».) На одном боку у Коли керзовая полевая сумка, на другом алюминиевая фляга, обшитая грубым войлоком. Одет он в телогрейку, подпоясанную широким солдатским ремнем. И все это старое, исцарапанное, выцветшее, чиненое. Как только сохранилось! Такие вещи и встретить теперь можно только на витрине какого-нибудь районного музея. Я глядел на них, как на друзей нашей давней военной юности, и не мог наглядеться. Нет, не подумайте, что я расскажу, как Игорь в его экипировке с иголочки оказался в походе размазней, а Коля со своим скромным снаряжением — героем. Ничего такого не случилось. И тот и другой оказались в походе не хуже и не лучше остальных. Класс этот — в пути это стало видно — был не слишком дружным и к походам непривычным. Но сейчас мне хочется сказать не об этом, хотя, как знать, может, все это одно с другим как-то и связано.

Некоторых ребят, особенно девочек, амуниция Игоря притягивала, как магнит. Когда фотографировались (фотоаппараты были у нескольких ребят), они старались стать рядом с Игорем. Сниматься рядом с Колей они не хотели, а у некоторых — об этом и вспоминать неприятно — его ватник, его керзовая полевая сумка, его солдатский заплечный мешок вызывали такое отношение, как Зинино платье у Киры — насмешливое и пренебрежительное: «Неужели не мог одеться получше?» И не пришла в голову этим уже взрослым ребятам мысль, как несравнима истинная цена походного снаряжения Коли, которое принес с войны и вместе с воспоминаниями о войне сохранил его отец, с ценой новехонькой — даже не из магазина, а с какой-нибудь выставки образцов! — амуниции Игоря!

Между прочим, когда несколько дней спустя напечатали походные снимки, стали ими обмениваться, надписывать и дарить, Игорь не захотел ни себе брать, ни дарить кому-нибудь карточек, на которых он был снят во всей своей красе. Мальчик довольно-таки круглолицый, он выглядел на снимках, увешанный всеми своими доспехами, как новогодняя елка украшениями, смешно. Мне он напомнил Тартарена из Тараскона. К чести Игоря надо сказать, что он это понял и в другой раз так не вырядился.

Ну, а Кира? Да ей, верно, и в голову не может прийти, что новые, модные, дорогие, красивые вещи могут сделать их владельца смешными. Окажись она в этом походе, она бы исстрадалась от желания идти и фотографироваться не рядом с Колей, а рядом с Игорем. Изошла бы восторгом перед его сверкающими «молниями», замками, кнопками. Заболела бы жгучей завистью к Игорю и бесилась бы оттого, что у нее таких вещей нет. А вернувшись из похода, стала бы со злыми слезами в голосе требовать от родителей, чтобы к следующему походу и ей добыли что-нибудь такое... Необыкновенное. Чего ни у кого больше нет, а у нее есть!

Но было бы несправедливо упрекать за все это Киру и тех ее сверстников, которые ведут себя вроде нее, и не сказать, что нередко это встречается и среди взрослых. Есть люди, которые судят об окружающих не по тому, что человек знает, может, умеет, а по тому, что он имеет. Не по тому, чего он стоит, как человек, а по тому, сколько стоит его телевизор или холодильник. Им-то Кира и подражает. А подражать не стоит! Жизнь у таких людей безрадостна. Когда у них нет чего-то, что есть у их знакомых или соседей, они изнывают от желания, чтобы добыть шкаф еще полированнее, холодильник еще новее, суперобложку на книге, которую они выставят в шкаф и за другими хлопотами так никогда и не прочтут, еще глянцевитее. Но, купив, достав, добыв то, чего они так страстно желали, они чувствуют себя счастливыми ненадолго. Новые соблазны тут же возникают у них перед глазами. У кого-то есть белая водолазка, а у меня нет! Как жить, не имея белой водолазки! У кого-то в прихожей звонит мелодичный колокольчик, а у меня простой звонок. Как жить без колокольчика? И они не замечают, что в погоне за вещами, нужными и ненужными, растрачивают душевные силы, лучшие дни, месяцы и годы жизни. Они не замечают, что теряют настоящих друзей, которые не хотят состязаться с ними в погоне за вещами и модой, как не хочет Зина состязаться с Кирой по части платьев. Но вот вещи куплены, ими заставлен дом, ими набиты шкафы, а счастья нет: настоящие богатства — богатства души, ума и сердца растрачены черт знает на что!

Кира, когда она отреклась от подруги из-за того, что у той нет такого же, как у нее, Киры, модного платья, сделала первый шаг на этом пути. Это опасный путь и опасный шаг. С Кирой может случиться то, что случилось с Каем из сказки Андерсена «Снежная королева». Помните? Ему в глаз попал осколок зеркала, которое искажает все окружающее. Сердце его заледенело, и все по-настоящему прекрасное, что окружало его, даже любовь и преданность Герды, стало казаться ему ничего не стоящим... Впрочем, зачем пересказывать сказку, которую вы, вероятно, читали. Так вот, Кире, требующей, чтобы подруга, у которой нет модного платья, величала ее по имени-отчеству, пожалуй, уже залетел в глаз осколок этого зеркала. Он, если его оставить в глазу, исказит ее зрение, заледенит ее сердце, бесплодным сделает ум. И от этого холода в сердце, от этой пустоты в уме будет трудно избавиться. Хорошо, если Кира сама вовремя спохватится! Я и написал это письмо, чтобы помочь ей спохватиться. Ну, а так как болезнь иногда приходится лечить горькими лекарствами, я хочу закончить стихотворением Леонида Мартынова. Оно короткое. Вот все его восемь строк:

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу: там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое...
Пусть жрет, пусть лопнет! Мы — враги!

Дело здесь, как вы понимаете, конечно, не в мороженом, а в том, что тот, кого поэт нарисовал с такой силой презрения, не успокоится, пока не съест все, что можно сжевать, пока не напялит на себя все самые модные и самые дорогие вещи. Но и тогда не успокоится. Никогда не успокоится! Жадность и зависть будут гореть в нем неугасимым злым огнем.

Мне хочется, чтобы вы, ребята, и ты, Кира, подумали: а почему поэт назвал человека в дорогом бостоновом костюме, в замшевых щегольских сапогах, во франтовских кожаных перчатках «богатым нищим»? Что это значит — «богатый нищий»? Что может превратить человека в «богатого нищего»?

Поэт — враг богатому нищему. Но ни Зина, приславшая нам письмо о своей размолвке с Кирой, ни я, кто пишет ответ на это письмо, ни редакция, которая его печатает, Кире, конечно, не враги. МЫ ПРОСТО ОЧЕНЬ ЗА НЕЕ ТРЕВОЖИМСЯ! А может быть, тревожиться не из-за чего? Что вы думаете об этом, ребята? Что ты думаешь об этом, девочка, которую мы назвали Кирой, хотя на самом деле тебя зовут иначе?

Шел в комнату, попал в другую

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ст. РАССАДИН, Б. САРНОВ

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ,

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

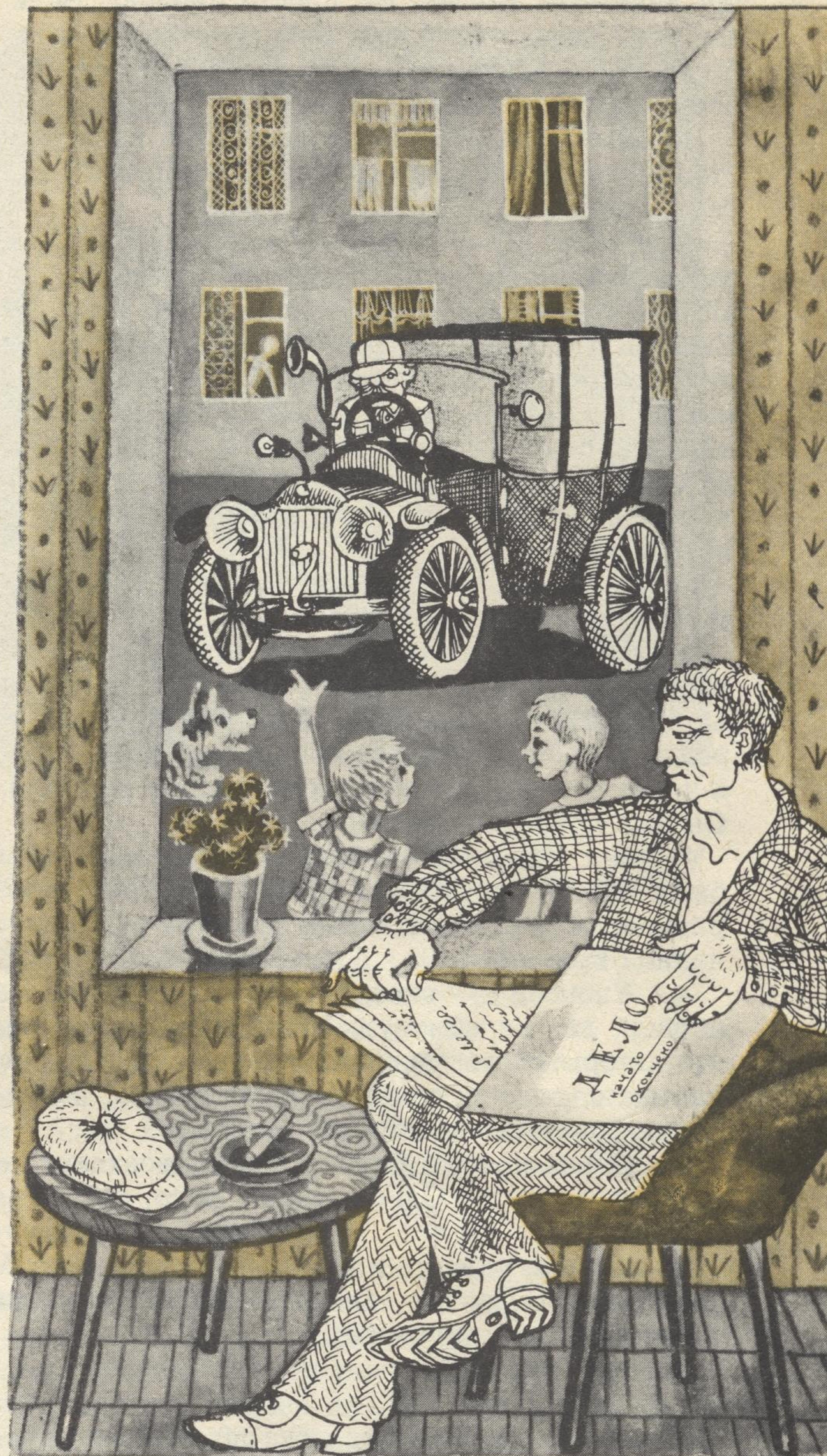
«Командовать парадом буду я!»

Мы сидели и спорили о том, как нам начать этот рассказ.

Известно, что, когда дело идет на лад, не обращаешь внимания ни на какие посторонние звуки. Даже если за одной стеной орет радио, а за другой — надрывается грудной младенец. Но зато когда что-нибудь не получается, любая помеха приводит в ярость.

Итак, мы сидели и спорили. Дело у нас явно не клеилось. И тут вдруг за окном раздался резкий автомобильный сигнал. Да еще какой-то необычный, хотя в то же время почему-то очень знакомый.

— Какое безобразие! — закричали мы и



Великий комбинатор уселся в кресло и положил на колени знакомую нам желтую папку.

подскочили к окну. Прямо перед нашим домом, скрипя тормозами, остановился странный автомобиль. Такой автомобиль сегодня можно увидеть разве что в старом, еще немом кинофильме.

Из автомобиля вылез немолодой человек в грязноватой соломенной шляпе. Выглядел он вполне прилично, если, конечно, не считать того, что брюки у него были несколько коротковаты, так что из-под них виднелись белые завязки кальсон. В руке он держал потрепанный парусиновый портфель.

Через минуту этот человек уже стоял на пороге нашей квартиры.

— Распишитесь! — сурово сказал он, расстегивая портфель и протягивая нам какую-то бумагу.

Мы заглянули в нее, и буквы заплясали перед нашими глазами. Особенно лихо выплясывала буква «э». Она бессовестно толкалась и все время норовила захватить чужое место.

Не веря своим глазам, мы прочли:

«В РЭДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПИОНЭР».

Прочэл в Вашэм журналэ нэлэпоэ сочинэниэ под названиэм «Шэсть Наполэонов и двэнадцать стульэв». Прэдэльно возмущэн нэвэрным освэщэниэм обстоятэльств дэла. Вы утвэрждаэтэ, что Ильф и Пэтров в своэм романэ «Двэнадцать стульэв» пэрэдэлали по-своэму сюжэт произвэдэния писатэля Конан-Дойла «Шэсть Наполэонов». Нэвэрно! Нэ по-своэму, а по-моэму! Нэ они пэрэдэлали, а я пэрэдэлал! Готов прэдставить всэ нэобходимыэ докумэнты. Командовать парадом буду я!

С почтэниэм — прэдсэдатэль правлэния Чэрноморского отдэлэния конторы по заготовкэ рогов и копыт.

О. БЭНДЭР.

ПРИЛОЖЭНИЭ. Бэз приложэний».

— Что такое? — сказали мы. — Это какая-то глупая шутка!

— Какие шутки! — мрачно ответил посланец. — Вы имеете дело с Паниковским!

Надменно сверкнув золотым зубом, он повернулся и ушел, оставив нас в полной растерянности.

Теперь уже никаких сомнений быть не могло. Мы узнали и «Антилопу-Гну», и Паниковского, и неповторимый шрифт этой машинки с турецким акцентом, которую Шура Балаганов купил на базаре по приказанию Остапа Бендера.

— Ну и наглость! — возмутились мы. — Какая нелепая претензия! Что это, собственно, значит: «Нэ они пэрэдэлали, а я пэрэдэлал»? В конце концов кто пишет книгу: герой или автор?

Дело казалось нам настолько ясным, что мы уже совсем было решили положить письмо Остапа Бендера, как говорится, под сукно, то есть оставить его без ответа.

Так бы мы и поступили, если бы на следующее утро вновь не прозвучал под нашими окнами клаксон «Антилопы-Гну». На этот раз из машины вышел уже не Паниковский, а сам Остап Бендер.

«Я добивался от них любви!»

— Только давайте условимся: никаких эксцессов! — предупредил великий комбинатор, неторопливо усаживаясь в кресло и кладя на колени знакомую нам желтую папку с ботиночными тесемками. — Вы не будете размахивать руками, хвататься за голову и падать в обморок.

— Уважаемый Остап Ибрагимович! — спокойно ответили мы. — Нам не только нет причины падать в обморок, нам даже и спорить-то с вами не о чем. Вы уверяете, будто Ильф и Петров писали свои романы чуть ли не под ва-

шу диктовку. Но это же просто смешно! Ведь вы, так сказать, вымысел... Плод их фантазии... Если бы не Ильф и Петров, вас бы вообще на свете не было...

Великий комбинатор положил свою папку на стол и, медленно развязывая ее ботиночные тесемки, сказал:

— Ну что ж, приступим. Господа присяжные заседатели! В качестве свидетелей вызываются авторы романа — Илья Арнольдович Ильф и Евгений Петрович Петров. В моем распоряжении имеются их письменные показания, подлинные и неоспоримые. Свидетели сообщают о крупной ссоре, которая возникла между ними по следующему поводу: убить ли героя романа «Двенадцать стульев» Остапа Бендера или оставить в живых?

Остап порылся в папке и, найдя нужную бумагу, громко прочел вслух:

— «Участь героя решилась жребием. В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынулся череп — и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой».

— Вот видите! — обрадовались мы. — Вы были просто игрушкой в их руках. О чем говорить, если сама ваша жизнь зависела от их случайной прихоти!

— Спокойно, — сказал Остап. — Вы не в церкви, вас не обманут. Итак, мы установили, что авторы долго спорили, прежде чем решили, как им поступить со мной. Может быть, вы сами догадаетесь, почему они спорили?

— Очень просто. Потому что их двое было, — догадались мы. — Один говорил одно, другой — другое...

— Просто удивительно, до чего туго вы соображаете, — вздохнул Остап. — Разве же они спорили друг с другом?

— А с кем же?

— Со мной!

Великий комбинатор слегка помрачнел.

— В тот раз они, правда, со мной не согласились, и мне пришлось перенести маленькую операцию. — Он провел пальцем по красноватому шраму, пересекающему его шею атлета. — Но потом они горько пожалели об этом. Можете убедиться. Документ второй. Личные показания одного из авторов.

Остап снова раскрыл свою папку и снова прочел вслух:

— «Судьба великого комбинатора была решена при помощи маленькой лотереи. Впоследствии мы очень досадовали на это легкомыслие, которое можно было объяснить лишь молодостью и слишком большим запасом веселья».

Дочитав это свидетельское показание, Остап аккуратно сложил его и спрятал назад, в папку.

— Как видите, — удовлетворенно сказал он, — Ильф и Петров умели признавать свои ошибки. Они воскресили меня...

— Ага! — оживились мы. — Значит, вы признаете, что все-таки это они воскресили вас?

— Они-то они! Но если бы вы знали, чего мне это стоило! Я действовал то хитростью, то напором. Я пускал в ход все свое обаяние... И, наконец, добился... Авторы полюбили меня, и им стало жаль со мной расставаться.

— Интересно, как же вы сумели этого добиться? — ехидно спросили мы.

— Не давите на мою психику, — сказал Остап. — Документ третий. Еще одно свидетельское показание самих авторов: — «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была приготовлена фраза, которую мы слышали от одного нашего знакомого бильярдиста: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер стал постепенно выпирать из приготовленных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы обращались с ним как с живым человеком и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу...»

На этих словах великий комбинатор слегка поморщился.

— Ну, насчет нахальства можно бы и полегче, — сказал он. — Хотя, если бы не это мое так называемое нахальство, я бы, наверно, так и остался мелкой эпизодической фигурой. А теперь... — Остап самодовольно усмехнулся. — Ну как? Вопросы есть?

Мы подавленно молчали. Остап встал.

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели!.. В свое время вы были извещены письмом, что командовать парадом буду я. Так вот, парад наступил, и я, как вы можете заметить, им командую... Счастливо оставаться!.. Адье!

И великий комбинатор растаял в воздухе.

Непослушные герои

Вы, конечно, уже давно догадались, что ни с каким визитом Остап Бендер к нам не приходил. Все это мы выдумали.

Хотя, впрочем, не совсем выдумали. Мы решили: если Остап спорил со своими создателями, то почему бы ему не вступить в спор и с нами? А уж вступив в спор, он наверняка будет вести его в своей обычной манере...

Конечно, далеко не все из того, что говорил нам Остап, следует принимать на веру. Он, безусловно, прихвастнул и кое в чем свою роль преувеличил. Но существа дела он не исказил. Он действительно не пожелал оставаться в тех рамках, которые приготовили для него авторы романа. И авторы действительно пошли ему навстречу, потому что не смогли с ним сладить.

Так было не только у Ильфа и Петрова с Остапом Бендером.

Настоящие писатели очень часто оказываются в той роли, в какой оказался папа Карло, когда он старательно пытался вырезать из полена умненького, благоразумненького Буратино.

Помните?

«Первым делом папа Карло вырезал на полене волосы, потом — лоб, потом — глаза...

Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...

Карло и виду не подал, что испугался, только ласково спросил:

— Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите на меня?

Но кукла молчала — должно быть, потому, что у нее еще не было рта. Карло выстругал щеки, потом выстругал нос — обыкновенный...

Вдруг нос сам начал вытягиваться, расти, и получился такой длинный, острый нос, что Карло даже крякнул:

— Нехорошо, длинен...

И начал срезать у носа кончик. Не тут-то было. Нос вертелся, вывертывался, так и остался длинным-длинным, любопытным, острым носом...

— Послушай, — сказал Карло строго, — ведь я еще не кончил тебя мастерить, а ты уже принялся баловаться... Что же дальше-то будет... А?..»

Как видите, папа Карло только еще начал мастерить своего Буратино, а у того уже оказался свой характер — озорной и непоседливый.

— Подумаешь, — скажете вы. — Но ведь это же сказка, шутка, выдумка!

Верно, сказка. Только ведь, как говорил Пушкин, «сказка — ложь, да в ней намек...».

И намекает вся эта сказочная история на то, как мастерил того же самого Буратино уже не выдуманный папа Карло, а самый что ни на есть настоящий мастер — писатель Алексей Николаевич Толстой. Он собирался сначала всего лишь пересказать по-русски знаменитую сказку итальянца Карло Коллоди «Пиноккио». И первые главы «Золотого ключика» почти в точности повторяют сюжет Коллоди. Но потом, может быть, даже неожиданно для самого автора, у Буратино прорезался совсем другой характер, не такой, как у Пиноккио. Деревянный человечек стал своевольничать, он полез в драку с самим Карабасом Барабасом, он втягивал автора все в новые и новые приключения, о которых и слыхом не слыхать было в итальянской сказке.

Но, может быть, так ведут себя не все герои, а только некоторые? Такие, как нахальный Остап Бендер или озорной, непослушный Буратино?

Оказывается, все. Оказывается, даже кроткая Татьяна Ларина — и та не хотела слушаться своего создателя, норовила поступить по-своему.

«Представь себе, — писал Пушкин одному своему знакомому, — какую штуку удрала со мною Татьяна! Она замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее...»

А вот что рассказывал Л. Н. Толстой о Вронском, герое своего романа «Анна Каренина»:

«Глава о том, как Вронский принял свою роль после свидания с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять и совершенно неожиданно для меня, но несомненно Вронский стал стреляться...»



— Послушай,— сказал Карло строго,— ведь я еще не кончил тебя мастерить, а ты уже принялся баловаться...

Когда одна читательница упрекнула Толстого в том, что он очень жестоко поступил с Анной Карениной, Толстой напомнил ей слова Пушкина о неожиданном поступке Татьяны Лариной и добавил: «То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы».

Странно, не правда ли?

Что там ни говори, книгу-то ведь все-таки пишет автор. В конце концов это только от него и ни от кого другого зависит, что станет с его героем. Почему же Пушкин и Толстой говорят, что поведение героев явилось для них полной неожиданностью? И как это может быть, чтобы герой или героиня выкидывали «такие штуки», каких автор «не желал бы», то есть поступали бы против воли автора?

На этот вопрос очень хорошо ответил известный советский писатель Вячеслав Шишков. Он обратил внимание на то, что герой обычно начинает «спорить» с автором не сразу, а только тогда, когда сделана уже какая-то часть работы:

«Писать-то начинаешь, конечно, по плану. Но когда примерно четверть работы сделана, возникают сначала недомолвки, потом и жестокие ссоры автора с героями. Автор сует в нос героя план: — «Полезай сюда, вот в это место», — а герой упирается, не лезет...»

Что же вдруг такое случается с писателем? И почему это случается с ним не сразу, а всегда где-то на полпути?

Шишков объясняет это тем, что герои, придуманные автором, ведут себя послушно, пока они еще «беспомощные, слабые, похожие на марионеток». А потом «герои произведения все больше и больше набираются соками творимой жизни, вот их сердце стало биться полнокровными



«...совершенно неожиданно для меня, но несомненно Вронский стал стреляться...»

ударами, им дана сила воли, мысль, душа, они становятся, наконец, близкими, как бы давно знакомыми нам людьми. Тогда удивленный автор отходит в сторону; он больше не властен распоряжаться судьбою им же созданных героев: они из марионеток превратились теперь в живых людей...»

Вот в этом-то все дело. Герой постепенно становится живым человеком. И не просто живым, но бесконечно знакомым и близким автору.

Представьте себе: вам сказали про вашего близкого друга, что он совершил подлость. Без сомнения, вы сразу же скажете: «Этого не может быть!» Вы не были при этом, но вы хорошо знаете человека, о котором идет речь, и, следовательно, точно знаете, что он не способен совершить тот поступок, в котором его обвиняют.

То же происходит и с писателем.

Настоящий писатель постепенно начинает относиться к своим выдуманным героям, как к хорошим знакомым: он видит их, разговаривает с ними, знает все их мельчайшие наклонности и привычки. С каждым днем он узнает их все лучше и лучше. И ничего удивительного нет в том, что в один прекрасный день ему становится ясно: «Нет, этот человек так поступить не может. Он должен поступить иначе!»

Конечно, писатель легко может проявить настойчивость, сунуть в нос герою свой первоначальный план и сказать: «Полезай сюда! Без разговоров! Не стану я из-за тебя изменять свои планы!»

Для того, чтобы поступить так, писателю нужно только одно: перестать быть настоящим художником.

Если бы Алексей Николаевич Толстой не был самостоятельным, талантливым художником, если бы он сумел ограничиться ролью простого пересказчика чужой книги, ему бы ничего не стоило «дисциплинировать» своего непослушного Буратино.

То же самое можно сказать и про Ильфа и Петрова. Если бы они не были такими талантливыми художниками, они обязательно постарались бы настоять на своем и отдали бы Остапу ровно столько места, сколько у них было запланировано с самого начала.

Попробуем представить себе, что бы из этого получилось.

Шел в комнату, попал в другую...

Для этого нам придется перенестись в 1927 год, в редакцию газеты «Гудок», где в то время работали два молодых журналиста Илья Ильф и Евгений Петров, еще даже не подозревавшие, что на свете скоро появится новый знаменитый писатель по имени «Ильф и Петров».

Однажды в редакцию «Гудка» заглянул старший брат Евгения Петрова, в то время уже известный писатель Валентин Катаев.

Он вошел со словами:

— Я хочу стать советским Дюма-отцом.

Заявление это вовсе не означало, что Катаев собирался написать роман в духе «Трех мушкетеров» или «Графа Монте-Кристо». Он имел в виду распространенную легенду, будто бы Дюма-отец (или по-французски Дюма-пер) некоторые свои романы писал с помощью так называемых «негров» — наемных литераторов, которые трудолюбиво разрабатывали его великолепные замыслы.

— Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пером? — спросил Ильф.

— Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа, — ответил Катаев. — Я буду Дюма-отцом, а вы будете моими «неграми». Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править.

Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера — и готово! Как Дюма-пер. Ну? Кто желает? Только помните, я собираюсь держать вас в черном теле.

И он сразу перешел от шуток к делу.

— Есть отличная тема, — сказал Катаев. — Стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман?.. А?.. Соглашайтесь!

Катаев бросил эту блестящую идею и ушел по своим делам, может быть, даже позабыв об этом полушутливом разговоре.

Но Ильф и Петров о нем не забыли.

— Ну что, будем писать? — спросил Петров.

— Что ж, можно попробовать, — ответил Ильф. — Мне понравилось про эти стулья.

И они засели за работу.

Это не забавный анекдот, а чистая правда, рассказанная самим Евгением Петровым.

Сперва Ильф и Петров честно пытались следовать той сюжетной схеме, которую предложил им Валентин Катаев и которая, как мы говорили в нашем прошлом рассказе, была заимствована у Конан-Дойля из его «Шести Наполеонов». И вот тут-то и произошло то, о чем вы уже знаете.

Остап Бендер стал сопротивляться авторам. И не он один. В роман нахальной толпой хлынули и другие незапланированные персонажи: вдова Грицацуева, людоедка Эллочка, инженер Щукин, голубой воришка Альхен, Авессалом Изнуренков, нэпман Кислярский, незадачливый стихотворец Никифор Ляпис и еще многие-многие герои, выхваченные авторами из самой жизни. Неожиданно для себя Ильф и Петров вдруг стали подробно описывать и пуск первого трамвая в Старгороде, и редакционный быт газеты «Станок», в которой легко угадывался так хорошо им знакомый «Гудок», и шахматный сеанс в Васюках, и нелепое трюкачество режиссера Ник. Сестрина...

Евгений Петров потом признавался:

— В наши два романа мы вогнали столько наблюдений, мыслей и выдумки, что хватило бы еще на десять книг. Такие уж мы неэкономные...

Безо всех этих наблюдений и мыслей, без этой безудержной, «неэкономной» выдумки тот авантюрный, приключенческий, конан-дойлевский сюжет, который «подкинул» своим «неграм» Катаев, не только вполне мог обойтись. Он без них даже выиграл бы: ведь от приключенческого сюжета требуется стремительность, геометрическая четкость, полная подчиненность действия раскрытию **тайны**, которая служит главной приманкой читательского интереса. А здесь мы порою даже забываем об этой интригующей тайне, о бриллиантах мадам Петуховой, запрятанных в одном из двенадцати стульев. Мы не только увлечены пестрой, веселой картиной жизни, но и как бы сами участвуем в ней. Детективный сюжет, который в «Шести Наполеонах» был главной целью, приманкой и существом рассказа, в «Двенадцати стульях» оказывается не более чем поводом для веселых и грустных размышлений о жизни.



Меткий и точный взгляд Ильфа и Петрова, их острый, язвительный ум, их наблюдательность и интерес к жизни помешали им добросовестно осуществить замысел новоявленного Дюма-пера. Но эти же качества помогли им написать великолепную, яркую, самобытную книгу.

Впрочем, сами они этого пока еще не знали. Закончив работу, они очень смутно представляли себе, что у них получилось:

«Мы никак не могли себе представить, хорошо мы написали или плохо. Если бы Дюма-отец, он же Валентин Катаев, сказал нам, что мы принесли галиматью, мы нисколько не удивились бы. Мы готовились к самому худшему.

Но он прочел рукопись и очень серьезно сказал:

— Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели.

— А как же рука мастера? — спросил Ильф.

— Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пера. Продолжайте писать сами...»

Так погибла прекрасная мечта Валентина Катаева стать советским Дюма-отцом.

Хороших «негров» из Ильфа и Петрова не вышло. Зато вышло нечто лучшее: в литературе появились два талантливых, оригинальных писателя.

Так что же, выходит, Ильф и Петров хотели написать одну книгу, а вышла у них совсем другая? Неужели так может быть?

Не только может быть, но очень часто именно так и бывает.

Александр Иванович Герцен прекрасно сказал о романе Тургенева «Отцы и дети»: «Тургенев был больше художник в своем романе, чем думают, и оттого сбился с дороги, и, по-моему, очень хорошо сделал — шел в комнату, попал в другую, зато в лучшую...» (О том, как это произошло, вы прочтете в следующем нашем рассказе.)

Ильф и Петров тоже оказались «больше художники», чем о них думали. Если бы они сумели призвать своих героев к порядку и заставили их ходить по струнке заранее придуманного приключенческого сюжета, они в лучшем случае написали бы еще один неплохой детектив. Дав своим героям волю, они создали произведение, ставшее классикой советской сатиры. Они тоже «шли в комнату, попали в другую, зато в лучшую». ★

Сказка о девочке

Александру Мелентьевичу Волкову исполнилось восемьдесят лет. Мы поздравили писателя и спросили его, каковы его планы, о чем он собирается рассказывать своим читателям. Прочитайте, что ответил нам Александр Мелентьевич.

В середине тридцатых годов мне довелось прочитать на английском языке известную в Америке сказку Франка Баума «Мудрец из страны Оз».

Сказка Баума привлекла меня оригинальностью своих героев, удивительной их судьбой. Девочка Элли, занесенная в Волшебную страну ураганом, находит своих будущих друзей в самом бедственном положении: соломенное чучело Страшила сидит на колу в пшеничном поле, а над ним смеются нахальные вороны; Железный Дровосек, заколдованный злой волшебницей, ржавеет в глухом лесу; Лев, который по всем сказочным законам должен был бы править звериным царством, всех и всего боится.

А как необычны их желания! Страшиле нужны мозги: с мозгами в голове он станет, как все люди. Дровосек хочет получить сердце, которое могло бы любить. Льву без смелости не сделаться царем зверей; если он этого добьется, то станет править мудро и справедливо.

Все было задумано Баумом очень хорошо, и, однако, чтобы представить сказку советским детям, потребовалась большая переработка. И я придумал предсказание магической книги Виллины: «Пусть Элли поможет трем существам добиться исполнения их заветных желаний, и тогда она вернется домой».

Герои бодро зашагали по дороге, друзья идут в Изумрудный город: только там могут исполниться их желания. Но путь их далек и труден, много на нем опасностей и препятствий. И, преодолевая эти препятствия, герои сказки приобретают те качества, к которым стремятся. Страшила становится умным, Дровосек — добрым, Лев — смелым.

Сказка мудро говорит: не старайтесь получить счастье из чужих рук, добивайтесь его в борьбе, во взаимной выручке, помогайте друг другу, и победа будет за вами!

Сказка кончилась, перевернута последняя страница книги. Но ребята не хотят расставаться с Элли и ее друзьями. Ко мне летят письма: а что было дальше?

Не мог я остаться равнодушным к просьбам читателей и решил продолжить повествование об удивительных созданиях, населяю-

* НОВЫЕ КНИГИ * НОВЫЕ КНИГИ *

В. Бандурак
«ПОД ВЫСОКИМИ ТАТРАМИ»

Юрко был мальчишкой, когда отец взял его с собой в Поронино. Это было еще до революции. Ленин и Крупская жили тогда в том небольшом польском местечке. Об их встречах с детьми и взрослыми, о дружбе с рабочими-угольщиками, чабанами и их детьми рассказывает старый чабан Юро Шафранюк, который еще помнит «профессора дядю Водю», как называли в то время Ильича местные ребятишки.

А. Гудайтис-Гузявичус
«ЧЕРНАЯ ТОРПЕДА»

Это — первое произведение для детей выдающегося литовского писателя. «Черная торпеда» — повесть о детстве и революции.

Герой книги — мальчик, сын литовского рабочего. Семью его семнадцатый год застал в Москве. Мальчик был свидетелем и участником революционных событий, видел первые шаги молодой Советской республики. Книга во многом автобиографична.





ЭЛЛИ И ЕЕ ДРУЗЬЯХ



щих Волшебную страну, которую изучил так хорошо, будто путешествовал по ней и исколесил ее из конца в конец. Я написал повести «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» и «Семь подземных королей», которая должна была стать последней в цикле сказок о Волшебной стране. Путь к отступлению отрезала Рамина, королева полевых мышей. Она предсказала Элли, что та уже никогда не вернется к своим друзьям Страшиле, Дровосеку, Льву.

Но воля читателей оказалась сильнее воли автора. Посыпалось множество писем с протестами. А многие читатели просят сделать так, чтобы фея Рамина ошиблась, чтобы ее предсказание оказалось неверным и Элли еще не один раз вернулась в Волшебную страну...

Мое сердце не выдержало—я начал писать четвертую сказку. Но подрывать авторитет фей, пусть даже таких, как крошка Рамина,—опасное дело для сказочника.

Цикл сказок о Волшебной стране продолжается, но Элли уже не пересекает Великую Пустыню, ее заменила младшая сестра Энни. О ней и ее друге Тиме О'Келли повествуют следующие сказки: «Огненный бог Марранов» и «Желтый туман».

Заметьте, в первой сказке речь шла только о том, чтобы исполнились заветные желания Страшилы, Дровосека и Льва, а Элли вернулась на родину.

Во второй народам Волшебной страны приходится бороться за свою независимость с деревянными солдатами Урфина Джюса, в третьей Подземные Рудокопы восстают против порядка, который тяготел над людьми в продолжение тысячелетий. А в четвертой сказке в течение многих месяцев Марраны проходят тот путь человеческой истории, на который народам большого мира понадобились долгие годы. В сказке «Желтый туман» речь идет не только о свободе обитателей Волшебной страны — чары злой Арахны угрожают самому ее существованию...

Может быть, вы спросите меня: что же будет дальше? Чем все это кончится?

Прочтете — узнаете.

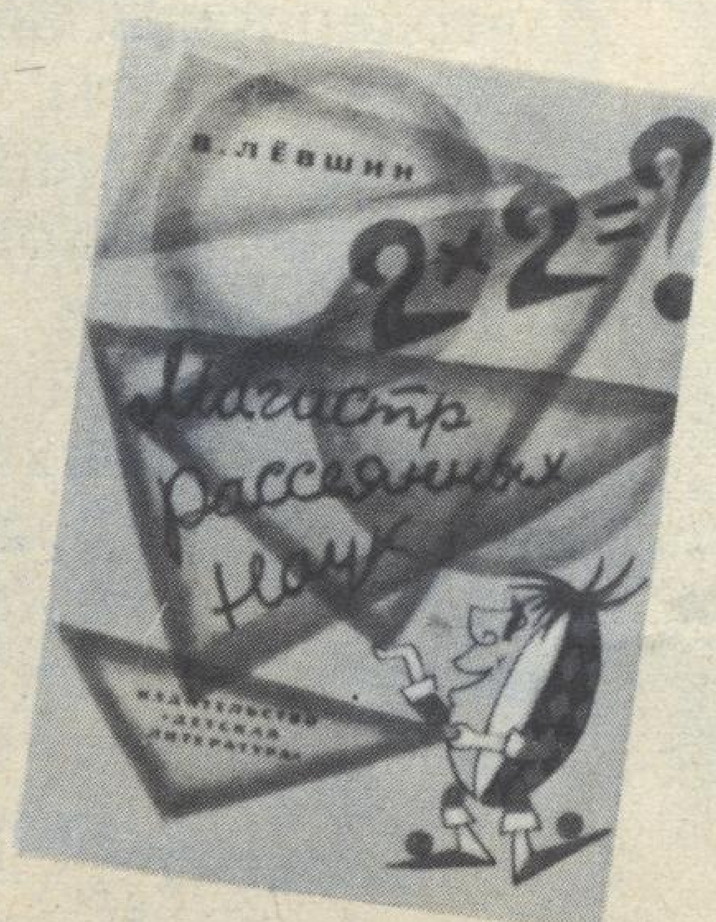
Будут ли еще сказки о Волшебной стране?

Возможно...

Александр ВОЛКОВ

✽ НОВЫЕ КНИГИ ✽ НОВЫЕ КНИГИ ✽





Иван Данилов
«ЛЕСНЫЕ ЯБЛОКИ»

Детство автора прошло в годы Великой Отечественной войны в прифронтовой полосе, тогда он узнал настоящую дружбу, силу коллектива, первую сердечную тревогу. О своем детстве, о своих товарищах рассказывает писатель.

В. Лёвшин
«МАГИСТР РАССЕЯННЫХ НАУК»

Вы, может быть, уже знакомы с Таней, Севой, Олегом и Нуликом — героями книг «Три дня в Карликании» и «Черная маска из Аль-Джебры»? Так вот, автор познакомил их с диссертацией рассеянного математика. И друзья организовали Клуб Рассеянного Магистра. На заседаниях клуба ребята внимательно изучали его «диссертацию», подмечали несуразности, которые он допустил: как говорят, на ошибках мы учимся. Посмотрите и вы задачи Рассеянного Магистра, вам тоже интересно будет разобраться в его ошибках. А ребята, ваши давние знакомые, помогут вам. Итак, желаем успеха!







Тихие звезды стихов

Я прочитал книгу, и мне захотелось тут же рассказать о ней, чтобы все узнали ее, заговорили о ней, любуясь стихами и отдельными строчками, которые пришлись по душе.

Речь идет о новом сборнике **Валентина Берестова «Зимние звезды»**—он вышел в свет в самом начале этого года. И вот, так недолго прожив в необозримом мире других звезд, маленький сборник очень быстро нашел внимание к себе и любовь. Это потому, что сам он излучает внимание и любовь.

Вглядитесь-ка вы сами в одно стихотворение, где лишь четыре строки и два десятка обыкновенных слов:

Привычный друг, привычная работа.
Жизнь без чудес. (К ним даже вкус исчез.)
Живешь, и вдруг тебя полюбит кто-то.
За что? Про что? Вот чудо из чудес.

Что пережил поэт в году, которым датировано стихотворение, мы не знаем, да и дела нам нет — мы сию минуту, сейчас же по какому-то щучьему велению говорим себе: «А я? Кто же дотронется и до моего сердца, чтобы и я ощутил вот такую радость и такую же благодарность?»

Живешь, и вдруг тебя полюбит кто-то.

За что?

Строчка из стихов легла на память, запала в душу, растрогала сердце. В одно мгновение она нарисовала в уме целую картину, и не одну, а столько же картин, сколько читающих людей.

Живешь, и вдруг...

Мы все так живем — всегда с ожиданием, и ко всем нам наши «вдруг» приходят, как нежданная радость, вот так же, как сильно и просто сказано об этом в стихотворении.

Мне очень нравится спокойная манера поэта негромко рассказывать, выбирая для рассказов истории всегда удивительно простые, ясные для пишущего так же, как и для читающего, а потому и тот и другой на любой строке в этой уютной, теплой книге все время вместе и будто беседуют. Вот смотрите:

Здесь начинается Москва
С оврагов и грачей,
С кудрявой ивы у мостка,
С приезжих москвичей,
С антенн, церквушек, облаков,
Горчичной желтизны,
Грохочущих грузовиков
И сельской тишины.

Кто же, спрашивается, этого не видел? Кто, видя это, не чувствовал вот так же любви к милому, летнему дню, который тем и дорог, что всегда был и всегда будет и принадлежит нам с вами так же, как мы с вами принадлежим ему. И вы знаете, что называется это — чувствовать Родину, и поэт знает. И его стихи — удивительный миг. Теперь мимолетное чувство живет в строке, в книге, называется стихотворением.

Поразительное свойство стихов, они трогают сердце человека и любовь ли будят в его душе, грусть ли, или же радость — в ответ вызывают благодарность. За что?

За те минуты, когда, читая, человек ощущает: весь мир поэтичен, полон движения, красок, музыки.

Мне очень понравились тихие звезды стихов в книге, и всем ребятам, любящим поэзию, я с удовольствием рекомендую: прочтите! Это книга умная, добрая и поэтичная.

Сергей **АРТАМОНОВ**

Рисунки М. МИТУРИЧА.



Собираясь на рыбалку

Живые насадки

Собираясь на рыбалку, надо запастись разнообразной насадкой, лучше всего живой: мотылем, ручейником, мальком. Ведь и у рыбы вкусы разные.

Мотыль

Это личинка комара-дергунца, червячок рубинового цвета. Лакомый корм для многих рыб: окуня, плотвы, красноперки, подлещика, подъязка. А если насадить на крючок кисть мотылей, штук пять, шесть, можно поймать и крупную рыбу: леща, линя, голавля.

Искать мотыля надо на дне тихих, непроточных прудов и озер, вблизи берега, в иле. Железным черпаком вы поддеваете лежащий на дне ил, вытряхиваете его в решето, наполовину погруженное в воду. Круговыми движениями покачиваете решето: ил вымывается, а мотыль остается. Выберите его из мусора в решете и положите в стеклянную банку с водой.

Можно добыть мотыля и другим, более простым способом. В мешочек, сшитый из марли, положите несколько кусочков сырого мяса или рыбы. Придя на пруд, опустите мешочек с начинкой на дно вблизи берега. Пусть он полежит там сутки. Когда вновь придете и извлечете из воды мешочек, в нем окажется много мотыля.

Мотыля следует держать в стеклянной трехлитровой банке с илом и водой, которую надо менять почаще. Но какой водой? Только не из водопровода, а из пруда, откуда вы извлекли мотыля. Собрались на рыбалку, достаньте из банки десятка два-три живых мотылей, положите их в деревянную коробочку с влажной тряпочкой на дне и отправляйтесь на речку, озеро, пруд.

Насаживать на крючок мотыля надо за второе сочленение, под голову, не выводя жало наружу.

Ручейник

Прекрасная насадка при ловле окуней и плотвы.

Само название говорит, где он водится, — на дне ручьев.

Вы идете по берегу и видите: по дну медленно ползет тростниковая трубочка, из которой выглядывает черноголовая личинка. Это и есть ручейник. Если его, взяв за голову, вытащить из трубочки, на ладони окажется толстый, ворсистый червячок, сверху черный, снизу мутновато-зеленый.



Заранее запасаться им не следует. Эту насадку вы всегда найдете там, где ловите рыбу. Держите червячков в посуде с чистой, проточной водой, почаще ее меняйте. Можно их сохранять и во влажной тряпочке, которую следует почаще спрыскивать водой.

Умудренные опытом рыболовы, охотящиеся за крупной рыбой, насаживают на крючок сразу несколько ручейников. Ну что ж, попробуйте и вы так сделать. Глядишь, и клюнет лещ.

Малек

Вы когда-нибудь видели, как окунь гоняется за мелкой рыбешкой мальком? Налетит на стаю и давай расправляться с теми, кто не успел улепетнуть.

Самое время насадить на крючок малька. А им-то вы и не запаслись. Не унывайте.

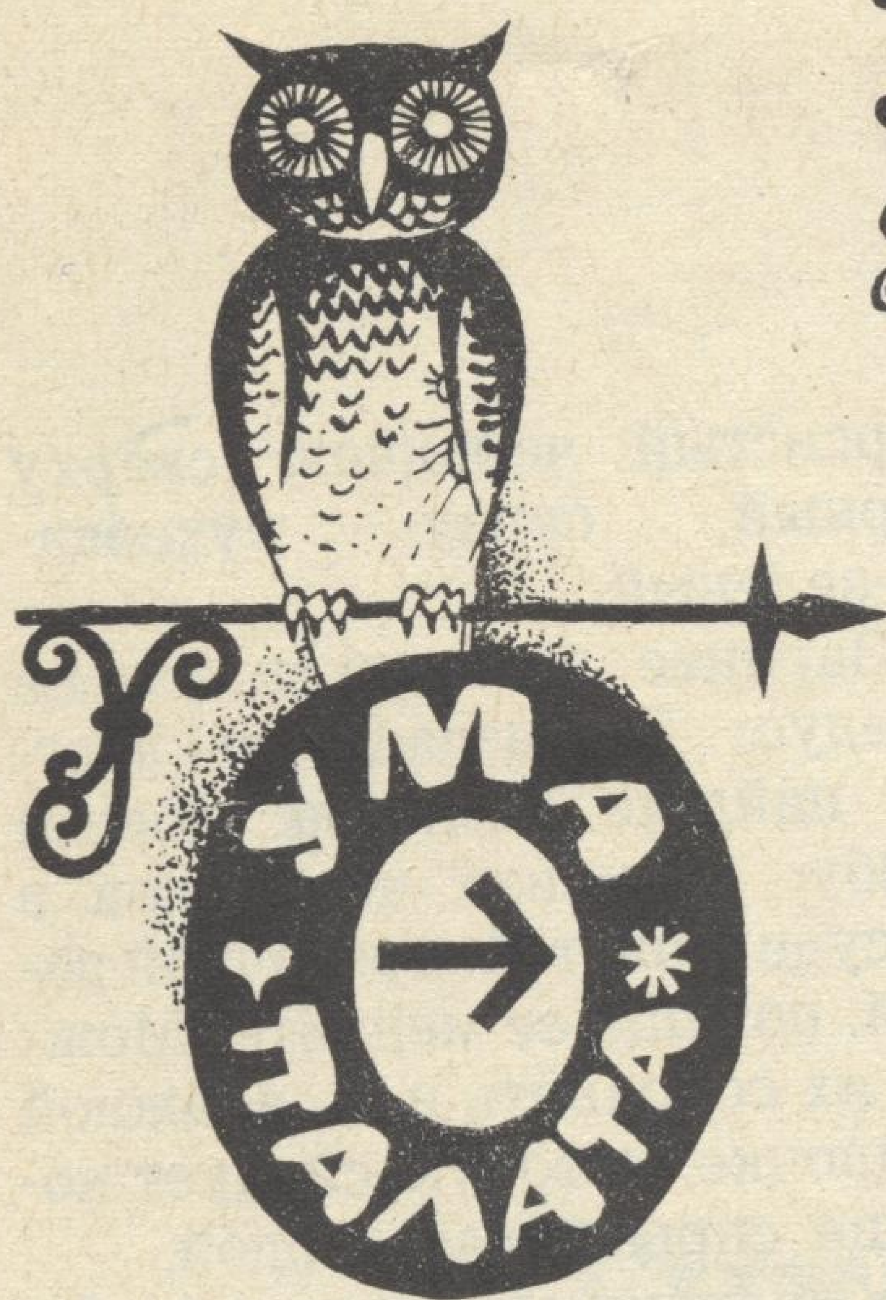
Малек всегда держится на песчаной мели, возле самого берега, где воды с ладонь. Заманите его в ловушку, в ямку, выкопанную руками и соединенную с рекой узким-преузким каналом, тоже прорытым руками. Ямка тут же заполнится водой, а вместе с ней хлынет и малек. Засыпьте песком вход в канавку и руками вылавливайте застрявших в ямке мальков. Сажайте их в ведерко с водой, а затем на крючок.

Малек — очень нежная рыбешка. Насаживать его надо умеючи: вначале пронизываете крючком нижнюю губку, а затем через ноздрю — верхнюю.

Забрасывайте леску с живой насадкой туда, где окунь гоняется за мальком. Наверняка схватит и попадется.

В. БОРОНИН

Рисунок Ю. КОРНЕЕВА.



Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

ЗАГАДКА НА ЗАГАДКЕ

По следам Али-Бабы



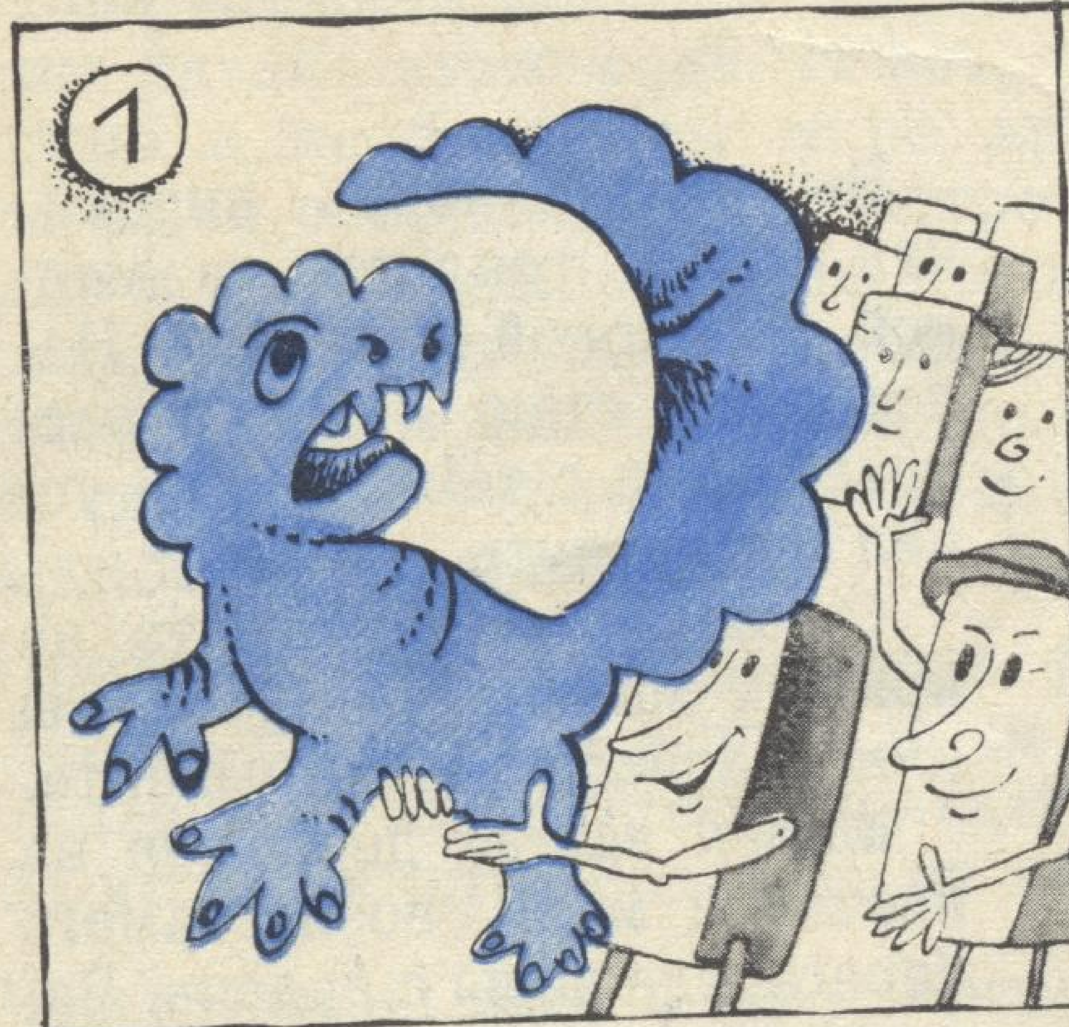
Вы помните, какие слова произнес Али-Баба, чтобы войти в пещеру? Если забыли, можете прочитать их на экране, который висит в пещере. На нем написано еще, что подумал герой сказки, когда проник в сокровищницу, и что воскликнул, когда вспыхнула его волшебная лампа. Чудеса чудесами, но посмотрите, некоторые вещи, которые нарисовал художник, никак не могли попасть в руки древних разбойников, устроивших здесь свой тайник. Какие же это вещи? На картинке есть также два предмета, очень похожие друг на друга, и все же у них можно обнаружить пять несовпадающих деталей.

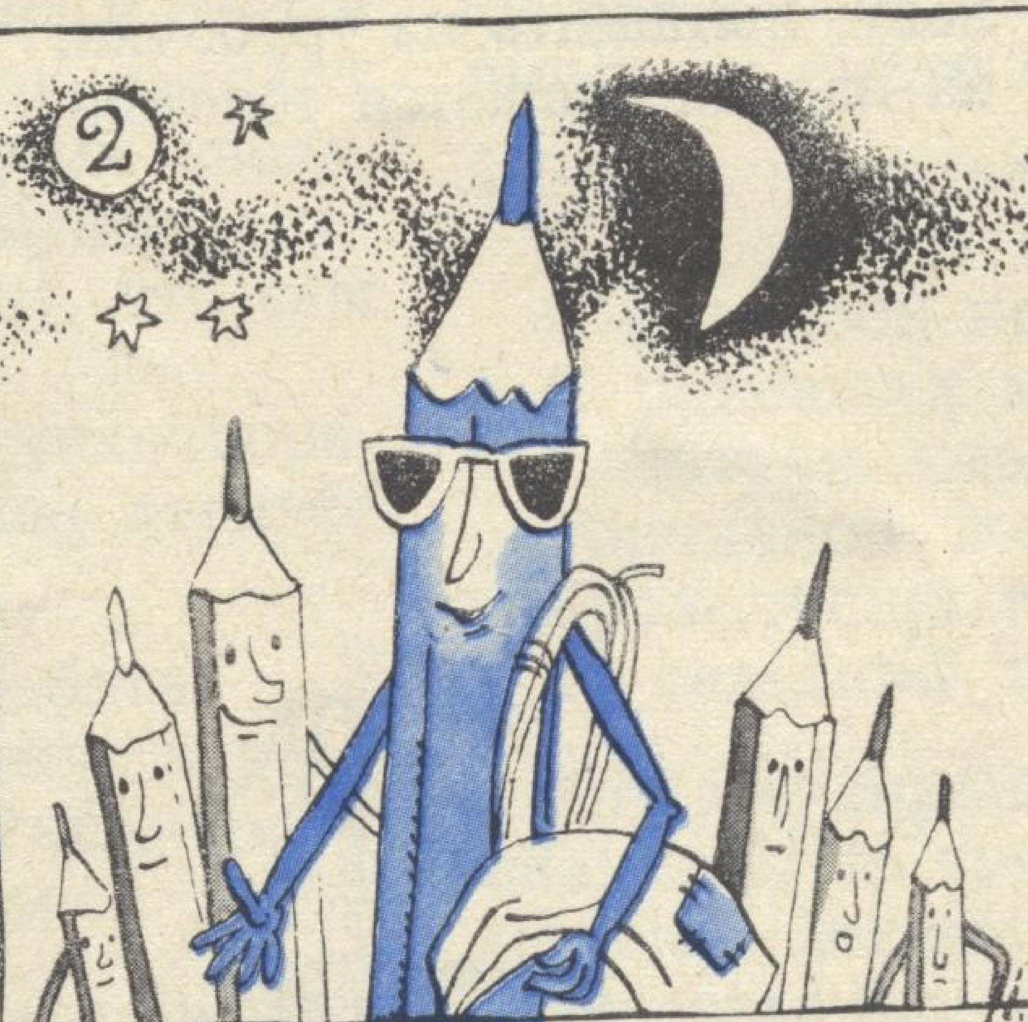
А где вторая сережка Али-Бабы? Поищите ее среди ваз и кувшинов!

Найдите, нет ли среди сокровищ чего-нибудь такого, что изображено на картине в раме.

Вот сколько вопросов сразу! Загадка на загадке.

Записки капитана Перо-86





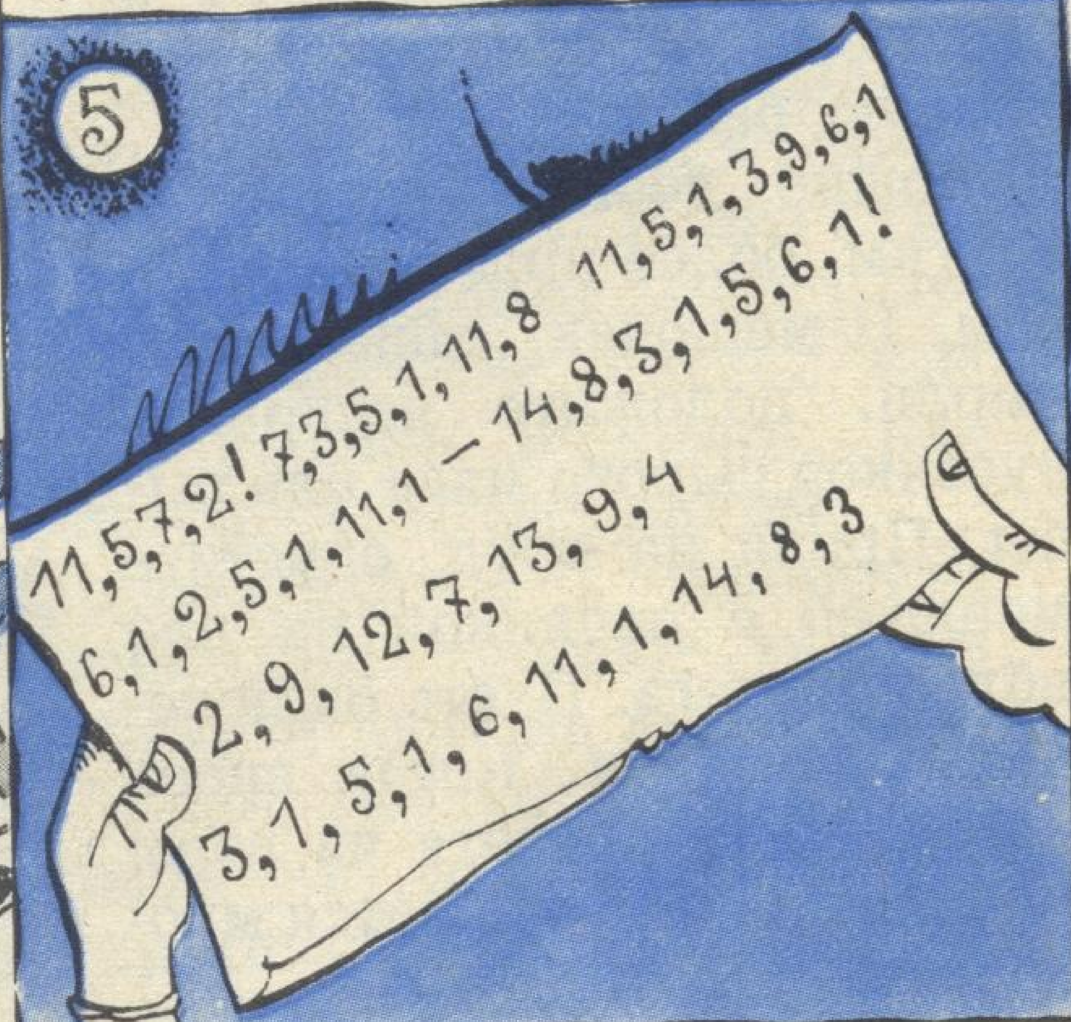


ПОХИЩЕНИЕ ДРАКОНА

1. За победу в состязаниях по плаванию команда резинок получила приз — надувного дракона.
2. Карандаши решили украсть дракона. Эту операцию они поручили провести голубому карандашику и его друзьям, которые славились своей ловкостью и изобретательностью.
3. Резинки узнали об этом и попросили меня тайно охранять вход в клуб.
4. Ночью у дверей клуба я задержал желтый огрызок карандаша, поведение которого мне показалось подозрительным.
5. Огрызок утверждал, что он ничего не знает. Я обыскал его и нашел шифрованную записку, которая выдала его с головой. Могли бы вы прочесть, что в ней написано?

Помните, что операцией похищения дракона руководил голубой карандашик.





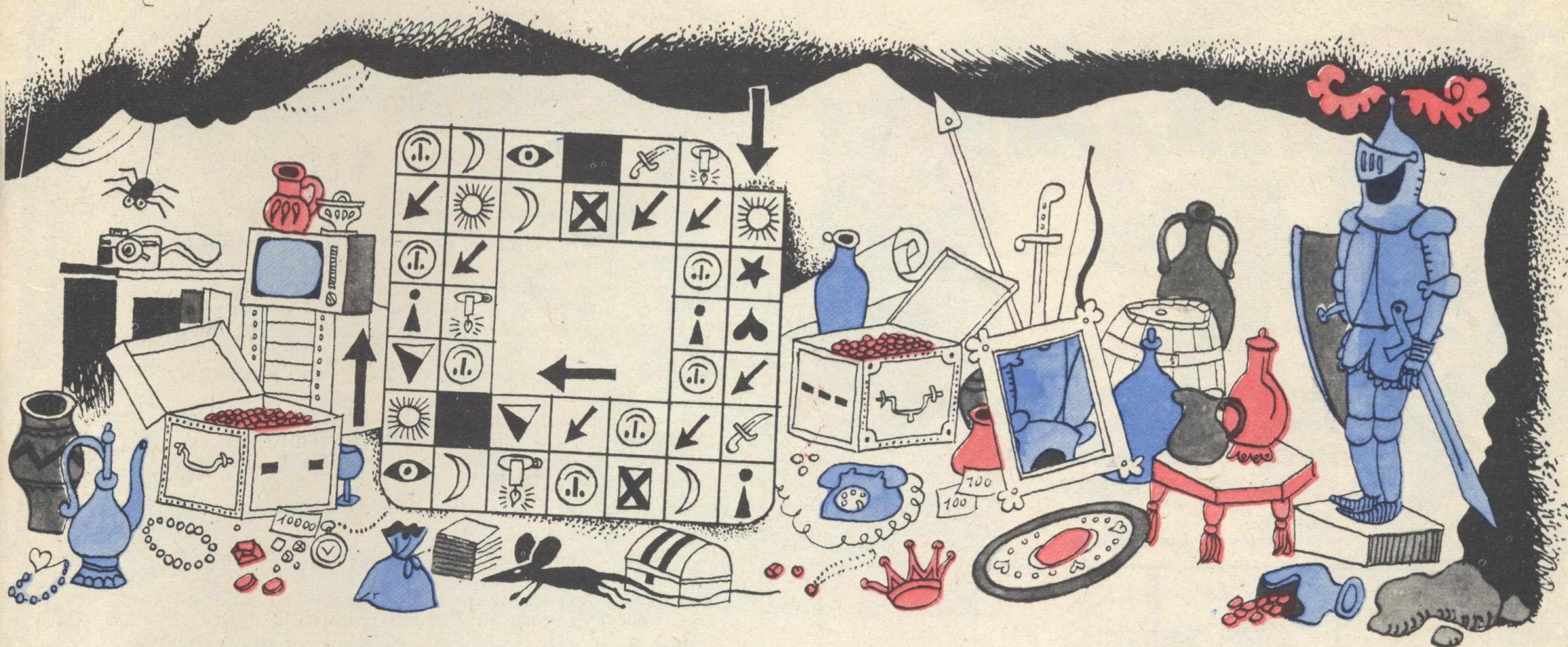
Ответы на задачи из номера 6.

КЛЮЧ ОТ СЕЙФА

Только к замочной скважине под № 7 подойдет ключ зеленого карандаша.

ПОДАРОК ДЕДУ БУКВОЕДУ

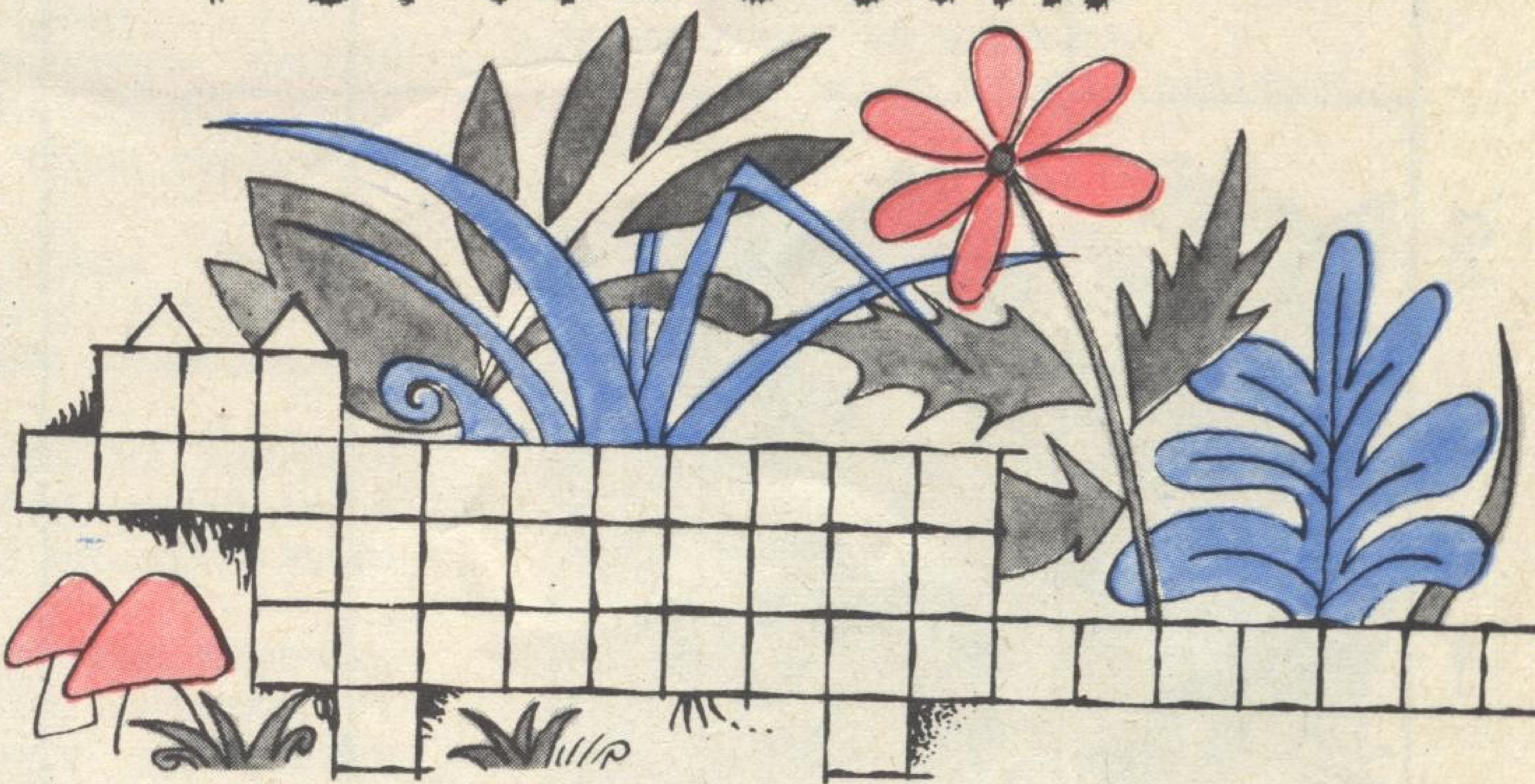
Вот из каких запчастей нужно собрать велосипед: звонок, колесо, руль, тормоз, насос, спица, цепь, педаль, седло.



Задача не простая — поймайте горностая

Горностай — ловкий и проворный зверек. Поймать его очень трудно. Но я предлагаю вам необычный способ ловли.

Из букв, которые входят в слово «горностай», постарайтесь образовать как можно больше разных слов, а потом впишите эти слова в клеточки. Можно вписывать слова как угодно: и по горизонтали и по вертикали, главное, чтобы словами был заполнен весь контур «горностая». Запомните, что «хвост» должен обязательно состоять из одного слова из семи букв. Желаю удачи!



Рисунки А. БОРИСОВА.

В каком порядке стоят палатки?

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА.



Туристы разбили палатки так, что выходы из них смотрят в четыре разные стороны света. Туристов зовут Север, Запад, Юг и Восток. Но палатка Севера не обращена на север, палатка Юга — на юг, палатка Запада — на запад и Востока — на восток.

Я заметил, что палатки Запада и Востока не стоят напротив друг друга, а палатка Востока не обращена на север.

Я думаю, что теперь вы сможете отгадать, чья палатка в какую сторону смотрит.

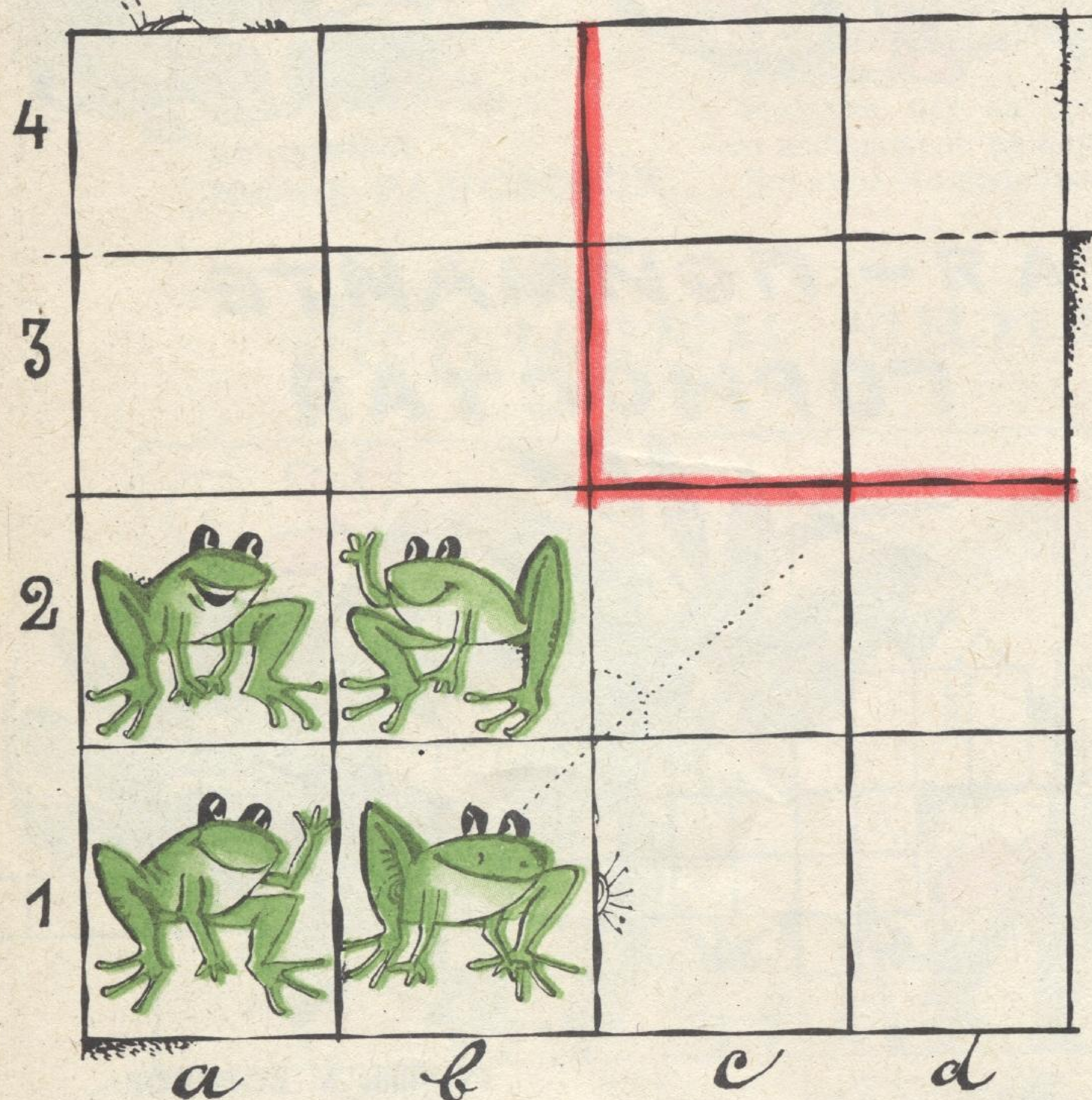
Примечание. Эта задача лучше всего решается в палатке во время дождя, но правильный ответ можно найти и в любую другую погоду. Попробуйте.

ПРАВИЛА КВАДРАТА

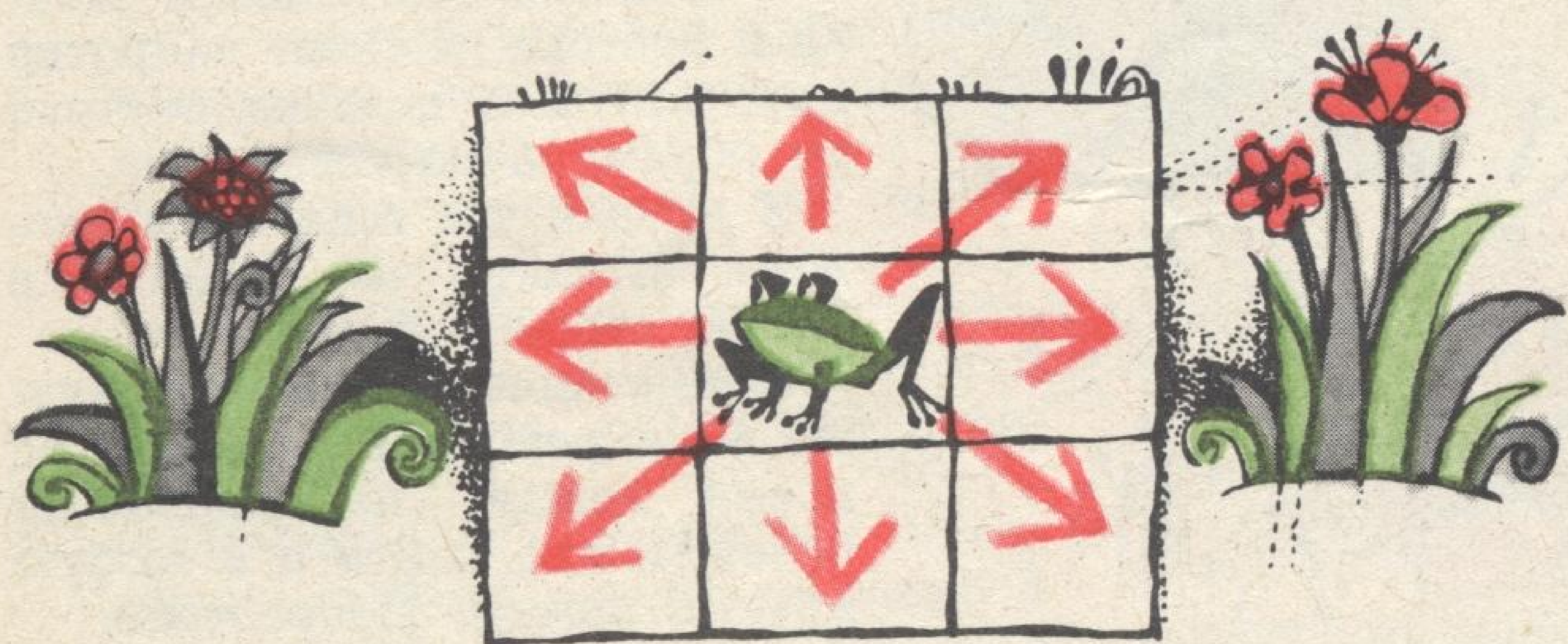




Мы смешные лягушата,
Возле лужицы в саду
Помним правила квадрата
И играем в чехарду.



Что же это за правила квадрата, о которых поют лягушата? А вот какие: лягушата могут прыгать на соседнее поле в любом направлении и перепрыгивать друг через друга (тоже в любом направлении) сколько хочешь раз, лишь бы были свободны клетки за теми лягушатами, через которых перепрыгивают. Скажите, как, играя по этим правилам, лягушата могут за четыре хода из левого нижнего угла перебраться в правый верхний. Запомните правила квадрата, чтобы нам не повторять их, когда лягушата будут снова в гостях в «Ума палате».



СОДЕРЖАНИЕ

●

●

Адрес для писем: Москва. А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Борисова.**

Сдано в набор 29/IV 1971 г. А 00911. Подписано к печати 3/VI 1971 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 1309. Заказ № 1272.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Раздается звон мечей...

В стране шаха звенят мечи на турнирах юных любителей шахмат. Более десяти тысяч ребят-москвичей участвовали в «Пионерской олимпиаде».

Победителей Пешкин наградил своими почетными грамотами.

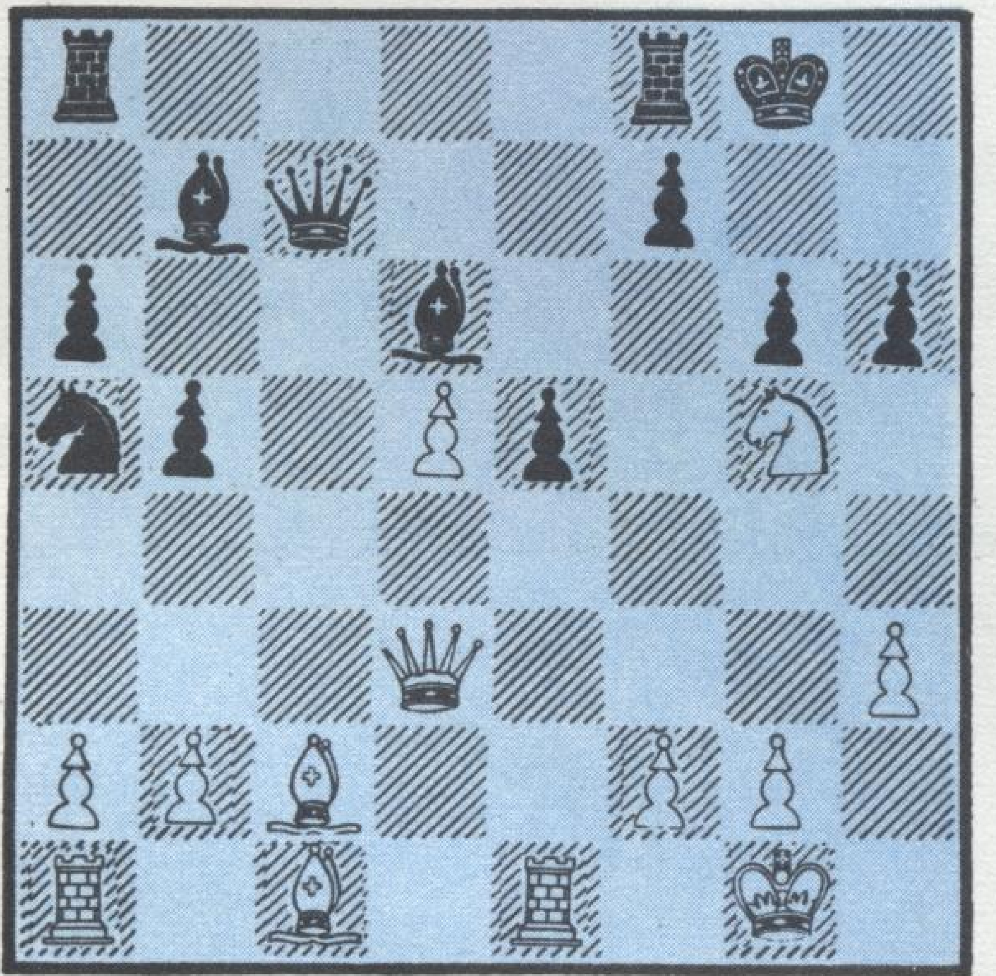
Хорошо прошли встречи клуба «Белая ладья» в Златоусте. Первое место заняла команда школы № 33, второе — шахматисты из школы № 25.

Без единого поражения сражались **Гриша Чукавин, Валерий Сафин** и **Лариса Салафутдинова.** Пешкин поздравляет бесстрашных рыцарей и награждает грамотами.

Победители командных соревнований пионерских дружин в Волгограде — шахматисты школы № 8 выиграли все матчи. Пешкин награждает «Грамотой ферзя и ладьи» учеников этой школы **Алешу Чистовского, Андрея Серединцева, Толю Поспелова, Колю Миронова** и **Таню Шошуневу.**

Второе место заняла команда школы № 13, третье — команда школы № 36.

Посмотрите, как закончилась одна из партий, сыгранных на турнире в Москве. Белыми играл **Сережа Пеккер,** черными — **Артур Юсупов.**



Последовало:

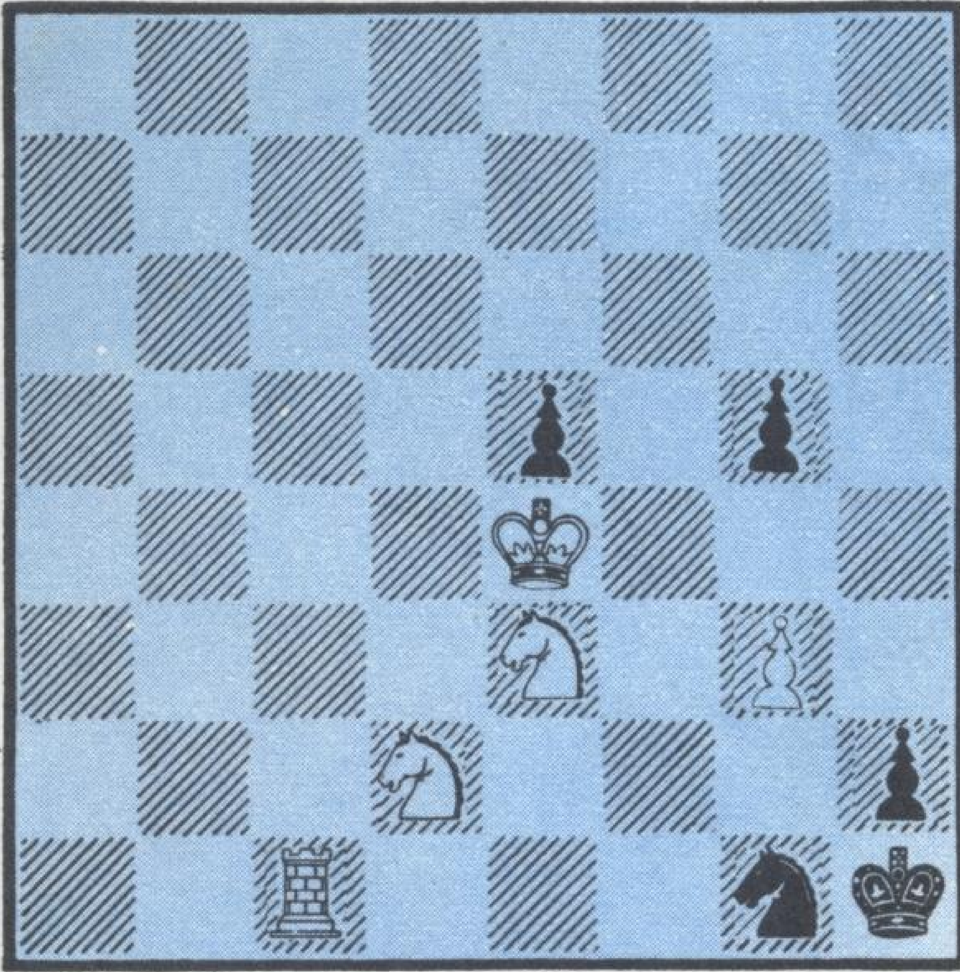
1. Kg5—e6! f7 : e6 2. Фd3 : g6+ (Пожертвовав фигуру, белые получили неотразимую атаку) 2...Фc7—g7 (Если 2...Kph8, то 3. Ф : h6+ Kpg8 4. Ф : e6+ Kph8 5. Лe4, и белые выигрывают) 3. Фg6 : e6+ Фg7—f7 4. Фe6 : d6 Фf7 : f2 + 5. Kpg1—h2 Фf2 : c2 6. Фd6—e6+ Лf8—f7 (или 6... Kph8 7. Ф : h6+ и т. д.) 7. Лe1 — f1 Лa8—f8 8. Cc1:h6 Фc2—h7 9. Лf1:f7 Фh7:f7 10. Лa1—f1! Cb7—c8 11. Лf1:f7. Черные сдались.

Раз, два, три,

четыре, пять,
Кони будут матовать...

Это произойдет в следующей задаче, девятой, в нашем заочном соревновании.

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в пять ходов черному королю. Черные понадеялись на пат, но, умело маневрируя, кавалерия белых наносит решающий удар.



Скорая шахматная

По кольцевой автостраде мчится скорая шахматная помощь. Куда так торопится Пешкин?

Выручать саратовского школьника **Сережу Никольского,** который прислал ему такое отчаянное письмо.

«Увидел я в одном журнале этюд и никак не могу его решить. По-моему, просто невозможно здесь выиграть.

Наверно, опечатка на диаграмме. Помоги, Пешкин, разобраться и, кстати, сообщи: кто автор этого этюда».

Позиция на диаграмме, конечно, правильная, никакой опечатки тут нет. Белые в самом деле могут добиться победы в этом этюде румынского мастера Пауля Фараго. А вот как это сделать, Пешкин пока решил не говорить. Пусть ребята сами подумают. Этот этюд будет десятым заданием нашего конкурса.

Повторяем: белые начинают и выигрывают.

Для ребят, которых постигла какая-нибудь неудача на дистанции конкурса, Пешкин дает дополнительно еще одну необычную задачу.

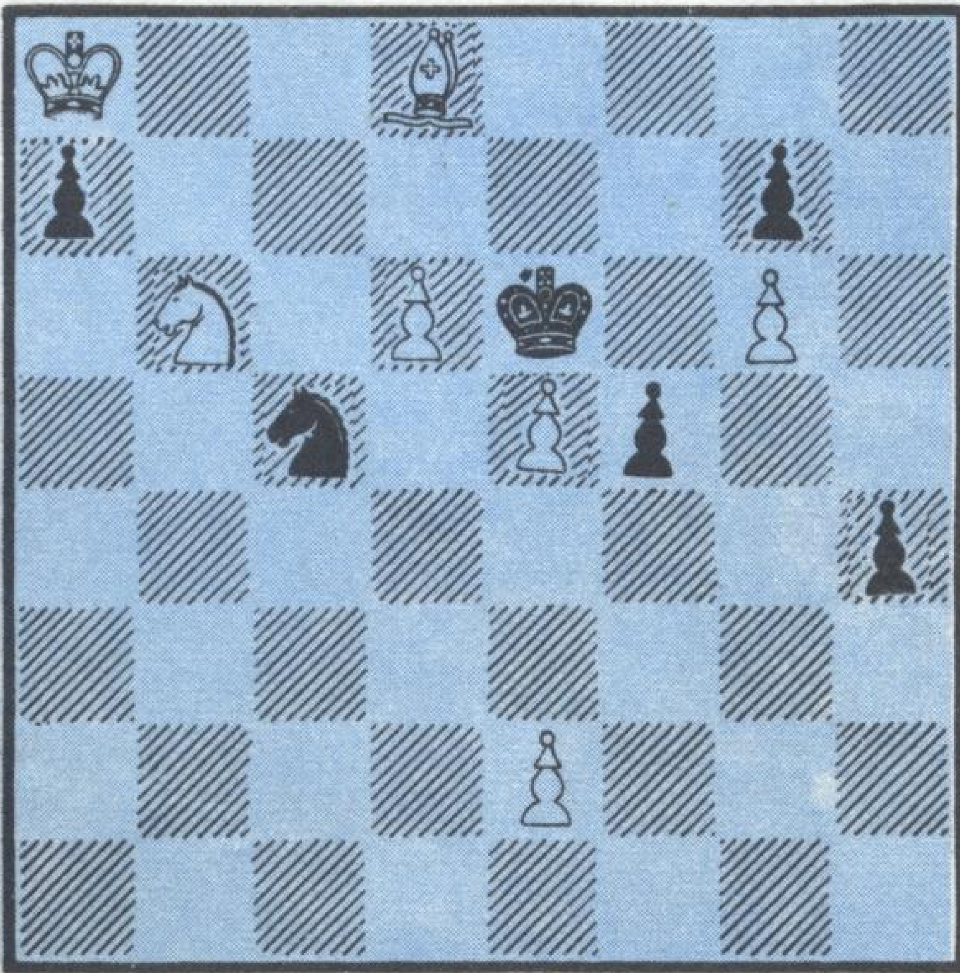




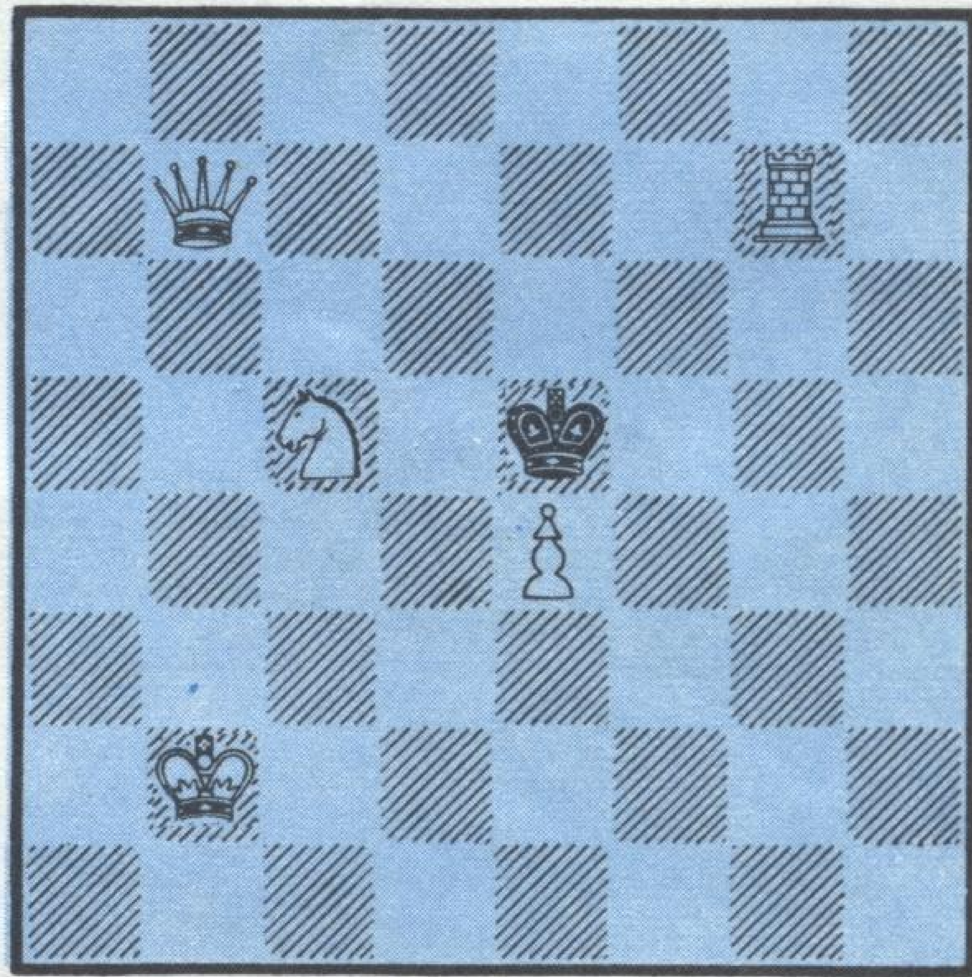


Рисунок **Н. ДОБРОХОТОВОЙ.**

Начиная игру в этом положении, белые дают мат в два хода.

Когда решите задачу, переставьте белого короля с b2 на b8. Получится новая двухходовка.

Пешкин ждет ваших решений, друзья!



Как решаются задачи?

Задачи Пешкина из январского и февральского номеров журнала решаются так:

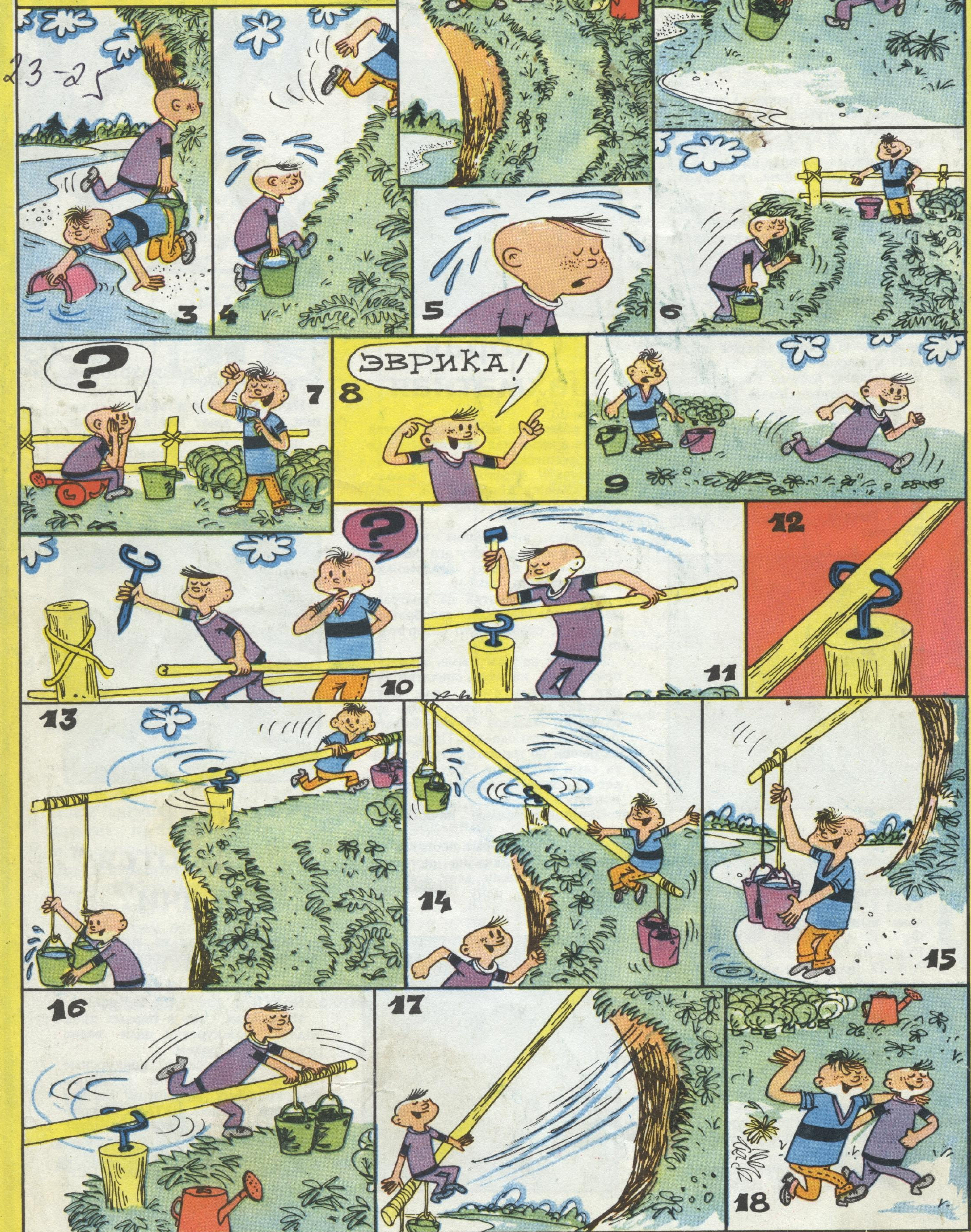
№ 1. I. Kpd7!

№ 2. II. 1. Kph5! III. 1. Kpd6!

Интересно, что в первых трех задачах конкурса к цели ведет только ход королем.

Успешно решают конкурсные задачи многие друзья Пешкина. Ряд красивых вариантов указали **Валерий Клюжев** и **Толя Мирошник** (Днепропетровская область), **Тамара Владимирова** (Йошкар-Ола), **Миша Чубаров** (Обнинск), **Петя Молдаван** (Молдавская ССР) и другие ребята.

Эврика!



Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.